

Географическая Комиссія при Учебн. Отдѣлѣ Общ. Распр. Техн. Знаній.

Западная Сибирь.

Губ. ТОБОЛЬСКАЯ и ТОМСКАЯ.

СОСТАВИЛЪ

М. Петровъ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ
МОСКВА.—1908.

О присоединеніи Сибири и ея прошломъ.

Западная Сибирь лежитъ рядомъ съ Европейской Россіей, на востокъ отъ Уральскихъ горъ. Она занимаетъ сравнительно небольшую часть нашихъ огромныхъ азіатскихъ владѣній. Всѣ русскія земли въ Азій извѣстны подъ однимъ общимъ названіемъ Сибирь. Слово „Сибирь“ произошло, вѣроятно отъ одного маленькаго народца „сывирь“ или „сыбирь“, который когда-то очень давно пришелъ изъ Монголіи и поселился на рѣкѣ Иртышъ, гдѣ теперь Тобольская губернія. Потомъ этотъ народецъ совершенно исчезъ, и память о немъ осталась въ названіи большого татарскаго города Сибирь (Искеръ), гдѣ жили въ старину татарскіе ханы. Теперь и отъ этого города слѣда не осталось. Нѣкоторые предполагаютъ, что Сибирь обозначаетъ испорченное слово „сѣверье“, т.-е. страна, лежащая къ сѣверу отъ Московскаго царства, какъ говорили въ старину на Руси.

Раньше намъ Сибирь не принадлежала. Русскіе постепенно, послѣ долгихъ и часто страшно кровопролитныхъ войнъ съ инородцами, овладѣвали одной сибирской мѣстностью за другой и проникали на востокъ все дальше.

Начало этого покоренія относится къ глубокой старинѣ. Древніе лѣтописцы говорятъ въ своихъ записяхъ, что еще въ 1032 году предприимчивые новгородцы ходили за Уралъ къ востоку, т.-е.

въ теперешнюю Сибирь, и торговали тамъ. Но новгородцы не столько торговали, сколько промышляли оружіемъ среди мѣстнаго населенія — „югровъ“, которое было богато золотомъ и пушниной, какъ тогда говорилось, „мягкой рухлядью“. Но однако набѣги прекратились послѣ того, какъ пришли татары, заняли югорскія земли и даже побѣдили русскихъ, обложивъ ихъ тяжелою данью. Югорское племя ушло отъ татаръ на сѣверъ. Но когда въ 1480 году татарская власть надъ Русью пала, снова потянулся народъ на востокъ, за Уралъ.

Этимъ движеніемъ однако руководила не царская власть. Прослышавъ про богатства въ нѣдрахъ Урала и про пушнину Сибири, купцы и всякіе другіе предприимчивые люди добровольно старались проникнуть въ новые края. По эту сторону уральскихъ горъ, въ теперешней Пермской губ., строились земледѣльческіе и торговые поселки. Нѣкоторые изъ нихъ огораживались и превращались въ крѣпостцы. Отсюда русскіе люди ходили къ сибирскимъ инородцамъ „торговать“; ихъ торговля скорѣе походила на разбой, и потому всѣ инородцы: вогулы, остяки, черемисы и татары, — защищались отъ купцовъ оружіемъ и даже сами нападали на нихъ. При Іоаннѣ IV по Уралу основались братья Строгановы. Имъ московскіе цари предоставили огромную власть надъ всѣмъ мѣстнымъ населеніемъ: судить, казнить по своему произволу и даже держать собственныя войска.

Такими наемными дружинами были казаки. Составились они изъ русскихъ бѣглецовъ, которымъ невтерпежъ были тогдашніе порядки: насилія воеводъ и боярѣ, высокіе налоги. Ища

свободы, они уходили въ черноморскія степи и на Донъ. Тамъ жили они почти независимо и вольно. Казаки частью разбойничали, грабя московскихъ купцовъ, частью совершали постоянные набѣги на татаръ. Всю свою жизнь они проводили въ бояхъ и, научившись владѣть оружіемъ, превратились въ прекрасныхъ, храбрыхъ воиновъ.

Окончательное покореніе Сибири началось съ походовъ дружины братьевъ Строгановыхъ. Въ то время за Ураломъ сидѣло нѣсколько татарскихъ князьковъ, которые правили самостоятельно. Въ каждомъ городѣ былъ свой царекъ: въ Тюмени, въ Туринскѣ—и такъ далѣе. Но самый сильный жилъ въ городѣ Сибирь или Искеръ, стоявшемъ недалеко отъ теперешняго Тобольска. Звали этого воинственнаго хана Кучумомъ. Онъ былъ особенно безпокойнымъ сосѣдомъ братьевъ Строгановыхъ.

Въ концѣ концовъ Строгановы рѣшили двинуться за Уральскія горы вглубь на востокъ, чтобы сильнѣе поразить своего врага. Для этого кликнули купцы кличъ среди казаковъ, опустошавшихъ въ то время берега Дона и Волги. Откликнулись на призывъ Ермакъ Тимофеевъ и Иванъ Кольцо и вмѣстѣ съ тремя другими атаманами подняли знамя на Волгѣ; собрали изъ удалой вольницы дружину въ 850 человекъ и явились къ Строгановымъ. Хоть небольшое войско, но вооружено было ружьями и даже двумя пушками. Татары же и инородцы владѣли только стрѣлами и копьями. Нагрузили казаки сорокъ струговъ и подъ начальствомъ Ермака съ веселыми пѣснями поплыли вверхъ по рѣкѣ Чусовой къ дикимъ Уральскимъ скаламъ. Вездѣ разбивая враждебныя племена, перетаскивая свои суда изъ рѣки въ рѣку, добрались казаки до рѣки Иртыша, къ городу

Сибирь. Кучумъ не хотѣлъ отдавать своей столицы безъ упорнаго сопротивленія. Онъ прочно засѣлъ въ городскихъ укрѣпленіяхъ съ многочисленными татарскими ордами.

Сначала казаки поколебались и хотѣли отступить. Но Ермакъ употребилъ всю силу своего вліянія на товарищей и убѣдилъ принять бой. Битва была жестокая. Татары осыпали казаковъ тучами стрѣлъ, проявили отчаянную храбрость, но не устояли предъ дружиной Ермака и ея огнестрѣльнымъ оружіемъ. Кучумъ и его войско бѣжало, а Ермакъ вошелъ въ опустѣвшую столицу. Совершилось это завоеваніе 23 октября 1582 г.

Ермакъ пошелъ дальше. Онъ не былъ жестокимъ завоевателемъ, и многія изъ покоренныхъ племенъ сами оказывали ему поддержку. Казаки проникли до береговъ Оби. Въ августѣ 1584 года Ермакъ съ товарищами попалъ въ засаду. Кучумъ со своими татарами ночью перерѣзалъ всю казацкую дружину. Погибъ и Ермакъ, утонувъ въ бурныхъ водахъ Иртыша. Но со смертью Ермака движеніе казаковъ на востокъ не прекратилось. Всѣхъ притягивала къ себѣ слава о сибирскихъ богатствахъ, и непрерывно шелъ русскій народъ въ невѣдомыя страны. Впереди были промышленники - казаки, а за ними двигались уже царскія дружины и строили крѣпости, „остроги“. Безъ нихъ трудно было обойтись въ только что покоренной странѣ, гдѣ инородцы всѣми силами сопротивлялись натиску русскихъ, несшихъ имъ смерть и разореніе.

Въ концѣ-концовъ хозяева Сибири ничего не могли подѣлать съ непрерывнымъ русскимъ движеніемъ. Можно было разбить казаковъ или царскую дружину, но со всѣмъ русскимъ народомъ,

потянувшимся на востокъ, бороться было не подь силу. И покорились инородцы. Постепенно изъ крѣпостей выросли города. Такъ образовались Тобольскъ, Томскъ, Туринскъ, Каинскъ и другіе. Началось „мирное“ завоеваніе новаго края. Изъ Россіи бѣжали въ Сибирь всѣ недовольные, обездоленные и притѣсняемые. Бѣжали безъ конца. Тутъ были раскольники, которыхъ преслѣдовали за вѣру, крѣпостные, ушедшіе отъ тяжелой рабской жизни, и много - много другихъ бѣглецовъ. Но московское правительство не любило этого самовольнаго переселенія и старалось всячески его задержать. Въмѣсто него оно перевозило крестьянъ цѣлыми семьями и обществами „добровольно“, т.-е. не спрашивая даже ихъ согласія. Въ Сибирь ссылали изъ Россіи въ наказаніе за различныя преступленія, устроили тамъ каторгу, превративъ острожки въ тюрьмы.

Кромѣ преступниковъ, ссылались на сѣверъ и востокъ всѣ тѣ, кто былъ не угоденъ правительству. Были тутъ разжалованные сановники и придворные, были плѣнные иностранцы, были крестьяне, ссылаемые своими помѣщиками. Особенно много потомъ пошло политическихъ ссыльныхъ. Политическіе ссылались за то, что были недовольны существующими порядками и требовали реформъ, полезныхъ народу.

Въ 1825 году Николай I отправилъ въ западную и восточную Сибирь первыхъ заступниковъ народа—декабристовъ. Они рѣшились требовать отмѣны крѣпостного права, ограниченія власти чиновниковъ, конституціи и многого того, что только недавно отчасти оказалось исполнено. Декабристы знали, что у нихъ нѣтъ силъ бороться противъ притѣснителей, но пожертвовали собою

за благо народное. Пять изъ нихъ: Рылѣевъ, Пестель, Муравьевъ, Бестужевъ и Коховскій были казнены. Болѣе ста человѣкъ оказались въ Сибири. Живя въ пустынныхъ и тогда почти еще не заселенныхъ краяхъ, они принесли этимъ молодымъ владѣніямъ Россіи много пользы своими свѣдѣніями и своими выдающимися способностями. Декабристы учили дѣтей, просвѣщали взрослыхъ, разводили новыя огородныя овощи, придумывали нѣкоторыя простыя и полезныя для края машины. А. С. Пушкинъ, бывший другомъ нѣкоторыхъ изъ осужденныхъ, послалъ имъ въ Сибирь свое стихотвореніе. Въ немъ поэтъ говорилъ:

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье,
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И душъ высокое стремленье...
Придетъ желанная пора,
Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ, и свобода,
Васъ приметъ радостно у входа.

Вслѣдъ за декабристами потянулся въ ссылку безконечный рядъ другихъ борцовъ, жертвовавшихъ своею свободой и даже жизнью за народное счастье. Всѣ они свято хранили въ своихъ сердцахъ память о первыхъ мученикахъ-декабристахъ!

Новые обитатели Сибири, всѣ эти переселенцы и ссыльные, съ теченіемъ времени начали двигаться дальше на востокъ и сѣверъ, вынуждаемые невыносимо тяжелыми порядками, установившимися съ проникновеніемъ въ Сибирь правительственныхъ чиновниковъ и властей. Царскіе воеводы и другіе представители правительства допускали такія злоупотребленія властью, обла-

гали народъ такими налогами, повинностями и взятками, совершали такія насилія и несправедливости надъ мѣстнымъ населеніемъ, что безобразное поведеніе чиновничества стало чѣмъ-то обычнымъ, вошло въ поговорку. Народъ, только что ушедшій отъ произвола русскихъ властей, снова былъ принужденъ сниматься съ мѣста и идти дальше. Тогда воеводы, чувствуя, что Сибирь разбѣгается, начали жестоко преслѣдовать уходящихъ наравнѣ съ раскольниками.

Сибирскимъ воеводамъ представлялись огромныя полномочія и власть. Они неограниченно завѣдывали всеми частями управленія: войскомъ, судомъ, сборомъ налоговъ съ инородцевъ (ясакомъ), ссыльными и т. д.; кромѣ того, имъ поручались промышленныя казенныя монополіи: торговля виномъ, табакомъ, ревенемъ, мѣхами, слоновой костью и пр. Простору и случаевъ для грабежа за счетъ населенія было много. Сибирскіе правители часто не исполняли царскихъ приказовъ, конфисковывали въ свою пользу имущества состоятельныхъ жителей, заточали въ тюрьмы, пытали, казнили кого хотѣли безъ суда и слѣдствія. „Нигдѣ самовластье не достигало такихъ отвратительныхъ формъ и размѣровъ, какъ въ Сибири“, говоритъ ея историкъ. Правители держали себя какъ цари, окруживъ пышностью и почестями. Роскошные пиры и дворцы, богатыя приношенія и взятки, парадные конвои, гайдуки, торжественныя встрѣчи со стрѣльбой изъ пушекъ, даже царскіе троны и требованіе предъ собой колѣнопреклоненія сопровождали „правленіе“ этихъ деспотовъ.

Когда безобразія чиновниковъ превышали всякую мѣру, и, наконецъ, вѣсти о нихъ доходили до

правительства, посылались ревизіи, наводились слѣдствія. Часто и они ни къ чему не приводили, такъ какъ ревизоры и слѣдователи сами шли на всевозможныя продѣлки, брали взятки и доносили о всеобщемъ благополучіи. Но когда преступленія открывались, правительство для борьбы съ ними принуждено бывало прибѣгать къ самымъ суровымъ мѣрамъ. Напримѣръ, при Петрѣ I воеводѣ и другихъ мѣстныхъ администраторовъ, уличенныхъ въ преступленія, ссылали на каторгу, били кнутами, рвали поздри, рубили головы. Но даже эти мѣры не помогали: настолько чиновничество оказывалось развращеннымъ предоставленною ему властью. Дѣло доходило до того, что иногда правительство смѣщать и наказывать всѣхъ зарвавшихся агентовъ могло лишь съ помощью вооруженной силы, такъ какъ воеводы отказывались подчиняться и оказывали сопротивленіе.

Такъ заселялась Сибирь людьми самыми разнообразными: отъ каторжниковъ-убійць до честныхъ героевъ, защитниковъ народной свободы включительно.

Что же это за страна, куда издавна тянутся народъ и правительство? Много о ней писали и говорили, но до сихъ поръ всей еще подробно не изучили.

Сибирь въ разныхъ концахъ различная; поэтому про нее и ходятъ различныя, часто разнорѣчивыя слухи. Заѣзжіе люди изъ Россіи попадали въ какую-нибудь одну часть, описывали ее, а выходило, какъ будто и вся Сибирь такова. То оказывалось, что тамъ не земля, а берега кисельные, не рѣки, а молочныя струи. То рассказывали, что Сибирь—это кромѣшныя лѣса и

болотистыя пространства подъ вѣчнымъ снѣжнымъ покровомъ, гдѣ трещать лютые морозы, гудитъ вьюга, да дикій звѣрь гулетъ на просторѣ. Не мало повредила слава о Сибири каторга и ссылка. Всѣхъ пугали рассказы о тѣхъ мученіяхъ, которымъ подвергаютъ ссыльныхъ, пугали рѣвки слезъ и крови народной, пролитыя въ этихъ далекихъ и чужихъ краяхъ. Само названіе „Сибирь“ казалось ужаснымъ, проклятымъ словомъ, обозначавшимъ мученіе. Одинъ изъ русскихъ помѣщиковъ даже назвалъ Сибирью пустынное мѣсто въ Тверской губерніи, куда онъ ссылалъ для наказанія своихъ крѣпостныхъ.

Понемногу русскіе стали знакомиться со своими азіатскими владѣніями.

Съ 1891 года начала строиться изъ Россіи на востокъ, чрезъ Уральскія горы, желѣзная дорога, проходящая чрезъ всю Сибирь. Великій сибирскій путь протянулся на 8.000 верстъ, имѣя 45 большихъ мостовъ. Быстро отстроилась желѣзная дорога и стоила очень дорого—850.000.000 рублей. Во время работъ было много всякихъ неудачъ, перестроекъ и злоупотребленій.

Съ тѣхъ поръ, какъ по великому сибирскому пути открылось движеніе, прошло 6 лѣтъ, но уже многое въ порядкахъ и въ хозяйствѣ Сибири успѣло измѣниться. Въ будущемъ ее ожидаютъ еще большія перемѣны. Теперь же Сибирь стоитъ на границѣ между своей старой и новой исторіей.

Судьба Сибири тѣсно связана съ судьбой всей Россіи. Недостатки нашей родины отражаются съ особой силой на окраинахъ; ея обновленіе будетъ обновленіемъ и для окраинъ. Знаменитый географъ и ученый Э. Реклю писалъ:

„Какова будетъ въ исторіи роль, которая выпадеть на долю Сибири, трудно сказать, но она зависитъ всецѣло отъ Россіи. Будущее же Россіи еще темно. Ея штыки и пушки и полицейскій произволъ внутри не даютъ радужныхъ надеждъ, потому что не толпой вооруженныхъ людей измѣряется вліяніе народовъ въ общемъ ходѣ человѣческаго развитія, а измѣряется количествомъ законовъ справедливости, труда и жертвъ, принесенныхъ на пользу народнаго развитія и свободы!“ *).

Русскій народъ теперь проснулся; онъ началъ борьбу за свое обновленіе и освобожденіе отъ оковъ произвола. Будущее Россіи уже не такъ темно, а вмѣстѣ съ нею, значить, и будущее Сибири.

*) Э. Реклю. „Азіатская Россія“, стр. 697.

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ.

Азіатская Россія. Западная Сибирь, ея населеніе, поверхность, рѣки и природа.

За Уральскими горами, которыя зубчатою стѣною высятся на востокъ Европейской Россіи, начинается Азія. Это огромная земля, въ $4\frac{1}{2}$ раза больше Европы.

Уральскія горы, по которымъ идетъ граница между Европой и Азіей, не велики; самыя высокія вершины едва достигаютъ полутора верствъ. Въ двухъ мѣстахъ, тамъ, гдѣ горный хребетъ понижается и образуетъ какъ бы проходъ или ворота, проложены желѣзныя дороги. Сѣверный путь лежитъ чрезъ городъ Екатеринбургъ на Тюмень, откуда по сибирскимъ рѣкамъ уже ходятъ пароходы; южный—это великій сибирскій путь. Чрезъ всю Россію идетъ желѣзная дорога на востокъ. Изъ Москвы и Петербурга чрезъ Самару и Челябинскъ въ Курганскъ и дальше; отъ Уральскихъ горъ она идетъ сначала почти по прямой линіи, а потомъ извивается змѣей чрезъ горы, рѣки и озера, вплоть до самаго Великаго океана, на протяженіи 8.000 слишкомъ верствъ.

Когда поѣздъ желѣзной дороги, пыхтя и вздрагивая, медленно подымается къ перевалу по склонамъ Уральскаго хребта, на которомъ ле-

житъ граница между Азіей и Европой, то пассажиры съ любопытствомъ выглядываютъ изъ оконъ и толпятся на площадкахъ вагоновъ. Кругомъ виднѣются волнистыя горы, высятся одинокіе утесы, обросшіе щетинистымъ лѣсомъ пихтъ и елей. Хотя и красиво, но однообразно, темно и мрачно. А если ѣдешь осенью, то сѣрое небо и хмуряя тучи покрываютъ горы и брызжутъ мелкимъ частымъ дождикомъ. Картина еще унылѣе. Зимой лѣсъ и горы покрываются покровомъ кристальнаго снѣга... Вотъ поѣздъ на перевалѣ. Стоятъ столбы; на нихъ написано съ одной стороны Европа, съ другой—Азія. А кругомъ тѣ же горныя вершины и лѣсъ! Склоны сразу становятся круче, и поѣздъ быстро скатывается внизъ, то скрываясь въ горныхъ выемкахъ, то снова появляясь на поверхности горъ; онъ уже въ Азіи. Такъ проѣзжаемъ границу двухъ разныхъ частей свѣта, двухъ разныхъ міровъ. Большой перемѣны не замѣтно. Кругомъ, послѣ скалъ и лѣсовъ, идутъ знакомыя поля и „россійскія“ лица, только деревни попадаютъ навстрѣчу уже иныя, съ большими постройками и относительно довольнымъ видомъ, къ какому мы не привыкли у себя на родинѣ.

Послѣ Уральскихъ горъ не сразу начинается Сибирь. Поѣздъ еще нѣкоторое время идетъ по Оренбургской губ., часть которой вмѣстѣ съ частью Пермской заходитъ къ востоку за Уральскій хребетъ. Только послѣ города Тюмени на сѣверѣ и Курганска на югѣ начинается Сибирь. Такимъ образомъ географическое дѣленіе между Европейской и Азіатской Россіей по Уралу не совпадаетъ съ административнымъ, т.-е. съ дѣленіемъ по управленію.

За Уральскимъ хребтомъ, гдѣ-нибудь на равнинахъ Иртыша и Оби или на холмистыхъ берегахъ Томи, замѣтно чувствуется разница въ людяхъ: другой говоръ, другой обычай, новый характеръ во всемъ. Сибиряки—большіе патріоты, глубоко любящіе свою родину и гордящіеся ею. Россію они считаютъ для себя страной совершенно чужой. Въ разговорахъ постоянно слышно: „у васъ въ Россіи“ и „у насъ въ Сибири“.

Русскія владѣнія въ Азіи занимаютъ всю ея сѣверную часть. Отъ Уральскихъ горъ на востокъ, на разстояніе 7.500 верстъ вплоть до Тихаго океана, и отъ Ледовитаго океана на югъ, на 2.500—3.000 верстъ до средней Азіи и Китайской имперіи, все это принадлежитъ Россіи. Это необъятное пространство представляетъ изъ себя площадь въ 12.400.000 кв. верстъ. Чтобы ясно представить себѣ огромную величину Азіатской Россіи, достаточно сказать, что она равняется тринадцатой части всей суши на земномъ шарѣ и въ 25 разъ превосходитъ Германію. Такъ какъ Сибирь тянется отъ 45° до 77° сѣверной широты и отъ 60° до 190° восточной долготы, то она проходитъ чрезъ различныя полосы климата и природы.

Сибирь дѣлится на нѣсколько частей: Степную область, Западную Сибирь, Восточную Сибирь и Амурскую область. Мы займемся здѣсь самой западной частью, нашей ближайшей сосѣдкой за Уральскими горами.

Западная Сибирь среди всѣхъ частей Азіатской Россіи больше другихъ походитъ на сосѣднія русскія губерніи: Архангельскую, Вологодскую, Пермскую и Уфимскую, судя по тому, на какой широтѣ лежатъ ея различныя мѣста. Климатъ

Западной Сибири очень близокъ къ климату этихъ губерній, только онъ континентальнѣе, т. е. разница между лѣтнимъ тепломъ и зимними морозами рѣзче, а дождей и снѣга вообще выпадаетъ меньше, чѣмъ въ сосѣднихъ мѣстахъ Европейской Россіи.

Къ восточнымъ склонамъ Уральскаго хребта прилегаеть обширная равнина; это западно-сибирская низменность. Отъ Урала тянется она на 1.500 верстъ до береговъ р. Енисея. На сѣверѣ низменность омывается волнами Ледовитаго океана, на югѣ она примыкаетъ къ киргизскимъ степямъ, а въ юго-восточномъ углу ея, на границѣ съ Китаемъ, стоятъ Алтайскія горы.

Отъ китайской границы цѣпи этихъ горъ ползутъ во всѣ стороны, переплетаясь въ безпорядкѣ другъ съ другомъ! Среди нихъ часто бѣлѣютъ вершины съ шапкой вѣчнаго снѣга; оттуда сбѣгають чистыя горныя рѣчки; быстро несутся онѣ въ скалистыхъ берегахъ, часто превращаясь въ пѣнящіеся водопады или вливаясь въ красивыя, спокойныя горныя озера. Съ алтайскихъ вершинъ спадаютъ главныя рѣки Западной Сибири.

Выйдя изъ горнаго царства, рѣки текутъ по плоской съ волнистыми холмами западно-сибирской низменности; дальше къ сѣверу, на ихъ теченіи, уже не встрѣчается ни горъ ни скалъ. Земля рыхлая. Изрѣдка, по берегамъ большихъ рѣкъ, валяются валуны, занесенные съ вершинъ Алтая весеннимъ потокомъ. Эта низменность — одна изъ самыхъ большихъ на всемъ земномъ шарѣ; съ юга отъ Алтайской возвышенности она постепенно опускается къ Сѣверному Ледовитому океану такъ постепенно, что вода еле движется въ рѣкахъ и застаивается въ болотахъ.

Когда-то Сибирь была дномъ большого моря, заходившаго на югъ до Алтайскихъ горъ. Алтай представлялъ тогда изъ себя скалистый полуостровъ. На дно постоянно осаждался иль и другіе морскіе осадки. Дно понемногу подымалось, вода уходила въ новыя мѣста, и изъ безбрежнаго моря появилась земля. До сихъ поръ продолжается медленное поднятіе дна; заливы Ледовитаго океана отступаютъ къ сѣверу, обнажая берега, оставляя послѣ себя озера. Въ глубокую старину ¹⁾ весь Алтай былъ покрытъ огромными снѣговыми полями и ледниками, изъ которыхъ вытекло потомъ такъ много воды, что она наполнила собою многія углубленія равнины, образовавъ прѣсныя озера и рѣки. Другія озера остались послѣ ушедшаго моря. Озера, находясь въ сухомъ степномъ климатѣ, теряютъ обыкновенно чрезъ испареніе больше влаги, чѣмъ ее получаютъ; въ такихъ случаяхъ происходитъ усыханіе и обмелѣніе озеръ. Во всякой водѣ присутствуютъ соли, даже въ прѣсной на вкусъ; но обнаружить соли, находящіяся въ небольшомъ количествѣ, можно только при помощи очень точнаго изслѣдованія, осолоненіе озеръ, не имѣющихъ стековъ, происходитъ оттого, что изъ почвы постоянно вымываются соли и съ водой попадаютъ въ водоемъ, непрерывно увеличивая количество его соляного запаса. Во время усыханія озера и его обмелѣнія первоначальный незначительный запасъ соли становится все болѣе и болѣе замѣтнымъ, такъ какъ разбавляется уже

¹⁾ Сколько тысячелѣтій тому назадъ существовалъ этотъ такъ называемый „ледниковый періодъ“, точно указать невозможно, но ученые предполагаютъ, что для сѣвернаго полушарія ледниковый періодъ долженъ быть отнесенъ лѣтъ на 80.000 назадъ, по крайней мѣрѣ.

меньшимъ количествомъ воды. Такимъ образомъ происходитъ постепенное осолоненіе водоемовъ.

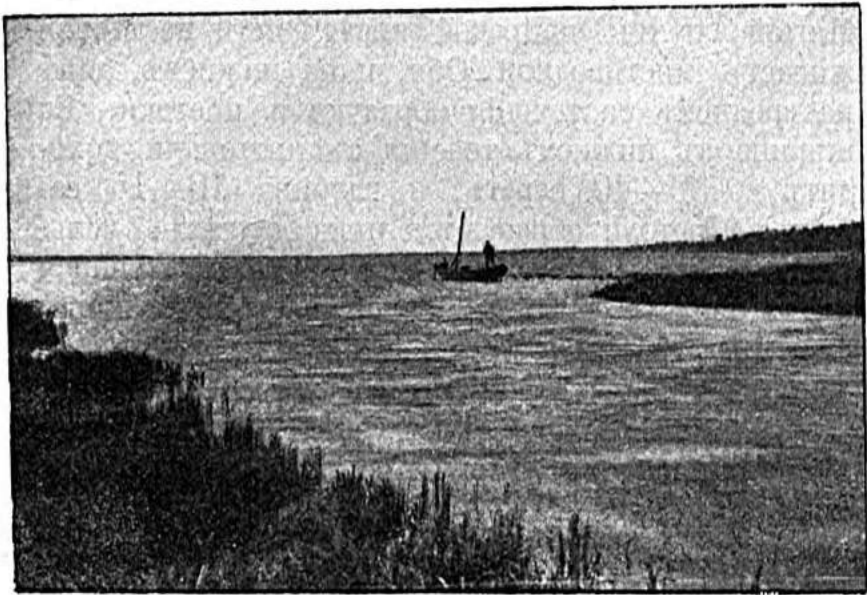
Усыхаютъ не только озера, но и рѣчки. На мѣстахъ остаются тростниковыя „займища“. Усыханіе происходитъ и періодическое и постоянное.

Озера часто подвергаются заболачиванію. Озеро зарастаетъ и покрывается торфомъ; вода въ такихъ заросшихъ озерахъ становится мутной отъ отмершихъ частицъ растеній. Благодаря мути вода быстрѣе прогрѣвается и обильнѣе испаряется; озеро отъ усиленнаго испаренія, съ одной стороны, отъ заполнения торфомъ съ другой, мельѣтъ, уменьшается. Даже послѣ дождливыхъ, „смочныхъ“ лѣтъ такое заболоченное озеро не возстановляетъ своихъ прежнихъ границъ и продолжаетъ исчезать. Вода непроточныхъ озеръ богата питательными частицами для водяныхъ растеній; отъ этого и зависитъ быстрое заростаніе озеръ Сибири.

Въ сѣверныхъ частяхъ низменности и въ полосѣ, поросшей лѣсомъ, влаги такъ много, а уклонъ такъ незамѣтенъ, что иногда на сотни верстъ залегли болота вперемежку съ маленькими и неглубокими озерами. Застоявшаяся вода безъ стока въ нѣкоторыхъ мѣстахъ загниваетъ, отравляя воздухъ. Рѣчки, выходящія изъ такихъ гнилыхъ болотъ, несутъ съ собою испорченную воду, въ которой рыба не можетъ выжить и умираетъ. Поэтому, несмотря на то, что въ средней и сѣверной части Западной Сибири влаги слишкомъ много, людямъ воды иногда не хватаетъ.

Многоводныя сибирскія рѣчки по веснѣ широко разливаются на всѣ стороны, покрывая низменность часто на нѣсколько верстъ. Сибирскіе раз-

ливы бываютъ такъ обильны водою по слѣдующей причинѣ: на югѣ, въ верхнемъ теченіи рѣкъ, весна наступаетъ раньше, чѣмъ въ сѣверныхъ низовьяхъ, и здѣсь образуется пробка изъ крѣпкаго еще нетронутого весеннимъ тепломъ льда въ то время, когда наверху ледъ стаялъ, и мчатся съ горъ и отовсюду въ море вешнія воды; имъ стокъ прегражденъ, и онѣ всей своей массой устрем-

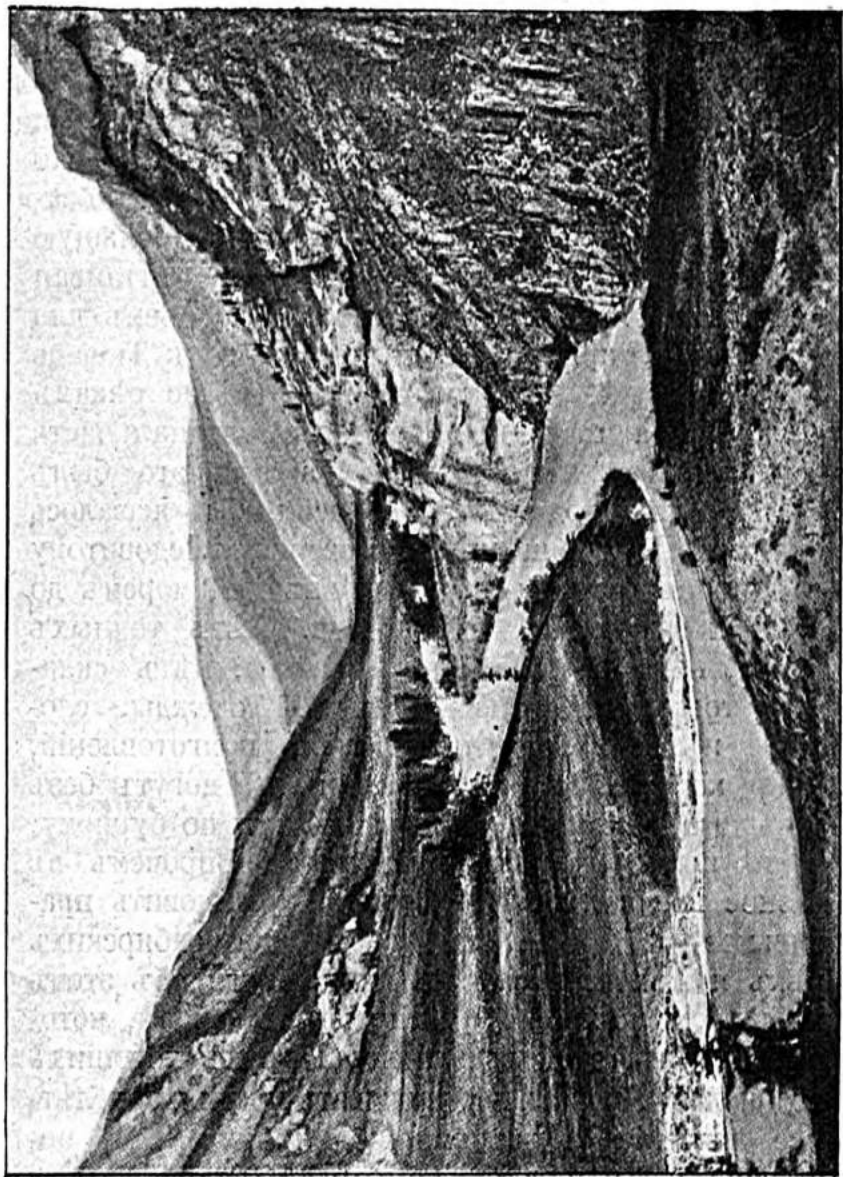
Видъ на озеро Большое.

ляются на прибрежныя низины, размывая поля и пашни, засоряя ихъ иломъ. По широкимъ сибирскимъ рѣкамъ иногда проносятся бури. Какъ живыя пѣнятся тогда огромныя волны и хлещутъ о берега; въ это время много гибнетъ народу, особенно рыболововъ-инородцевъ, плавающихъ на грубыхъ, неустойчивыхъ челнокахъ.

Самая большая рѣка Обь составилаь изъ двухъ горныхъ алтайскихъ рѣчекъ, слившихся вмѣстѣ.

Онѣ называются Бія и Катунь и значатъ на мѣстномъ языкѣ „женщина“ и „мужчина“. Всю равнину съ юга на сѣверь прорѣзываетъ собою Обь. Кругомъ со всѣхъ сторонъ въ нее вливаются все новые и новые притоки; самый большой и широкій изъ нихъ, Иртышъ, самъ принимающій не мало большихъ и малыхъ рѣкъ, Тоболь съ рѣкою Тавдой и Турой, Ишимъ, Омь. Кромѣ того, въ Обь втекаютъ рѣки Томь, Кеть, Вахъ. Мягкій грунтъ сибирской низменности не выдерживаетъ многоводной Оби, и на нижнемъ, даже на среднемъ ея теченіи образуются протоки. Ея ширина въ нижнемъ теченіи съ протоками доходитъ до 30—40 верстъ, а глубина 10—15 сажень. Протоки образуются и на другихъ, меньшихъ рѣкахъ. Случается, что вновь открывшійся послѣ разлива протокъ превращается въ новое русло, на нѣсколько сажений даже верстъ отстоящее въ сторонѣ отъ стараго, которое мелѣетъ, усыхаетъ и совершенно гложнетъ. Такія старыя русла называютъ „старицами“. Вообще сибирскія рѣки, текуція по мало покатой равнинѣ, медленны; онѣ и неглубоки: вода, размывая берега свободно разливается въ ширь; къ зимѣ главныя рѣки еще мелѣютъ, послѣ того какъ мелкіе притоки промерзаютъ до дна и прекращаютъ доставлять обычную воду. Берега подмываются очень сильно. Бывало, что городъ или село уходило отъ рѣчныхъ береговъ на новыя мѣста, иначе имъ грозила опасность обрушиться въ воду.

Одна изъ рѣкъ, какъ мы видѣли раньше, называется Иртышомъ, что въ переводѣ означаетъ землерой. Размываются обыкновенно, такъ же какъ и въ Россіи, правые берега, а на плоскій берегъ выбрасываются голые и обитые стволы

Большой Акъ-бозъ на Алтай.

пихть, кедровъ и другихъ деревьевъ, засоря русло и дно теченій рѣкъ.

Несмотря на обиліе рѣкъ Западной Сибири, плавать по нимъ не особенно удобно. Какъ видно по картѣ, рѣки, направляясь на сѣверъ, впадаютъ въ Ледовитый океанъ, прорѣзая его ненаселенныя побережья. Сѣверное море постоянно покрыто льдами, зимою же его берега ими совершенно затираетъ. Объ въ нижнемъ теченіи большую часть года стоитъ закованная въ ледъ, оттаивая на какихъ-нибудь четыре мѣсяца. Устьемъ для торговли и пристанью служитъ городъ Тюмень на рѣкѣ Турѣ, куда товары свозятся по рѣкамъ и съ сѣвера и съ юга. Самая многоводная часть Оби, ея низовья пропадаютъ даромъ; это былъ бы хорошій водный путь, если бы оказалось возможнымъ сообщаться по Сѣверному Ледовитому океану съ Россіей; доступъ къ ней моремъ до сихъ поръ почти недоступенъ. Нѣтъ точныхъ картъ, нѣтъ спасательныхъ станцій, нѣтъ складовъ топлива, провизіи и теплой одежды, словомъ, нѣтъ тѣхъ необходимыхъ приготовленій, безъ которыхъ мореплаватели не могутъ безъ большого риска отправиться въ путь по бурному, часто покрытому туманами морю. Впрочемъ въ разное время дѣлались попытки установить правильное сообщеніе между устьями сибирскихъ рѣкъ и Архангельскомъ. Очень много объ этомъ хлопоталъ покойный адмиралъ Макаровъ, который думалъ, что, при помощи двухъ хорошихъ ледоколовъ, можно поддерживать правильное лѣтнее движеніе съ устьями Оби и Енисея. Въ послѣдніе годы, послѣ войны съ Японіей, вновь заинтересовались „Сѣвернымъ“ путемъ и изученіемъ Карскаго моря, измѣнчивое и плохо изу-

ченное состояніе льдовъ котораго болѣе всего затрудняетъ торговое мореходство.

Многочисленныя рѣчки, притоки трехъ большихъ рѣкъ Сибири, между собою сближаются такъ близко, что по Сибири съ запада на востокъ возможно пройти на лодкахъ, перетаскивая ихъ чрезъ небольшіе „волоки“. Весною же въ разливы безъ пересадки удобно плыть даже чрезъ лѣса. Вся

Горная Алтайская рѣчка.

длина Оби достигаетъ 4.200 верстъ. Она находится въ числѣ самыхъ большихъ рѣкъ міра, а Западная Сибирь—одно изъ самыхъ богатыхъ водою мѣстъ на всемъ земномъ шарѣ. Наша Волга далеко не можетъ сравниться съ Обью!

Для Западной Сибири, конечно, большое неудобство, что рѣчки, такія удобныя дороги, текутъ съ юга на сѣверъ, а не съ запада на вос-

токъ. Другіе пути сообщенія мало удобны. Въ южной части равнины возможны желѣзные и грунтовыя дороги, но въ лѣсахъ и болотахъ лѣтомъ другихъ путей, кромѣ рѣкъ и кое-гдѣ тропинокъ для верховыхъ лошадей, не существуетъ. При этомъ тропинки въ самомъ скверномъ состояніи, и ѣздить по нимъ, да еще въ деревянныхъ сѣдлахъ, невыносимое мученіе. Только зимой крестьяне ѣздятъ на саняхъ, когда болота и рѣки замерзнутъ и покроются снѣгомъ; на лѣто перебираются въ лодки, на которыхъ и путешествуютъ, а лошадей иногда даже дома не держатъ, пуская ихъ пастись до осени на полной свободѣ.

По берегамъ сибирскихъ рѣкъ находятъ остатки огромнаго вымершаго животнаго—мамонта. Видомъ своимъ мамонтъ походилъ на слона, но былъ еще больше и еще массивнѣе. Его клыки, которыми онъ ломалъ молодыя ели и сосны, чтобы добыть себѣ шишки и молодые побѣги, въ длину доходили до сажени. Мамонтъ былъ покрытъ мягкой, пушистой шерстью; съ головы свѣшивались голыя уши, а на концѣ такого же голаго хвоста росъ пучокъ длинныхъ волосъ; по спинѣ и затылку шла большая, жесткая грива. Въ разныхъ мѣстахъ Сибири находятъ еще много остатковъ и другихъ вымершихъ животныхъ. Когда-то водились въ Сибири полярные быки, волосатые носороги; еще недавно на дальнемъ востокѣ Сибири попадалась морская корова. Это было большое животное, похожее на тюленя; длина морской коровы доходила до 4 сажень. Туша ея давала количество мяса, достаточное для прокормленія 50 человѣкъ въ теченіе 2 недѣль. Морская корова была довѣрчива и неосторожна.

Пользуясь этими ея свойствами, промышленники скоро совершенно уничтожили морскую корову.

Всѣ вымершія теперь животныя погибали или отъ перемѣны климата или благодаря человѣку.

Въ предѣлахъ сибирской низменности и лежитъ Западная Сибирь. Состоитъ она изъ Тобольской и Томской губ. Они не сплошь заняли низменность; на западѣ ея кусокъ принадлежитъ къ Пермской и Оренбургской губерніи, на востокъ — къ Енисейской. Часть Томской губерніи сама выходитъ изъ границъ низменности и занимаетъ Алтайскій горный округъ.

Тобольская и Томская губерніи представляютъ изъ себя огромное пространство въ 2.200.000 квадрат. верстъ, т.-е. почти въ половину всей Европейской Россіи и въ 4 раза больше Германіи. Несмотря на большіе размѣры, жителей въ Западной Сибири около 3.500.000. На каждую квадратную версту, если все населеніе разложить поровну, приходится всего по 1½ человѣка. Количество народонаселенія Западной Сибири все возрастаетъ, но сильно увеличиться оно не можетъ, потому что тамъ есть мѣста, совершенно непригодныя для человѣческаго существованія; главнымъ образомъ, заселены южныя части.

Тобольская и Томская губ., растянувшись широко съ сѣвера на югъ, лежатъ въ различномъ климатѣ, а значить, въ разныхъ полосахъ растеній и животныхъ.

По сибирской равнинѣ то раскинулись степи, безлѣсныя и сухія, то роци попережку со степью, покрытой богатой растительностью, то густые, непроходимые лѣса — „тайга“, или болотистыя чащи — „урманы“, то, наконецъ, пустынные промерзлыя болота сѣвера — „тундра“. За-

падную Сибирь по ея климату, растеніямъ, животнымъ и населенію удобно раздѣлить на три части.

Южная часть, или полоса земледѣльческая, проходитъ чрезъ степи западно-сибирской низменности; съ сѣвера земледѣльческая область примыкаетъ къ лѣсамъ и даже частью ихъ захватываетъ. Это самыя богатая и самая населенная мѣста Западной Сибири.

Средняя—лѣсная полоса. Она вся заполнена лѣсами и болотами. Въ этой сырой области земледѣліемъ заниматься очень тяжело. Люди живутъ, главнымъ образомъ, охотой и рыбной ловлей.

Самая холодная и безлюдная часть—это сѣверныя тундры. Здѣсь человѣку существовать крайне тяжело; въ суровомъ климатѣ хлѣбопашество невозможно; только инородцы чувствуютъ себя тамъ какъ дома и на голыхъ болотахъ тундры пасутъ своихъ оленей, да по рѣчнымъ безлѣснымъ берегамъ стоятъ рѣдкіе поселки рыболововъ.

Эти три полосы, постепенно, конечно, а не сразу, переходятъ одна въ другую.

Западная Сибирь отличается суровыми зимами. Путешественники съ восторгомъ описываютъ сибирскую зиму; сугробы серебристаго снѣга ярко бѣлѣютъ днемъ подъ прозрачнымъ голубымъ небомъ, ночью небесный покровъ сверкаетъ поразительно блестящими звѣздами; воздухъ такъ тихъ и неподвиженъ, что не чувствуется всей силы мороза. Чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ суровѣе становятся холода. Зимою ужасны сибирскіе бураны. Среди равнинъ яростно бушуетъ вьюга; ураганомъ крутится воздухъ, захватывая снѣгъ, куски мелкаго льда, песокъ, древесные

сучья. Въ такіе бураны люди, не найдя себѣ мѣстечка, чтобы укрыться, гибнуть.

Вообще большія площади земли сильно охлаждаются зимою. Суровость зимъ сибирской равнины увеличивается, кромѣ того, тѣмъ, что она совершенно открыта къ Ледовитому океану. Его холодное дыханіе, въ видѣ пронзительныхъ вѣтровъ, доходитъ къ самымъ южнымъ частямъ Западной Сибири. Теплые же западные вѣтры задерживаетъ Уральскій хребетъ.

Ближе къ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ сѣвернѣе лежитъ Тобольская губернія, а дальше на востокъ и южнѣе—Томская. Среди населенія больше всего русскихъ, а потомъ уже инородцевъ, прежнихъ хозяевъ всей страны, которымъ принадлежали и степи, и лѣса, и рѣки, и тундры. Инородческое населеніе состоитъ изъ татаръ, остяковъ, самоѣдовъ, вогуловъ и пришлыхъ изъ Россіи—зырянъ. Много пріѣхало изъ Россіи въ эти края всякаго народа, разныхъ національностей и религій. Инородцамъ отъ нихъ приходится тяжело — особенно отъ русскихъ. Подъ напоромъ пришельцевъ, не выдерживая соперниковъ болѣе сильныхъ и хитрыхъ инородцы уходятъ все дальше на востокъ и сѣверъ, покидая свои старыя уголья.

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАЯ ПОЛОСА.

1) Поверхность, климатъ, растенія и животныя.

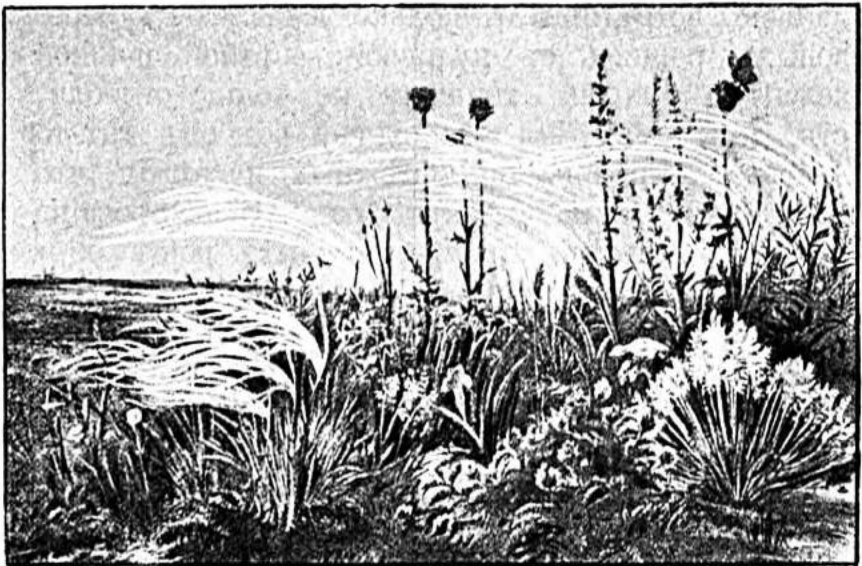
Великій сибирскій желѣзнодорожный путь проходитъ чрезъ южную часть Западной Сибири, черезъ ея земледѣльческую полосу. Земледѣльческая полоса включаетъ въ свои предѣлы южный кусокъ Тобольской губерніи ¹⁾ и среднюю часть Томской ²⁾. Граница земледѣльческой полосы лежитъ по $58\frac{1}{2}^{\circ}$ сѣверной широты; но чѣмъ дальше къ востоку, тѣмъ ниже, южнѣе она опускается и доходитъ до 57° сѣверной широты. Эта часть Западной Сибири представляетъ изъ себя широкія степи ³⁾, гдѣ повсюду зеленѣетъ трава. Равнина до того плоская, а земля до того мягкая, что мѣстные жители могутъ прожить всю свою жизнь и не увидѣтъ не только скаль, но даже и камней.

¹⁾ Округа: Курганскій, Тюкалинскій, Ишимскій, Ялуторовскій, Тюменскій и южныя части Туринскаго, Тобольскаго, Тарскаго.

²⁾ Округа: Каинскій, Мариинскій и южная часть Томскаго.

³⁾ Степями называютъ безлѣсныя, сухія пространства, покрытыя травянистою растительностью. Степямъ свойственна особая почва (черноземъ), природа, и даже люди въ характерѣ получаютъ рядъ особенностей, отличающихъ ихъ отъ живущихъ въ другихъ полосахъ. Слово „степь“ чисто русское, перешедшее даже въ иностранныя языки.

Сначала, послѣ Уральскихъ предгорій, лежитъ сухая, особенно въ своихъ южныхъ частяхъ, Ишимская степь; ея огромныя пространства выходятъ изъ границъ Западной Сибири и на югѣ сливаются съ безводными киргизскими степями. Рѣчки и озерка Ишимской степи богаты водою только ранней весною; въ половинѣ іюля они уже подсыхаютъ, а по обнаженному дну раски-

Ковыльная степь.

дывается яркій пологъ зелени и полевыхъ цвѣтовъ. Кругомъ по степи колышется трава и отливаетъ на солнцѣ сѣдиною ковыля; въ ней пестрѣютъ чашечки яркихъ цвѣтовъ; берега большихъ рѣкъ отѣняются особенно густымъ и темнозеленымъ ковромъ растеній. Межъ лугами по степи широкими четырехугольниками тянутся тучныя пашни. Въ зелени утопаютъ все: и села и города. Сибирскія степи нѣкоторыми своими

свойствами отличаются отъ нашихъ южно-русскихъ степей. Если взглянуть вдаль, то легко замѣтить на горизонтѣ темную полосу, — это маленькія рощицы березы или, какъ ихъ тутъ называють, „колки“, рассыпались всюду по небольшимъ низинамъ сибирской равнины; они далеко, но ихъ много, и кажется человѣческому глазу, что тамъ, гдѣ сливается между собою небо съ землею — поросли лѣса; но поѣдешь дальше, встрѣтишь нѣсколько жиденькихъ березовыхъ рощицъ съ кудрявой, свѣтлой шапкой зелени и бѣлыми, тонкими, не толще оглобли, стволами, — а лѣса все нѣтъ, все онъ гдѣ-то впереди... Рощицы такія нѣжныя и свѣжія, что сами походятъ на высокую траву. Существованіе въ этомъ царствѣ травъ березовыхъ рощъ объясняютъ слѣдующимъ образомъ: въ почвахъ находится много веществъ—известковыхъ и хлористыхъ солей, которыя вредны деревьямъ. Лѣса разрастаются лишь тамъ, гдѣ соли обильною водою вымыты изъ верхняго слоя земли, т.-е. изъ самой почвы и верхнихъ слоевъ подпочвы. Но степной климатъ, сравнительно сухой, съ короткимъ промежуткомъ дождей, совсѣмъ не помогаетъ промыванію почвы. Лишь на низинахъ вода скопляется въ большомъ количествѣ, выщелачиваніе почвы идетъ гораздо энергичнѣе, и она освобождается отъ солей. На такихъ мѣстахъ поселяются „колки“. За эти рощи сибирскія степи называются „лѣсо-степью“. Кромѣ березы, въ колкахъ попадаются осина и ива, и очень рѣдко липа.

Чѣмъ южнѣе Ишимская степь и меньше воды, тѣмъ рощи рѣже. Приходится рыть колодцы и съ сѣвера привозить лѣсъ. Есть и другая особенность у этихъ степей: онѣ не гладкія, а вол-

нистыя, покрытыя продолговатыми и покатыми холмами, которые называются „гривами“ и „островами“. Весной они дѣйствительно походятъ на острова, возвышаясь среди сплошныхъ озеръ воды, собравшейся между ними, въ „межгривкахъ“, отъ талаго снѣга и разливовъ. Почти, всѣ холмы тянутся съ сѣверо-востока на юго-западъ; они вообще не высоки—отъ двухъ до четырехъ сажень; ширина ихъ бываетъ отъ 200 сажень до двухъ верстъ. На „гривахъ“ лежитъ лучшая земля.

Чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ замѣтнѣе мѣняется степь, изъ Ишимской переходя въ Барабинскую, которая залегла отъ Иртыша на 600 верстъ до Оби и на 400 верстъ въ ширину до Алтая.

Озера попадаются чаще; среди нихъ много съ солено-горькой водой и съ берегами, покрытыми бѣлымъ налетомъ соли. Озера не глубокиа, плоскиа, похожіа на блюдца. Они сильно заросли камышомъ; чистая поверхность воды иногда остается только на серединѣ,—сибиряки ее называютъ „стекломъ“; эти соленыя озера—тоже одна изъ особенностей западно-сибирскихъ степей. Вода въ барабинскихъ озерахъ отъ гниющаго камыша коричневаго цвѣта. Самое большое озеро Чаны въ 2.870 кв. верстъ; мѣстные жители величаютъ его моремъ; но это жалкое море съ желтобутылочною водою; оно усыхаетъ на глазахъ сибиряковъ. На островахъ озера Чаны стоятъ деревни, откуда крестьяне переѣзжаютъ на берегъ въ телѣгахъ, въ бродъ, прямо по водѣ; чтобы выкупаться, приходится заходить чуть не на версту; самое глубокое мѣсто саженьей 5—6. Вода въ озерѣ мѣстами соленая, а мѣстами

прѣсная; берега его страшно извилисты и пустынные, такъ что въ лодкѣ на немъ можно заблудиться.

Почва Барабинской степи влажная; крестьянамъ нужно рыть не колодцы уже, а канавы для стока воды и осушать землю. Несмотря на изобиліе влаги, населенію иногда ея не хватаетъ; вода случается то соленая, то горькая, то гнилая; какъ глубоко ни роютъ землю до свѣжей воды иногда добраться не могутъ. Березовыя рощи становятся очень часты, и такъ густо зарастаютъ въ Барабинской степи, что ее называютъ „березовой степью“. Къ востоку, гдѣ ровнѣе земля, гривы рѣдѣютъ и жмутся къ рѣчнымъ берегамъ. На гривахъ сухо, а въ равнинахъ или притаился солонецъ, то голый, то поросшій своеобразной растительностью съ сочными солеными на вкусъ стеблями и листьями, или стоятъ болотца съ озерами, или среди ковыльных луговъ темнѣютъ все тѣ же березовыя рощи. Солонцы, залегая на низинахъ, на мѣстахъ заболоченныхъ озеръ образуютъ „займища“, густо заросшія тростникомъ.

Климатъ земледѣльческой полосы немного отличается отъ климата сосѣднихъ мѣстъ Европейской Россіи. Сибирскія степи являются почти продолженіемъ поверхности Европейской Россіи, отдѣленнымъ отъ нея низкими цѣпами Урала. Средняя лѣтняя температура степей бываетъ $17,5^{\circ}$, съ самымъ жаркимъ мѣсяцемъ $+19,5^{\circ}$. Для Европейской Россіи соотвѣтственно будетъ на $\frac{1}{2}^{\circ}$ ниже. Полное тождество температуръ земледѣльческой полосы Сибири и сосѣднихъ російскихъ частей оказывается въ 5-мѣсячный растительный (вегетационный) періодъ съ 18 апрѣля по 18 сен-

тября, которыя и тамъ и тутъ составляютъ $+15^{\circ}$. Этой близостью лѣтней температуры и объясняется сходство травяной растительности и хлѣбовъ сибирскихъ степей съ европейско-русскими.

Разница въ климатѣ зимою гораздо ощутительнѣе. Средняя температура за это время года въ земледѣльческой полосѣ Западной Сибири дохо-

Барабинская степь.

дитъ до -17° , почти на цѣлыхъ 6 градусовъ холоднѣе, чѣмъ въ Россіи. Зимнія стужи (онѣ иногда достигаютъ -40°), не отзываясь на хлѣбахъ и травахъ, вредно вліяютъ на деревья.

Лѣтомъ дождей выпадаетъ почти одинаковое количество съ тѣмъ, что и въ ближайшихъ мѣстахъ Россіи, но зимой снѣга бываетъ меньше на цѣлую треть съ лишнимъ.

Чѣмъ дальше двигаться къ востоку, тѣмъ больше разница въ климатѣ земледѣльческой полосы Западной Сибири и сосѣднихъ областей Европейской Россіи. вмѣстѣ съ этимъ въ растеніяхъ появляется все больше и больше новыхъ видовъ.

Уже съ перваго взгляда на степь замѣтно богатство ея растительнаго царства. Изъ густой зелени травы ярко выглядываютъ цѣлые кусты тюльпановъ, которые народъ здѣсь прозвалъ „огоньками“; красиво пестрѣютъ нарцисы, піоны съ крупными чашечками, а осенью много прекрасныхъ лилій; рѣчные берега поросли высокою, темною осокой, отливающей при заходѣ солнца коричневымъ цвѣтомъ. На станціяхъ желѣзной дороги ребятишки изъ сосѣднихъ поселковъ за гроши продаютъ большіе букеты прекрасныхъ цвѣтовъ.

Въ западно-сибирскихъ степяхъ рядомъ съ травами, годными для корма животнымъ, въ большомъ количествѣ попадаются растенія вредныя, скотомъ не съѣдаемыя. Растетъ, на примѣръ, огромная кропива, превышающая человѣческой ростъ, покрывающая собою иногда лошадь и всадника. Изъ волоконъ жгучей кропивы инородцы выдѣлываютъ нитку и пряжу для сѣтей и грубаго холста.

Характерными растеніями для степной полосы являются солянки, артемизій (полыньковыя) и астрагалы. Они отличаются способностью переносить сравнительно долгіе промежутки времени безъ дождей, и отыскивать себѣ влагу глубоко въ почвѣ съ помощью длинныхъ, тонкихъ, далеко внизъ проникающихъ корней.

Среди лѣсовъ и цвѣтовъ Западной Сибири преобладаетъ гранатникъ или грановикъ. Въ

разгарѣ лѣта грановикъ, точно снѣгомъ, покрываетъ степь милліонами своихъ бѣлыхъ чашечекъ; цвѣтокъ гранатника походить на раскрытый зонтикъ. Это растеніе служитъ для сибиряковъ признакомъ плодородія и предвѣстникомъ урожая, такъ какъ хорошо развивается во влажные, урожайные годы. вмѣстѣ съ гранатникомъ повсюду попадаются мелкіе свѣтло-полевые цвѣточки, свойственные только степямъ Западной Сибири. Затѣмъ растутъ желтый зонтичный морковникъ, стройный, ярко-голубой дельфиній, собачья ретва съ блѣдно-розовыми чашечками; отливающая сѣдиною ковыль; въ южныхъ частяхъ степи, гдѣ попадаютъ „колки“, ковыли преобладаютъ надъ всеми остальными травами; спутниками ковыля остаются кипецъ и степной овесъ. Изъ кормовыхъ и полезныхъ травъ всюду можно встрѣтить: клубнику, землянику, чернику, бруснику, клюкву, костянику (которая въ Европѣ растетъ исключительно въ сосновыхъ лѣсахъ), дикій ленъ, подморенникъ, дикій лукъ и черемша—прекрасное средство отъ цынги, боданъ—употребляемый вмѣсто чая (чагирскій чай), карондысъ, серпуха, кавря, ромашка, ревени, дикая мята.

На твердыхъ грунтахъ растутъ полынь, ржонникъ, гій, камышь. Особенностью степей Западной Сибири можно считать присутствіе тростника; онъ хотя и немногочислененъ и приуроченъ къ солонцамъ или почвамъ съ близкими грунтовыми водами, но для русскихъ степей онъ обыченъ лишь на болотахъ и въ водѣ. Въ засушливые годы тростникъ идетъ въ Сибири на сѣно.

На солонцахъ, кромѣ тростника, уживаются подорожники, полыни, сомянка, идущая на кормъ только верблюдамъ.

На почвахъ переходныхъ отъ чернозема къ солонцамъ „подсолонкахъ“, т.-е. подсолонцы, въ подпочвѣ обильно порастаетъ солодка. Съ помощью своихъ длинныхъ корней она проникаетъ въ подпочву и тамъ добываетъ нужныя ей соли, которыхъ нѣтъ въ достаточно черноземномъ слоѣ почвы „подсолонокъ“. Поэтому рядомъ съ солодкой могутъ расти и другія травы, свойственныя чернозему. Солодка цвѣтетъ бѣлыми и лиловыми цвѣтами, собранными въ кисти; изъ корней ея получается лакрица.

Растительный покровъ этихъ двухъ почвъ бросается сразу въ глаза: солонцы съ характерными солончаковыми травами, съ сѣрой, безжизненной окраской, и „подсолонки“ съ яркою зеленью, гдѣ рядомъ съ солодкой разстилаются степныя черноземныя растенія, особенно ковыль.

Среди степныхъ травъ то тамъ, то тутъ выдѣляются кустарники: раkitникъ, бобовникъ, таволожникъ, жимолость, карагона, шиповникъ, ежевика, смородина, хмель, акація, дикая вишня. Степная вишня низкоросла, 1—2 аршина вышины; хотя она и похожа на обыкновенную вишню, но съ болѣе мелкими листьями, цвѣтами и плодами, очень кислыми на вкусъ.

Для того, чтобы имѣть болѣе свѣжую траву, и желая вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить вредныхъ для земледѣлія насѣкомыхъ, сибирскіе крестьяне часто поджигаютъ степи. Эти пожары ужасны; отъ нихъ гибнутъ хлѣба, горятъ деревни. Огонь бѣжитъ по вѣтру днями, недѣлями, мѣсяцами, переходя изъ степной полосы въ лѣсную, до самаго сѣвера. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ пожара, среди бѣлаго дня отъ дыма становится

такъ темно, что на десять сажень невозможно различать предметы, а солнце мутнѣетъ и кажется краснымъ кругомъ безъ лучей и свѣта. Вмѣстѣ съ травой сгораютъ и березовыя рощи. По сѣверной части Барабинской степи рощи защищены отъ огня большимъ количествомъ почвенной влаги, остающейся въ видѣ болотъ и озеръ съ весеннихъ разливовъ и лишенной стока.

Степныя колки пропадаютъ не только отъ пожаровъ. Безжалостно вырубали люди деревья; съ тѣхъ поръ, какъ прошелъ рельсовый путь, порубка рощъ увеличилась; желѣзная дорога оказалась прожорливой.

Сѣверная желѣзная дорога изъ Россіи проникаетъ въ лѣсистую земледѣльческую часть Западной Сибири. Около Урала она непривѣтливо встрѣчаетъ своими лѣсами, которые кажутся еще темнѣе послѣ свѣжихъ панорамъ Волги и даже Камы. Но эти хмуряя картины недолго подавляютъ своею угрюмостью и скукой. Чѣмъ глубже проникать въ Западную Сибирь, тѣмъ привѣтливѣе становится окружающая природа. Корявую ель смѣняютъ красивыя сосновыя и березовыя рощи, раскиданныя не то среди степей, не то луговъ. Кругомъ все оживаетъ разнообразіемъ и свѣтомъ. Къ рощамъ березы примѣшиваются новыя сѣверныя породы; онѣ сгущаются, переходятъ въ настоящіе лѣса. Такія мѣста лежатъ около Тюмени, гдѣ кончается желѣзная дорога; но уже и тамъ, въ пограничныхъ съ лѣсной полосой краяхъ, деревья рѣдѣютъ, главнымъ образомъ, кругомъ городовъ и большихъ селъ; въ Тюмень лѣсъ уже сплавляютъ съ сѣвера по рѣкѣ Турѣ, оттуда, гдѣ царитъ настоящая глушь.

Въ перелѣскахъ земледѣльческой полосы сначала встрѣчаются древесныя породы, знакомыя намъ въ Россіи, но, чѣмъ глубже забираться на востокъ, тѣмъ все больше и больше онѣ пропадаютъ. Дубъ, орѣшникъ, яблоня и другія деревья замѣняются липой, осиною, ольхой, серебристымъ тополемъ, рябиной, ивой, вязомъ, бояркомъ, черемухой и хвойными сибирскими породами,—не пропадаетъ только береза.

Преобладаютъ лиственные деревья. Лѣсъ съ сѣвера языками проникаетъ въ степную полосу по теченію рѣкъ. По Тоболу сосны встрѣчаются у Кургана, по Ишиму—у Петропавловска, по Иртышу нѣсколько не доходятъ до Омска и, наконецъ, расселяются по Оби и ея притокамъ. Это движеніе деревьевъ объясняется тѣми же причинами, какъ и существованіе „колокъ“; прирѣчные берега лучше промываются отъ почвенныхъ солей, благодаря своимъ весеннимъ разливамъ, выходу ключей и крутому уклону.

Но если въ сухихъ областяхъ степной полосы лѣсъ ищетъ рѣчной влаги, то во влажной сѣверной части Барабы роци спасаются отъ сырости и болотъ на холмахъ и прибрежныхъ „увалахъ“; деревья постоянно тянутся кверху; загнивая отъ сырости, они гибнутъ, уступая мѣсто кустарникамъ и болотистому мху.

На югѣ вредитъ засуха, къ сѣверу—сырость. Въ водѣ личинки насѣкомыхъ развиваются страшно быстро, поэтому отъ сырости повсюду разводится неимовѣрное количество оводовъ, слѣпней, комаровъ и всевозможныхъ мошекъ, такихъ мелкихъ, что не всякой сѣткой закроешь отъ нихъ свое лицо, и такихъ назойливыхъ, что ничѣмъ не отобьешься; не только людей, но и скотъ онѣ

буквально заѣдають; несчастныя животныя лѣзуть въ воду, откуда не смѣютъ показаться, находя въ рѣкѣ единственное спасеніе. Помогаютъ немного костры изъ сухого навоза; подъ защитой ихъ дыма скоту кое-какъ возможно пастись, а людямъ—существовать. Мошкара, которую сибиряки называютъ „гнусомъ“, часто прогоняетъ новыхъ переселенцевъ, испуганныхъ такимъ страшнымъ и многочисленнымъ врагомъ, какъ „гнусъ“. Съ осушеніемъ земли и вырубкой лѣса рѣдѣетъ и „гнусъ“. Сами сибиряки къ „гнусу“ отчасти привыкли; посматривая на постоянную борьбу, которую съ мошкаррой ведетъ переселенецъ, сибирякъ посмѣивается и даже недоволенъ его уничтоженіемъ! Одно изъ средствъ, къ которому прибѣгаютъ, чтобы хоть немного уменьшить „гнусъ“, — это поджогъ травы; съ нею вмѣстѣ гибнутъ и личинки всякихъ мошекъ, оводовъ и комаровъ. Тучами летаетъ саранча съ кобылкой, шмели и пчелы. Водятся гадюки, ужи, ящерицы и лягушки.

Животныя земледѣльческой области Западной Сибири немногимъ отличаются отъ нашихъ. Было время, когда птицъ, рыбъ и звѣрей было больше и водились тамъ чисто сибирскія породы; но обращались съ ними сибиряки такъ неосторожно и хищнически, такъ усердно били, ловили и стрѣляли, что теперь кусты и роци удивительно молчаливы и степи пустычны. Даже мелкой птицы не слышно. За десятки верстъ отъ селеній не встрѣтишь куропатки; зато вредныхъ крысъ, мышей, сусликовъ, воронъ да галокъ сколько угодно, — немногимъ меньше, чѣмъ „гнуса“. Только тамъ, гдѣ гуще роци, еще водятся птицы, но не пѣвчія. Старожилы вспоминаютъ, что

когда-то въ рѣкахъ и прѣсныхъ озерахъ рыба водилась въ такомъ изобиліи, что ея „бабы лукошками ловили“; теперь во многихъ озерахъ она совершенно перевелась, а около человѣческихъ селеній въ рѣчкахъ такъ порѣдѣла, что за порядочнымъ уловомъ приходится ѣздить внизъ по теченію иногда очень далеко отъ жилья. Кругомъ сель и деревень постепенно оскудѣваетъ природа: лѣсъ отодвинулся на сѣверъ; туда же и на востокъ переселяются звѣри и птицы; рыба ушла на рѣчные низовья.

2) Почва, переселеніе, сельское хозяйство.

Главное занятіе, которымъ живетъ населеніе земледѣльческой полосы, — это земледѣліе; имъ занято 75% жителей въ рабочемъ возрастѣ. Огромная равнина, пересѣченная небольшими рощами, очень удобна для земледѣлія. Хотя пространства западно-сибирской низменности не сплошь пригодны для крестьянскаго хозяйства, и если выбрать плодородную, сухую почву¹⁾ на „гривахъ“ и другихъ мѣстахъ, то получится не больше $\frac{1}{6}$ части степной полосы, но все таки въ распоряженіи человѣка въ земледѣльческой области остается много пригодныхъ для обработки земель. По всему пути Великой Сибирской желѣзной дороги, съ двухъ сторонъ ея раскинулись черноземныя пространства; на нихъ главнымъ образомъ и осѣло сибирское населеніе.

Черноземъ представляетъ изъ себя темную, мягкую почву, образовавшуюся изъ богатыхъ

1) Почвой называется поверхностный слой земной коры материнской породы, измѣненный совокупной дѣятельностью климата, воздуха, животныхъ и растений.

питательными для растительной жизни веществами породъ земной коры, смѣшанную съ перегноемъ травянистыхъ степныхъ растений. Главнымъ цѣннымъ веществомъ чернозема, которому послѣдній обязанъ своимъ плодородьемъ, является перегной, или „гумусъ“. Количество этого перегноя въ черноземной почвѣ бываетъ очень различно—въ среднемъ 6—10⁰/₀. Также различна и глубина черноземнаго слоя, его „мощность“—4, 6, 8 и болѣе 10 ф. Черноземъ въ засуху легко распыляется вѣтромъ. Въ степяхъ онъ еще сдерживается травою, но послѣ распашки черноземная почва сухимъ вѣтромъ захватывается и уносится иногда въ видѣ темныхъ тучъ далеко въ сторону.

Черноземы Западной Сибири плодородны, но сравниться съ русскими они не могутъ. Хорошіе урожаи, получающіеся на сибирскомъ черноземѣ, зависятъ, главнымъ образомъ, отъ двухъ причинъ: 1) продолжительности лѣтняго тепла и 2) отъ неистощенности почвы, которую человекъ еще не успѣлъ вспахать до конца.

Въ западно-сибирскихъ степяхъ встрѣчаются всевозможные черноземы: и чистые, и суглинистые, и супесчаные. Супесчаный—особенно рыхлый и легко выдувающійся вѣтрами; отъ него въ Сибири уже кое-гдѣ начинаютъ образовываться овраги, которыхъ такъ много въ Россіи и которые такъ мѣшаютъ хлѣбопашеству. Попадаются мѣста хотя и не лишенные чернозема, но совершенно негодные; сверху такія земли покрыты сѣткой мелкихъ трещинъ и щелей, доходящихъ до двухъ вершковъ шириною. Сибиряки такую почву прозвали „щельникомъ“.

На солончаковыхъ земляхъ, когда соль промывается какъ слѣдуетъ дождями и весенними во-

дами, вырастаетъ трава; она не такъ высока, какъ черноземная, отливаешь красновато-сѣрымъ отгнкомъ и годится, особенно молодая, на кормъ скоту. Иногда крестьяне послѣ усердной обработки добиваются съ такихъ земель порядочныхъ урожаевъ. Солонцеватый же черноземъ по растительности и внѣшнимъ признакамъ трудно отличить отъ обыкновеннаго. Его главное свойство въ томъ, что онъ слабый, скоро истощается, и сибиряки говорятъ, что онъ „не терпитъ подолгу“.

Не мало мѣстъ и совсѣмъ бесплодныхъ, покрытыхъ „злыми“ солонцами. Они бываютъ мокрые, и въ видѣ липкой грязи залегаютъ по дну сырыхъ котловинъ и по берегамъ степныхъ горькихъ озеръ; бываютъ сухіе, твердые, чернаго цвѣта съ бѣлымъ налетомъ соли, оставшейся послѣ высохшихъ озеръ. Если на этой неблагоприятной почвѣ вырастаетъ трава, то такая соленая и вредная, что на кормъ скоту совсѣмъ не годится. Солонцы, перемѣшиваясь съ черноземной почвой, сильно портятъ сибирскіе луга.

Лучшія земли лежатъ на „гривахъ“ и „островахъ“, повсюду разбросанныхъ по Ишимской и Барабинской степямъ. На высокихъ, широкихъ и пологихъ холмахъ расположенъ самый отборный черноземъ; на узкихъ и крутыхъ—уже суглинистый. На склонахъ гривъ, которые сибиряки называютъ „подгривками“, лежитъ „подсолонокъ“—солончаковый черноземъ, пригодный для хлѣбныхъ растений. Въ промежуткахъ между гривами почва плохая для земледѣлья; тамъ ковыльная степь, колки, болота и солонцы; среди нихъ иногда въ Ишимской степи попадаются мѣста, на которыхъ возможно земледѣлье—это подсолонокъ. Ишим-

ская степь—самый богатый край земледѣльческой полосы. Ея огромныя гривы тянутся иногда на нѣсколько верстъ, занимая нѣсколько десятинъ, съ отлогими скатами, удобными для стока воды. Крестьяне замѣтили, что на гребняхъ острововъ съ лучшимъ черноземомъ растетъ дикая вишня, и потому гдѣ только окажутся кусты дикой вишни, тамъ смѣло довѣряютъ землѣ свой посѣвъ. На гривахъ Барабинской степи вишня совсѣмъ пропадаетъ, да и сами гривы становятся рѣже, мельче, круче, и земля на нихъ слабѣе. Сибирскимъ пашнямъ большую услугу оказываютъ рощи, предохраняя хлѣба отъ рѣзкихъ, холодныхъ вѣтровъ.

Среди земель южной полосы Западной Сибири теперь совсѣмъ уже не осталось нови. Не только переселенцамъ, но и сибирякамъ мѣста начинаетъ не хватать, особенно въ западныхъ частяхъ, гдѣ утѣсненіе заставляеть покидать свои надѣлы и уходить на сѣверъ или востокъ въ поискахъ за новыми свободными землями; но ихъ повсюду въ Западной Сибири становится все меньше и меньше, а въ земледѣльческой полосѣ нѣтъ совершенно.

Вся сибирская земля—казенная, принадлежитъ государству. Самая небольшая часть составляетъ собственность помѣщиковъ. Южный кусокъ Томской губерніи, такъ называемый Алтайскій горный округъ, принадлежитъ Государю; завѣдуетъ Алтайскими землями Кабинетъ Его Величества; эта часть—самые плодородные и богатые края Сибири, на нихъ никто никакихъ правъ имѣть не можетъ; Алтайскія земли называютъ „житницей Сибири“. На казенныхъ земляхъ Западной Сибири сидятъ крестьяне, работаютъ и уплачиваютъ подати-аренду. Въ послѣдніе годы правительство

призвало межевыхъ инженеровъ для раздѣленія земли на участки и разъясненія, кому на какой землѣ слѣдуетъ работать. Во время межеванія оказалось, что отъ многихъ сельскихъ обществъ пришлось отобрать часть пахотной и другой земли, потому что они работали на ней, не имѣя отъ казны на то разрѣшенія. Эти новые „отрѣзки“ давались пріѣзжимъ переселенцамъ. Прежніе душевые надѣлы доходили до 17 десятинъ, а въ послѣдніе годы переселенцамъ нарѣзывали не больше 14—15 десятинъ на душу; сюда входили, конечно, и неудобныя земли. Вообще правильный расчетъ начался тогда, когда большинство земель оказалось разобранными.

Въ прежнія времена раздобывали себѣ земли поиному. Приходящіе изъ Россіи выбирали себѣ мѣста получше и начинали подымать новъ; они строились, обзаводились скотомъ и необходимымъ хозяйствомъ, рубили лѣсъ и роци; такимъ образомъ появлялась заимка. Земля принадлежала тому, кто на ней трудился, и до тѣхъ поръ, пока онъ трудился. Люди считали, что земля, такъ же какъ вода и воздухъ, никому не принадлежитъ. Жили тогда люди вотъ по какому изреченію: „селись, гдѣ хочешь, живи, гдѣ знаешь, паши, гдѣ лучше, паси, гдѣ любче, коси, гдѣ густо, лѣсуей, гдѣ пушно!“ О немъ до сихъ поръ помнятъ въ Западной Сибири. Но мало-по-малу земли становилось все меньше,—сначала въ пахотныхъ земляхъ, а потомъ въ пастбищахъ и лѣсахъ чувствовался недостатокъ. „Вольное“ пользованіе уступило мѣсто общинному. Теперь земля въ земледѣльской полосѣ находится въ пользованіи подеревенныхъ обществъ и въ рѣдкихъ случаяхъ волостныхъ общинъ.

Внутри постепенно устанавливаются наши русские, общинные порядки. Землю дѣлятъ между всѣми работниками общества, но не помощью жеребьевки, а по общему уговору, какъ говорятъ, „по торгу“. Смотрятъ на качество, количество земельного участка, далеко ли онъ лежитъ отъ села, города и желѣзной дороги. Въ земледѣльческой полосѣ „вольнаго“ землевладѣнія нѣтъ совершенно, мѣста осталось такъ мало, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ на душу приходится 6—8 десятинъ, а это по сибирскимъ размѣрамъ и по сибирской почвѣ совсѣмъ не много. Общинные порядки переходятъ и къ инородцамъ, конечно, къ тѣмъ, которые осѣли на землю и принялись за сельское хозяйство. Теперь Сибирь оживаетъ, и отъ крестьянъ для новыхъ проводящихся дорогъ часто отбираютъ землю изъ-подъ пашенъ.

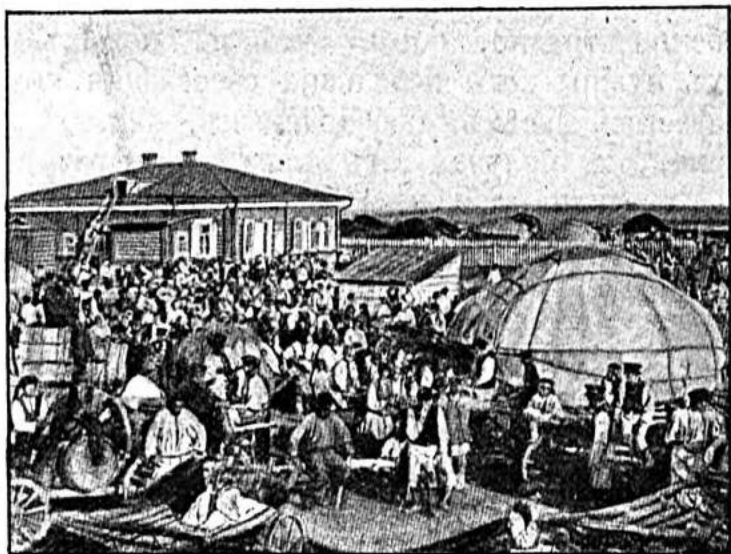
Новымъ переселенцамъ, новоселамъ, теперь уже совсѣмъ не осталось свободныхъ „отрѣзковъ“, отобранныхъ у сибирскихъ старожиловъ, послѣ межеванія. Отрѣзки представляли изъ себя „мягкую“ землю, на которой человѣкъ уже успѣлъ потрудиться и подготовить ее для земледѣлья,—это была удобная почва. Въмѣсто отрѣзковъ пріѣзжимыя крестьянамъ стали отводить залежь и залоги, и то, конечно, тамъ, гдѣ они еще оставались; съ залежью предстоитъ такой же трудъ, какъ съ подъемомъ цѣлины, которая съ большимъ трудомъ поддается стараньямъ сибирскаго хлѣбопашца.

Несмотря на то, что запасъ свободной земли въ земледѣльческой полосѣ истощается, даже, за небольшими исключеніями, истощился, народъ изъ Россіи все идетъ и идетъ. Переселенцы сначала посылаютъ своего „ходака“ развѣдать новыя мѣста, выбрать среди нихъ лучшіе. Ходокамъ,

а потомъ и переселенцамъ на желѣзной дорогѣ дѣлають различныя льготы: за проѣздъ берутъ въ три раза дешевле, по дорогѣ устраивають пріюты съ хлѣбомъ, горячей пищей и больницами. У кого изъ переселенцевъ въ дорогѣ израсходуются средства, тѣмъ выдають въ долгъ пособія, а очень бѣднымъ и совсѣмъ безвозвратно. Переселенцамъ помощь и льготы необходимы, потому что, уѣзжая изъ дому, они вообще достаткомъ не только не обладаютъ, а имѣють только самое необходимое—иначе чего было бы тащиться Богъ знаетъ куда, покидать родные края и отцовскія могилы. Свои небольшія сбереженія крестьяне въ дорогѣ окончательно теряють. Путь предстоитъ желающимъ переселяться очень трудный и длинный, ѣдутъ въ неудобныхъ грязныхъ товарныхъ вагонахъ, такъ называемыхъ четвертаго класса, набиваясь въ нихъ точно сельди, укладываясь на полу, простужаясь отъ большихъ раздвигающихся дверей. Всѣмъ переселенцамъ обыкновенно не хватаетъ мѣстъ, и они на промежуточныхъ станціяхъ цѣлымъ таборомъ ожидаютъ очереди. Жить въ это время приходится подъ открытымъ небомъ, въ палаткахъ, растрачивая послѣдніе гроши, болѣя и хороня своихъ дѣтей. Но теперь, съ проведеніемъ желѣзной дороги, условія путешествія еще улучшились; что дѣлалось въ то время, когда переселенцамъ приходилось плыть въ душныхъ, вонючихъ баржахъ по сибирскимъ рѣкамъ въ продолженіе 10—14 дней, застревая на пристаняхъ мѣсяцами, —этого передать невозможно. Крестьяне, имѣя малѣйшую возможность, покупали лошадь съ телѣгой и пускались въ путь по сибирскому тракту; этихъ переселенцевъ называли „самоходами“. Конечно, въ сравненіи съ преж-

ними бѣдами, теперешнее путешествіе кажется превосходнымъ.

Прибывая, наконецъ, на мѣсто своего назначенія, переселенцы или устраивались всей партией сообща самостоятельно, или приписывались къ уже существующимъ старожильскимъ обществамъ, выплачивая за это нѣкоторую сумму. Вмѣстѣ съ земледѣльцами изъ Россіи очень часто выѣзжали

Човоселы въ Петропавловскѣ.

мастера и ремесленники, пытая со своими односельчанами счастья на чужой сторонѣ. Первые три года переселенцы освобождаются отъ налоговъ.

Но не всѣмъ уѣзжающимъ изъ Россіи оказывалась помощь, ее получали только тѣ, которые были снабжены отъ своихъ властей разрѣшеніемъ на выселеніе изъ родной общины. Многимъ мало-земельнымъ крестьянамъ такихъ увольнительныхъ свидѣтельствъ раздобыть не удавалось: главнымъ образомъ, этому мѣшало правительство черезъ зем-

скихъ начальниковъ, боясь, что, если всѣ мало-земельные крестьяне поразъѣдутся изъ деревень въ Сибирь, то мало останется свободныхъ рукъ рабочихъ для обработки помѣщичьихъ полей, и на нихъ сильно подымется цѣна. Поэтому земскимъ начальникамъ и другимъ властямъ было приказано всѣми мѣрами задерживать переселеніе и отпускать только тѣхъ, которымъ чуть не грозила голодная смерть; переселяться такимъ особенно трудно, потому что на новыхъ мѣстахъ нужны хоть небольшія сбереженія, чтобы обзавестись всѣмъ необходимымъ. Часто крестьяне, не получая отъ начальства разрѣшенія, уходили тайкомъ, безъ всякой надежды на помощь въ дорогѣ или на новыхъ мѣстахъ, рассчитывая только на свои силы, а силы ихъ уже давно были подорваны постоянными недостатками. Самовольные переселенцы часто не находили мѣста, гдѣ бы сѣсть на землю, потому что имъ казна не отводила ни одного аршина. Мыкаются, мыкаются переселенцы-неудачники, теряютъ свое послѣднее добро, сами переболѣютъ, дѣти у нихъ перемрутъ,—и возвращаются обратно разоренными въ конецъ. Бываетъ, что и тѣмъ, кому посчастливилось получить разрѣшеніе и помощь, не удается устроиться на чужихъ мѣстахъ, возвращаются и они. Лучше другихъ уживались тѣ изъ переселенцевъ, которые еще на родинѣ принадлежали къ разряду среднихъ по достатку крестьянъ,—они съ помощью накопленныхъ запасовъ выдерживаютъ первыя неудачи въ борьбѣ съ непривычной, частью суровой природой и постепенно обзаводятся хозяйствомъ.

Въ 1903 году больше третьей части (36,2%) всѣхъ переселенцевъ, переѣхавшихъ черезъ Че-

лябинскъ, вернулось обратно! Послѣ того, какъ прошла желѣзная дорога, облегчившая проѣздъ и правительство свободнѣе стало выпускать крестьянъ изъ Россіи,—переселеніе быстро увеличилось. Въ 1900 году 200.000 человекъ перѣхало границу между Россіей и Азіей, но уже въ слѣдующемъ 40⁰/₀ изъ нихъ должны были вернуться, и съ тѣхъ поръ переселенческой потокъ все мельчаетъ. Въ 1903 г. въ Сибирь прибыло только 77.000 человекъ. Это сокращеніе было

Новоселы въ степной мѣстности.

вызвано новыми запрещеніями и ограниченіями, Въ самое послѣднее время и правительство, и поддерживающіе его классы общества стали всячески способствовать переселенію крестьянъ изъ центральной и южной Россіи на окраины, надѣясь этимъ путемъ успокоить грозно вспыхнувшее недовольство крестьянъ. Изъ мѣсть, наиболѣе страдающихъ отъ малоземелья, вновь хлынул переселенческой потокъ, и съ такой силой, что сибирскіе губернаторы очень скоро должны были просить правительство сократить число раз-

рѣшеній: земель не хватаетъ. Впрочемъ, знающіе люди уже давно предупреждали правительство, что въ Сибири осталось мало пригодныхъ земель, и указывали, что, хотя, напр., въ Тобольскую губернію и идутъ переселенцы, но оттуда уже лѣтъ 15 идутъ свои крестьяне далѣе на востокъ.

Шли они, главнымъ образомъ, въ земледѣльческую область Тобольской и Томской губерній, но были такіе, которые шли дальше на востокъ, на Амуръ. Преобладали крестьяне изъ черноземныхъ и степныхъ губерній; свободные же участки въ земледѣльческой полосѣ остались въ самомъ небольшомъ количествѣ, и только на сѣверѣ, среди лѣсовъ; тамъ нашъ русскій южанинъ чувствовалъ себя совсѣмъ беспомощнымъ хотя среди переселенцевъ это вообще самый работающій и умѣлый народъ; русскіе же сѣверяне, т.-е. изъ центральныхъ и особенно заволжскихъ губерній, оказываются людьми слабыми, неустойчивыми и очень обезсиленными борьбой за существованіе еще на родинѣ; вообще на сѣверѣ очень трудно выбиться на дорогу, и тѣ немногія земли, что тамъ еще остались, въ счетъ итти не могутъ. Такимъ образомъ хотя правительство и поощряетъ теперь крестьянское переселеніе и думаетъ оказывать ему еще бѣльшую помощь, но быть мѣстомъ, куда можно было бы переселить малоземельныхъ крестьянъ, Западная Сибирь не можетъ ¹⁾).

¹⁾ Въ настоящее время, какъ выше сказано, начиная съ января 1907 г., переселенческое движеніе начало снова расти. Произошло это подъ вліяніемъ указа 19 сентября 1906 г. о продажѣ крестьянамъ «свободныхъ» земель въ Алтайскомъ горномъ округѣ и предоставленіи для переселенія «излишковъ въ землепользованіи» мѣстнаго сибирскаго земледѣльческаго населенія. Но общая сложность всѣхъ этихъ «свободныхъ» и «излишнихъ» земель такова, что ей хватитъ лишь на самый короткій промежутокъ времени. А затѣмъ снова хлынетъ на родину обратная волна переселен-

Собственно говоря, въ Сибири, конечно, еще очень много незанятыхъ земель, но почти всё онѣ въ теперешнемъ видѣ непригодны для немедленной обработки. Въ однихъ мѣстахъ, степныхъ, надо приготовить колодцы, пруды, или, наоборотъ, отвести излишекъ воды; въ другихъ—лѣсныхъ—надо прорубить лѣса, осушить болота, проложить дороги, устроить сбытъ для хлѣба и т. п. Очень часто всё эти подготовительныя работы требуютъ громадныхъ затратъ и не могутъ быть выполнены полуразоренными или совершенно обнищавшими переселенцами—крестьянами. Это подѣ силу только государству. Для того же, чтобы правильно вести подготовку земель для переселенія, надо изслѣдовать и изучить Сибирь,—а она еще очень и очень плохо изучена. Въ настоящее время правительство предприняло и изслѣдованіе свободныхъ земель и подготовку ихъ для переселенцевъ,—но все это ведется въ сравнительно маломъ размѣрѣ, очень еще недавно и очень неравномѣрно.

Въ Сибири сельское хозяйство еще не стало на прочную ногу. Въ различныхъ частяхъ земледѣльческой полосы существуютъ разные приемы обработки и сѣвооборота. Общій характеръ земледѣлія, однако, приблизительно одинъ и тотъ же и заключается въ слѣдующемъ: всё крестьяне свой посѣянный хлѣбъ, главнымъ образомъ, довѣряютъ землѣ; самъ же человекъ на подготовку почвы удобреніемъ силъ своихъ не тратитъ; даже усиленное вспахиваніе сибиряками производится не для того, чтобы разрыхлять

цевъ, выгнанныхъ изъ родныхъ краевъ голодомъ и такъ легко-мысленно увлеченныхъ правительствомъ широкими, несбыточными обѣщаніями «свободныхъ» земель въ далекую, чужую Сибирь!

пашню, а для того, чтобы бороться съ сорными травами, обильно порастающими около хлѣбовъ. Такое хозяйство, въ которомъ главное дѣло въ урожаѣ совершаетъ природа и земля, называется экстенсивнымъ хозяйствомъ. Послѣ подъема цѣлины хлѣба сѣютъ одинъ за другимъ нѣсколько разъ подь рядъ, послѣ чего пускаютъ землю подь черный паръ, т.-е. не даютъ пару зарастать травой, и чередуютъ посѣвы съ паромъ нѣсколько лѣтъ; когда земля истощается, ее бросаютъ въ залежь. На хорошихъ мѣстахъ снимаютъ съ участка 25—30 хлѣбовъ, прежде чѣмъ пустить ее въ залежь; на плохихъ 3—4. Земля отлеживается отъ 3 до 25 и даже 30 лѣтъ; попадаютъ мѣста, къ которымъ вторично и не прикасались съ тѣхъ поръ, какъ оставили ихъ подь залежь, а есть и такія, которыхъ совсѣмъ не оставляли. Количество хлѣбовъ, чередованіе съ паромъ и продолжительность залежи,—все это зависитъ отъ качества почвы, а такъ какъ она въ земледѣльческой полосѣ неровная, то и порядки тамъ различные. Сѣвооборотъ же, главнымъ образомъ, двухпольный. Сибирскій теперешній способъ хозяйства уже не первобытный, „переложный“, которымъ онъ былъ въ старину, когда хлѣба засѣвали нѣсколько лѣтъ подь рядъ до полного истощенія почвы, и только тогда ее надолго забрасывали; уменьшеніе земли привело сибирскихъ крестьянъ къ залежно-паровой системѣ, а теперь заставляеть ихъ бросать двухполье и переходить на наше русское трехпольное хозяйство съ удобреніемъ. Переселенцы, пріѣзжавшіе съ привычкой къ трехполью и удобренію, скоро отъ нихъ отвыкали, поддаваясь влиянію сибиряковъ, хищно ведущихъ свое земледѣльческое хозяйство.

Хотя пашню и не унаваживаютъ, но возни съ нею много. Земля сибирская очень плотная, требующая большого старанья; пахутъ на 4—5 и даже 6 вершковъ въ глубину. Эта усердная распашка возможна только при большомъ количествѣ скота, которое и превосходитъ въ Сибири то, какое мы имѣемъ у себя въ Россіи. Въ соху запрягаютъ пару, а то и тройку лошадей. Тамъ крестьяне работаютъ съ сохами на колесахъ; особенно распространилась соха „пермянка“ по образцамъ изъ Пермской губерніи. Теперь въ западныхъ частяхъ Тобольской губерніи, около большихъ селъ и городовъ, заготовляются „пермянки“ на всю земледѣльческую полосу Сибири. Плуги идутъ плохо. Затѣмъ въ сибирскомъ хозяйствѣ встрѣчаются все тѣ же русскія металлическія бороны (только болѣе тяжелыя), серпы, косы простыя и съ граблями, лопаты, цѣпы. Машины земледѣльческія имѣютъ мало успѣха среди тамошнихъ крестьянъ, но иностранные купцы держатъ въ Сибири своихъ представителей и продаютъ машины изъ складовъ на выгодныхъ для земледѣльцевъ условіяхъ; въ послѣднее время крестьяне стали машинами больше интересоваться, чѣмъ раньше, и среди нихъ пошли въ ходъ нѣкоторыя изъ земледѣльческихъ орудій. Около Томска уже въ очень большомъ ходу ручныя вѣялки и молотилки, а еще очень недавно тамъ же молотили цѣпами, телѣгами и лошадьми. Одинъ фабрикантъ въ 1897 г. продалъ въ Сибири всего 40 жатокъ, а въ 1901 ихъ пошло въ ходъ уже 1500! Вообще около крупныхъ городовъ, въ оживленныхъ мѣстахъ, лежащихъ не вдалекѣ отъ желѣзной дороги, въ сибирское хозяйство болѣе входятъ въ употребленіе такія

орудія земледѣлія. Русскія фирмы ежегодно отправляютъ въ Сибирь огромное количество земледѣльческихъ орудій. Напримѣръ, еще въ 1902 году одна воронежская фирма продала сибирскимъ земледѣльцамъ машинъ на 1½ милліона руб. Агенты фирмы указываютъ, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ нѣтъ деревни, гдѣ бы имъ не приходилось продавать крестьянамъ тѣхъ или другихъ орудій. Среди сибирскихъ крестьянокъ образовалось даже серьезное движеніе въ пользу распространенія земледѣльческихъ машинъ и поощренія ихъ покупки, такъ какъ машины облегчаютъ трудъ крестьянокъ.

Быстрое проникновеніе сельско-хозяйственныхъ орудій въ среду сибирскаго крестьянства кажется особенно значительнымъ рядомъ съ медленнымъ распространеніемъ машинъ среди крестьянъ русскихъ.

Хлѣба воздѣлываются въ земледѣльческой полосѣ самые различные. Чѣмъ дальше къ сѣверу и чѣмъ хуже земля, тѣмъ проще хлѣба, менѣе прихотливы. На югѣ земледѣльческой области, въ Ишимской степи, сѣется больше всего пшеница, на востокъ и на сѣверъ хорошо родится яровая рожь, ячмень, а около Томска, т.-е. въ сѣверо-восточномъ углу,—озимая рожь. Мѣстами сѣютъ просо, гречиху, горохъ, картофель и почти вездѣ ленъ и коноплю. Средніе урожаи пшеницы на плодородной землѣ 60—80 пудовъ съ десятины, ржи 60—90 пудовъ, ячменя 50—60 пудовъ, овесъ на парахъ даетъ 80—100 пудовъ, а на жнивахъ 40—50 пудовъ ¹⁾. Однако сибиряки знаютъ и не такіе урожаи. Въ южныхъ плодородныхъ мѣ-

¹⁾ Для Европейской Россіи средніе урожаи слѣдующіе: пшеница—31—32 пуда; рожь—38 п.; ячмень—36—37 п.; овесъ—36 п.

стахъ съ десятины снимали: 240 пудовъ пшеницы, 200 пудовъ ржи и 350 пудовъ овса!

Эти огромные урожаи поражали своимъ изобиліемъ прѣзжихъ путешественниковъ; предполагая что такой сборъ хлѣбовъ бываетъ ежегодно, они повсюду и развезли рассказы о чудесномъ сибирскомъ хлѣбопашествѣ. Въ дѣйствительности такіе урожаи и прежде бывали очень рѣдки: одинъ разъ въ 20—30 лѣтъ; послѣдній большой урожаи случился въ 1894 году. Въ настоящее же время хлѣбъ родится все хуже и хуже. Неурожайные годы слѣдуютъ одинъ за другимъ три - четыре раза подъ рядъ. Случается, что крестьяне буквально ни одного колоса не снимаютъ со своей пашни. Вообще урожаи земледѣльской полосы западной Сибири удивительно неровны и переменчивы.

Въ этомъ нѣтъ ничего страннаго, если вспомнить, что сибиряки ведутъ свое хозяйство легкомысленно и неразумно. Страдаетъ земледѣлецъ не только отъ истощенія почвы, но и отъ засухи и кобылки. Тучами кобылка ползетъ, летитъ и скачетъ на сибирскія поля, покрывая собою огромныя пространства; ее не остановятъ ни рѣки ни озера; кобылка гибнетъ, и все-таки ее остается еще много.

Другой врагъ крестьянскаго хозяйства—это сорная трава. Много труда приходится затрачивать земледѣльцу на борьбу съ нею; землю пахутъ и перепахиваютъ по многу разъ; яровые хлѣба приходится усиленно полоть.

Въ мѣстахъ, богатыхъ рощами, дурно отзывается на урожаяхъ влага. Повсюду вредятъ посѣвамъ поздніе заморозки весною и ранніе утренники осенью; крестьянину вѣчно приходится зорко слѣ-

дить, чтобы не поторопиться или не упустить удобнаго времени. Весенніе разливы размываютъ пашни, засыпаютъ ихъ иломъ и пескомъ. Чѣмъ больше несчастій сыплется на крестьянскую голову, чѣмъ капризнѣе природа, земля и климатъ, тѣмъ труднѣе хлѣбопашцу обходиться безъ машинъ и безъ удобренія.

Подъ вліяніемъ всѣхъ неудачъ и, главнымъ образомъ, въ виду истощенія почвы населеніе стало замѣнять нѣжные хлѣба болѣе грубыми, сѣверными. Крестьяне убѣждаются, что имъ необходимо бросить старый нерасчетливый способъ хозяйства и приняться за удобреніе земли; съ удобреніемъ мѣняется и сѣвооборотъ. Съ переходомъ къ правильному хозяйству урожаи становятся ровнѣе. Лучше всего это замѣтно на сѣверной границѣ земледѣльческой полосы, гдѣ раньше всего сказалось утѣсненіе и истощеніе и прежде перешли къ удобренію и трехполью. Тамъ, правда, хлѣбъ не родится въ сказочномъ изобиліи, но зато и не бываетъ полныхъ неурожаевъ.

Вся Западная Сибирь, т.-е. всѣ ея области съ Алтайскимъ Горнымъ округомъ, давала ежегодно 64.000.000 пудовъ разныхъ хлѣбовъ. Почти все это количество приходилось на земледѣльческую область. Изъ нихъ 13.000.000 пудовъ вывозилось въ Россію и за границу. вмѣстѣ съ неурожаями вывозъ становится все меньше и меньше. Прежніе хлѣбные запасы, которые давно скупили крупные купцы, всѣ вышли, а новыхъ урожаевъ вотъ уже сколько лѣтъ бесплодно ждетъ сибирскій крестьянинъ. Желѣзная дорога повысила сначала вывозъ, такъ какъ сибиряки стали продавать послѣдній хлѣбъ, отрывая отъ своей семьи.

Барыши отъ продажи попали въ карманъ къ скупщику.

Огородничествомъ сибирскіе крестьяне такъ охотно, какъ хлѣбопашествомъ, не занимаются. Въ деревняхъ оно только удовлетворяетъ нужды самихъ сельскихъ жителей, и только около большихъ городовъ огородничествомъ занимаются для сбыта въ лавки и на базары.

Пользуясь обиліемъ хлѣба, сибиряки во многихъ мѣстахъ земледѣльческой полосы занимаются домашнимъ винокурениемъ. Деревни въ Сибири вообще разбросаны рѣдко, и крестьянамъ при плохихъ еще дорогахъ затруднительно ѣздить въ питейныя заведенія большихъ селъ за водкой; къ тому же казенное вино продается очень дорого: на заводѣ казнѣ ведро водки обходится около рубля, а съ крестьянъ казна за то же ведро беретъ уже около 8 рублей! Въ глухихъ мѣстахъ земледѣльческой полосы, гдѣ хлѣбъ очень дешевъ, и сбытъ его на сторону трудно, сибиряки и занимаются тайнымъ винокурениемъ. Свои маленькіе водочные заводики, устроенные совѣмъ первобытно, крестьяне ставятъ въ такихъ укромныхъ уголкахъ, куда полицейскому глазу трудно проникнуть. Такая домашняя водка называется „самосидкой“; она очень плохого качества, мутная, съ запахомъ сивушнаго масла. Гонять водку артелями, иногда цѣлыми деревнями. Надъ самосидкой трудятся обыкновенно бабы. Если полиція накрываетъ тайное винокурение, то за это слѣдуетъ жестокое наказаніе, не по проступку, потому что „самосидку“ вообще сибиряки въ продажу не пускаютъ, а выпиваютъ сами. Уменьшаются урожаи, вывозится и продается хлѣбъ—падаетъ и винокурение.

Кромѣ заводиковъ „самосидки“, въ Западной Сибири существуютъ и настоящіе, явные большіе винные заводы подѣ наблюдениемъ начальства. Въ одной Томской губерніи построено 12 заводовъ для винокурения, пиво- и медоварения, на которыхъ въ 1900 году было выкурено одной водки 1.134.000 ведеръ.

Для нуждъ сельскаго хозяйства невдалекѣ отъ рѣчныхъ пристаней, съ которыхъ хлѣбъ идетъ въ отправку, начинаютъ строить паровыя мельницы. Работаютъ онѣ, главнымъ образомъ, на Сибирь, въ далекія же отправки хлѣбъ везутъ въ зернѣ, потому что промоль въ Россіи и за границей дешевле, чѣмъ на мѣстѣ.

Есть въ земледѣльческой полосѣ заводы крахмальные, паточные, пряничные, но имъ приходится вырабатывать матеріала гороздо меньше, чѣмъ водочнымъ заводамъ, хотя рабочихъ участвуетъ въ этомъ производствѣ гораздо больше.

Вообще же если сравнить число всѣхъ заводовъ и фабрикъ, которые обрабатываютъ продукты земледѣлія, съ количествомъ снимаемыхъ ежегодно хлѣбовъ, то окажется, что эта отрасль фабричной промышленности находится въ западной Сибири еще въ зачаточномъ состояніи.

3) Скотоводство, маслодѣліе, фабричная и кустарная промышленности. Вліяніе желѣзныхъ дорогъ, торговля. Пути сообщенія. Второстепенные промыслы и наемный трудъ.

Земледѣльческая полоса Западной Сибири богата пастбищами. Сибиряки могутъ держать рабочій скотъ въ такомъ количествѣ, которое нашимъ русскимъ крестьянамъ недоступно. Въ хозяйствѣ средняго

сибирскаго мужика 2—3 лошади, 2—3 коровы и 5—6 овецъ—обычное правило, а зажиточныя семьи держатъ еще больше. Вообще считаютъ, что на каждые 100 жителей приходится 85 головъ лошадей. Гораздо хуже положеніе новыхъ переселенцевъ - новоселовъ; первое время имъ приходится перебиваться не только съ одной лошадыю, но даже и безъ нея. Количество скота въ сибирскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ зависитъ, кромѣ пастбищъ и крестьянскаго достатка, еще отъ нуждъ земледѣльческихъ: если земля плохая и требуетъ усиленной обработки или удобрения, то и скотъ содержать въ большемъ числѣ. Лошадей впрягаютъ въ соху, навозъ идетъ на удобреніе. Вообще же въ земледѣльской полосѣ навозъ пропадалъ раньше даромъ; его выкидывали въ рѣки, сваливали за околицами селъ; такое пренебрежительное отношеніе къ удобрению сначала сильно возмущаетъ новоселовъ, пока они сами не научатся такъ же вышвыривать его прочь. Сибирскимъ крестьянамъ хорошо было бы поучиться бережному отношенію къ удобрению у китайцевъ, которые не только домашній навозъ свозятъ на поле, но съ лопаткой подбираютъ остатки послѣ животныхъ и людей по улицамъ и дорогамъ.

Лошади нужны не только для одного земледѣлія. Въ мѣстахъ, лежащихъ по сосѣдству съ большими проѣзжими дорогами и трактами, лошади служатъ для извознаго промысла на крестьянскихъ постоянныхъ дворахъ. Главнымъ мѣстомъ, гдѣ процвѣтала почтовая и пассажирская гоньба, прежде былъ большой Сибирскій трактъ, по которому шло все движеніе въ Сибирь и чрезъ нее на Дальній Востокъ. Но вотъ засвистѣлъ царовозъ, пролегли желѣзные рельсы — и замеръ

Сибирскій трактъ; все отъ него отняла чугунка. Цѣлые хутора и поселки, жившіе извознымъ промысломъ, остались безъ заработка. Ища новой работы, люди обращались къ земледѣлію, уходили на сѣверъ, образовывали тамъ новыя заимки и подымали еще нетронутую цѣлину.

Сибирская лошадь сильно отличается отъ россійской: она малоросла и несильна; зато неприхотлива въ пищѣ и питьѣ, вынослива и очень быстра на ходу; по порядочной дорогѣ эта лошадь „сибирка“ пробѣгаетъ скорымъ бѣгомъ въ день верстъ съ сотню безъ всякаго для себя вреда. Около Томска разводится и другой сортъ лошадей. Онѣ крупныя, сильныя, предназначены для перевозки тяжестей и вообще для болѣе изнурительной работы.

Не лучше лошадей и рогатый сибирскій скотъ. Онъ и совсѣмъ не имѣетъ достоинствъ: мелкій, тощій, и даетъ совсѣмъ малый удой плохого, жидкаго молока; лѣтомъ корова приноситъ четверть ведра въ день, а зимой даже одну восьмую. Въ такихъ недостаткахъ больше всего виноваты конечно, небрежный уходъ, но отчасти, въ слабости домашняго скота повинна и сибирская трава, изъ которой получается не особенно питательный кормъ, а иногда даже вредный. Крестьяне къ своимъ домашнимъ животнымъ относятся часто невнимательно: лѣтомъ иногда ихъ пускаютъ пастись безъ присмотра и охраны, на зиму оставляютъ небольшіе запасы корма, и въ ходъ идетъ подъ часъ не только сѣно, но и солома. Скотъ къ веснѣ истощается и едва держится на ногахъ, животныхъ приходится подымать на веревкахъ. Только черезъ два-три мѣсяца они поправляются на подножномъ корму и приходятъ въ себя. Литовскіе, латышскіе и даже малороссійскіе

поселки имѣютъ скотъ гораздо лучшій и здоровый. Эти крестьяне умѣютъ съ нимъ внимательно обращаться, ухаживать; имъ даже изъ русскихъ поселковъ отдаютъ на выкормку молодыхъ животныхъ.

Но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ земледѣльческой полосы всѣ свободные луга уже сибиряки использовали, такъ что даже при желаніи увеличить зимніе запасы корма они этого сдѣлать не могутъ. Улучшить положеніе скотоводства возможно расширеніемъ пастбищъ, вырубая на сѣверѣ полосы лѣса, осушая болота, а на югѣ, вводя въ сѣвооборотъ кормовыя растенія, посѣвныя травы и внимательно ухаживая какъ за скотомъ, такъ и за надѣльными лугами.

Въ послѣднее время крестьяне стали заботиться о молочномъ скотѣ гораздо больше, чѣмъ раньше. Эта перемена произошла, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ спроса на молочные товары.

Въ 1893 году въ Тобольской губерніи окологорода Кургана впервые появились молочныя хозяйства, а оттуда пошли по всей Западной Сибири. Молоко идетъ на выдѣлку масла, которое вывозятъ въ Россію и, главнымъ образомъ, за границу. Первымъ открывшимъ вывозъ масла былъ одинъ датчанинъ, жившій въ Россіи. Онъ воспользовался желѣзной дорогой и началъ доставлять масло въ Лондонъ. Датчане вообще давно уже и у себя на родинѣ завели доставку масла въ Англію. Для удобной перевозки по Великой Сибирской дорогѣ ходятъ особыя поѣзда изъ нарочно для этой цѣли приготовленныхъ вагоновъ-ледниковъ. Представители русскихъ, и особенно иностранныхъ торговыхъ домовъ, постоянно живутъ вдоль желѣзной дороги, скупая готовое масло, открывая свои конторы. Чтобы поощрить сибиряковъ къ

маслодѣлю, скупщики продаютъ имъ въ долгъ маслобойки и другія принадлежности, необходимыя въ маслодѣліи. За эту помощь крестьяне обязуются сбывать масло только имъ и по назначеннымъ цѣнамъ, которыя скупщики понижаютъ, сколько возможно. Скупныхъ конторъ развелось множество, въ одномъ Курганѣ ихъ 13 штукъ. Другое бойкое мѣсто по вывозу масла — село Ново-Николаевское, въ Томской губерніи, въ томъ мѣстѣ, гдѣ желѣзная дорога пересѣкаетъ рѣку Обь.

Вырабатывать масло домашнимъ способомъ не выгодно. Самая хорошая хозяйка изъ пуда молока больше $1\frac{1}{4}$ фунта масла не взобьетъ, продавая его, она больше 22 копеекъ за фунтъ не получить. Если же молоко отнести въ маслодѣльную, то за пудъ уплачиваютъ отъ 30 до 40 копеекъ, вмѣстѣ съ этимъ хозяйка избавляется отъ многихъ расходовъ, необходимыхъ при выработкѣ масла. Устройство маслодѣльни требуетъ денежныхъ затратъ, тяжелыхъ для крестьянина, поэтому маслодѣльни попадаютъ въ руки кулаковъ-предпринимателей, которые и закабаляютъ себѣ населеніе. Они открываютъ при маслодѣльняхъ лавочки, продавая товары за дорогую цѣну, даютъ въ долгъ денегъ и пр. и пр. Въ концѣ-концовъ кулаки впередъ забираютъ весь удой молока, сбывая его цѣну до 25 коп. за пудъ. Въ маслодѣлье устремились лавочники, писаря, лѣсничьи, даже священники.

Чтобы избавиться отъ притѣсненія скупщиковъ, крестьяне стали устраивать свои артельные маслодѣльни. Сейчасъ ихъ немного, штукъ 20, но врядъ ли онѣ пойдутъ въ ходъ, потому что средствъ эти маслодѣльни требуютъ много, а достать ихъ сибирскому крестьянину неоткуда. Послѣдніе не-

урожай, а съ ними вмѣстѣ и распродажа скота, еще больше подрываютъ молодое молочное хозяйство Сибири. Пастбища уменьшаются. Не только крестьянское, но вообще маслодѣліе перестанетъ такъ быстро расти, какъ это было нѣсколько лѣтъ назадъ. Оно будетъ себѣ постепенно проникать къ сѣверу и въ тѣ мѣста, гдѣ молоко еще не нашло сбыта.

Сибирскій крестьянинъ темень, неразвѣтъ, онъ не умѣетъ своего молочнаго хозяйства вести какъ слѣдуетъ. Желая увеличить количество продаваемого молока, онъ покупаетъ столько коровъ, что имъ не хватаетъ корма. Скотъ начинаетъ давать молока еще меньше, оно становится жиже. Коровы тощатъ, болѣютъ, вырождаются, приносятъ слабое потомство. Сибиряки, продавая все молоко на маслодѣльни, отнимаютъ его отъ своихъ дѣтей. Молоко послѣ выработки изъ него масла, снятое и водянисто-жидкое, возвращаютъ крестьянамъ подъ названіемъ „обрата“, и они этимъ „обратомъ“ кормятъ телятъ. Этотъ „обратъ“ не только полезенъ, но даже вреденъ, потому что въ немъ смѣшивается молоко всѣхъ коровъ и здоровыхъ и больныхъ, телята заражаются, хирѣютъ и мрутъ. Болѣютъ отъ недостатка молока и дѣти.

Сибирское масло не особенно хорошаго качества. На выставкѣ 1901 года золотая медаль осталась не присужденной. На изслѣдованіи масло оказалось слегка съ гнилыстымъ вкусомъ, нечистое, съ рыбнымъ, сѣрнымъ привкусомъ и съ другими недостатками. Они происходятъ отъ неумѣлаго и неаккуратнаго приготавленія: плохо моютъ посуду и маслобойки, сохраняютъ сливки безъ льда, молоко привозятъ издалека на подводахъ, доставляя на маслодѣльни скисшимся и т. д.

Крестьяне увидѣли, что маслодѣліе приноситъ имъ не одну только пользу, но и вредъ, истощая ихъ семьи. Они по своей темнотѣ начали даже приписывать вліянію маслодѣлія такія бѣды, какъ засухи и неурожай! Сибиряки выдумали, что на маслодѣльняхъ, которыя тутъ называются „молоканками“, выработкой мучатъ молоко, за что имъ въ наказаніе и посланы всякія бѣды. Крестьянское недовольство доходило даже до открытаго бунта, во время котораго было разбито нѣсколько „молоканокъ“.

Маслодѣліе, истощая семью сибиряка и давая ему за это нѣсколько лишнихъ рублей въ годъ, дѣйствительно, приноситъ ему, пожалуй, больше вреда, чѣмъ пользы. Наживаются же на этомъ дѣлѣ конторы скупщиковъ да туча кулаковъ, держателей маслодѣленъ.

Въ сибирскомъ хозяйствѣ скоть содержится еще для убоя. Мясо, сало и шерсть отправляютъ въ Россію, туда же и за границу вывозятъ кожи и живой рогатый скоть. Для этихъ цѣлей разводятъ животныхъ только на югѣ земледѣльческой полосы и въ сосѣднихъ съ нею областяхъ киргизскихъ степей. Цѣны на живой скоть и на убоину постоянно мѣняются, неурожайные годы и повальные болѣзни среди животныхъ заставляютъ крестьянъ ихъ избивать массами. Сибиряки разумно рассуждаютъ, что все равно придется скоть продавать въ уплату за недоимки или потерять его отъ болѣзней. А падежи тамъ бываютъ часты, и чума и сибирская язва ¹⁾ тѣмъ злѣе, чѣмъ дальше къ востоку.

¹⁾ Болѣзнь „сибирская язва“ заразительная, почти неизлѣчимая и губитъ животныхъ массами. Проявляется она въ опухоляхъ, въ кровавомъ поносѣ и полномъ истощеніи силъ. Смерть

Кожевенное производство поставлено въ Сибири очень слабо, работа повсюду происходитъ ручнымъ способомъ, заводы состоятъ изъ жалкихъ деревянныхъ и даже плетеныхъ зданій, часто безъ потолковъ и половъ, случаются и безъ крышъ. Всѣ отбросы остаются валяться на дворѣ, гниютъ и заражаютъ воздухъ. Рабочіе кожевеннаго производства не имѣютъ отдѣльныхъ помѣщеній, а живутъ тамъ же, гдѣ выдѣлываются кожи, овчины и пр. Самый большой заводъ стоитъ въ Тюмени, въ Тобольской губерніи. Онъ производитъ товара ежегодно на нѣсколько сотъ тысячъ рублей, въ той же губерніи, главнымъ образомъ, сосредоточены и остальные кожевенные заводы.

Вообще фабрично-заводская промышленность Западной Сибири обрабатываетъ сырые матеріалы мѣстнаго происхожденія: на винокуренные, пряничные и другіе подобные заводы уходятъ продукты земледѣлія, на кожевенные и суконные—продукты скотоводства. Другихъ фабричныхъ заведеній совсѣмъ мало. Они не только не разрастаются, но даже существовавшіе ранѣе въ послѣднее время разоряются и прогораютъ. До сихъ поръ сибирскіе заводы свои дѣла вели неважно. Ихъ владѣтели точно у сибирскихъ крестьянъ учились неряшливости и неаккуратности въ хозяйствѣ. Часто управляющими заводовъ становились люди, совсѣмъ незнакомые съ порядками, которые требуются въ тѣхъ мѣстахъ. Когда за-

наступаетъ черезъ 8—30 часовъ. Иногда черезъ 3—5 часовъ послѣ появленія болѣзни, животное падаетъ, какъ пораженное молніей. Сибирская язва бываетъ и въ скрытой формѣ, въ этомъ случаѣ опухоли или не проявляются, или мало замѣтны. Сибирской язвой чрезъ царапины и небольшія ссадины отъ животныхъ заражаются и люди.

воды лопались, то выброшеннымъ на улицу рабочимъ некуда было дѣваться, такъ какъ фабричныхъ заведеній въ Западной Сибири слишкомъ мало, а свободныхъ безработныхъ рукъ много. Вообще и въ будущемъ фабрично-заводская промышленность врядъ ли очень скоро пойдетъ тамъ на ладъ,—съ одной стороны, нѣтъ настоящихъ, умѣлыхъ, сознательныхъ рабочихъ тамъ, гдѣ опытные руки необходимы, съ другой—послѣ проведенія желѣзной дороги провозъ товаровъ изъ Россіи настолько удешевился, что сибирскимъ съ привозными спорить стало не подъ силу. Въ Россіи хоть и слабѣе заграничнаго фабричная промышленность, но въ сравненіи съ сибирской она давно окрѣпла и потому можетъ свои продукты продавать дешевле.

Ввозъ русскихъ товаровъ въ Сибирь растетъ быстро и непрерывно. Особенно увеличился ввозъ керосина, который входитъ въ обычное употребленіе среди сибиряковъ земледѣльческой полосы, а оттуда проникаетъ и дальше на сѣверъ, отовсюду вытѣсняя старинную „лучину“. Изъ Россіи въ изобиліи везутъ сахаръ, бакалейные и мануфактурные, галантерейные товары, т.-е. сѣстные припасы, предметы одежды, обуви.

Было время, когда немногочисленное населеніе Сибири почти совсѣмъ не нуждалось въ привозныхъ мануфактурныхъ товарахъ. Все, что требовалось для домашняго обихода, изготовлялось каждою семьею на дому. Но постепенно крестьяне, увеличиваясь въ числѣ, улучшая хозяйство и пріобрѣтая новыя потребности, стали нуждаться въ нѣкоторыхъ покупныхъ товарахъ. Новые промыслы, въ родѣ извознаго, и строящіеся города стали требовать многихъ предметовъ, изготовляе-

мыхъ крестьянскими руками въ сосѣднихъ селахъ. Стало выгодно заниматься кустарной работой.

Какимъ кустарнымъ производствомъ промышленли крестьяне, зависѣло отъ мѣстныхъ условій. Какой матеріаль былъ подъ рукою, тотъ и шелъ въ дѣло, если на него бывалъ спросъ. Въ сѣверныхъ частяхъ земледѣльческой полосы, гдѣ деревни богаты лѣсомъ, лучше другихъ привилось производство деревянныхъ издѣлій: бондарный промыселъ, производство ситъ, точеной посуды, мебели, телѣгъ, саней, смолокурение. Въ южныхъ краяхъ, по сосѣдству со степной полосой и ея богатымъ скотоводствомъ, хорошо наладилось шерстяное производство, изготовленіе валенокъ — „пимъ“, называющееся „пимокатнымъ“. Около Тюмени, откуда изъ Европы и съ юга Сибири на сѣверъ отправляютъ товары, особенно развилось приготовленіе предметовъ, необходимыхъ для перевозки кладей и пассажировъ. Тамъ же работаютъ и сохи „пермянки“ и сошники, идущіе потомъ по всей земледѣльческой Западной Сибири. Въ этихъ мѣстахъ хорошо ткуть ковры, изготовляемые женщинами. Теперь коверницы покупаютъ шерсть, краски и рисунки отъ торговцевъ, но раньше краски онѣ составляли сами, и дѣло шло отъ этого хуже, выборъ цвѣтовъ былъ бѣднѣе, да и сами краски совсѣмъ не отличались прочностью. Кузнечный, горшечный и кирпичный промыслы держатся кругомъ населенныхъ сель и городовъ. Въ западныхъ частяхъ Западной Сибири, по сосѣдству съ Ураломъ, откуда добывается желѣзо, основалось и желѣзное производство. На сѣверѣ и востокѣ земледѣльческой полосы и въ предѣлахъ ближайшей лѣсной области распространилось изготовленіе сѣтей и неводовъ, потому

что въ сосѣднихъ лѣсныхъ и тундровыхъ краяхъ необходимые предметы рыболовства имѣютъ постоянный и широкій сбытъ. Вообще кустари тяготеютъ къ большимъ селамъ и городамъ, обеспечивающимъ имъ заработокъ. Чѣмъ дальше къ востоку, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ рѣже городскія и сельскія поселенія, тѣмъ меньше народу занято въ кустарныхъ промыслахъ; характеръ сбыта здѣсь нѣсколько другой: работаютъ только на окружающее мѣстное населеніе, не отправляя далеко своихъ товаровъ.

Кустарная промышленность Западной Сибири ведется первобытно: выдѣлку шерстяныхъ и пимокатныхъ товаровъ, напимѣръ, производятъ въ тѣхъ же комнатахъ, гдѣ живутъ. Работающіе крестьяне принуждены постоянно вдыхать шерстяную пыль, а это очень вредно отзывается на ихъ здоровьѣ, люди ходятъ блѣдные, съ истощеннымъ видомъ. Отъ шерстяныхъ и кожевенныхъ промысловъ среди рабочихъ распространяется сибирская язва, потому что въ обработку пускаютъ шкуры и шерсть больныхъ животныхъ.

Постоянныхъ кустарей немного, они всѣ запутались въ долгахъ у скупщиковъ, снабжающихъ ихъ впередъ деньгами и товаромъ, — и выбиться изъ этихъ тисковъ очень трудно. Гораздо больше такихъ кустарей, которые своей земли не бросаютъ, а занимаются кустарнымъ промысломъ въ тяжелые годы неурожаевъ или другихъ неудачъ. Последніе неурожаи многихъ толкнули на кустарные заработки. Однако есть и богатеи — кустари, которыхъ тутъ называютъ „богатырями“, ихъ достатокъ сложился не промыслами, а земледѣліемъ, которое они не покидаютъ и кустарничаютъ только въ свободное время для повышенія

доходовъ. Обыкновенно каждымъ производствомъ занимаются нѣсколько семей сразу, даже цѣлое село.

Послѣ того, какъ прошла желѣзная дорога, упразднившая весь большой сибирскій трактъ, сильно пострадали кустари, работавшіе на извозный промыселъ. Вообще желѣзная дорога, открывшая широкій доступъ въ Западную Сибирь фабричнымъ товарамъ, убиваетъ кустарную промышленность, потому что привозные товары не только лучше качествомъ, но и дешевле.

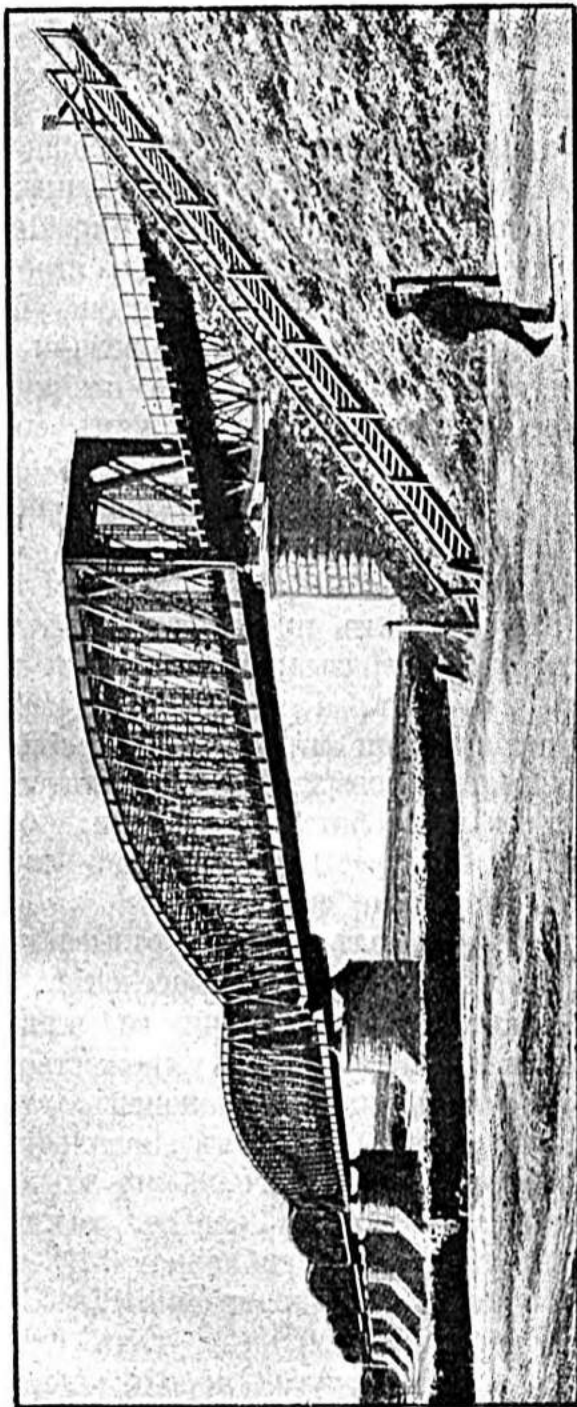
Торговля сношенія Сибири съ Россіей въ то время, когда Великой Сибирской желѣзной дороги не было и въ поминѣ, являлись дѣломъ труднымъ и не всѣмъ доступнымъ. Прежде всего они требовали очень большихъ средствъ, потому что товары приходилось покупать на русскихъ ярмаркахъ въ Ирбитѣ и въ Нижнемъ-Новгородѣ очень большими партіями; туда же въ огромномъ количествѣ свозились и сибирскіе товары. Затѣмъ крупныя закупки частью водой, а частью по желѣзной дорогѣ шли чрезъ Россію до Тюмени, а дальше пускались по сибирскимъ рѣкамъ, во время навигацій, и лошадьми, на саняхъ зимою, по большимъ городамъ. Тамъ товаръ лежалъ въ большихъ складахъ долго, пока его не раскупали мелкіе торговцы, и небольшими партіями развозили на мѣстные ярмарки и въ отдаленные уголки Сибири. Вся торговля была въ рукахъ немногихъ богатыхъ купцовъ, назначавшихъ на свой привозный товаръ цѣны и наживавшихся какъ угодно. Теперь дѣло сильно измѣнилось; русскіе фабриканты стали держать въ Западной Сибири своихъ представителей, и мелкіе купцы могутъ свободно миновать прежнихъ посредни-

ковъ, покупая товаръ небольшими партіями изъ первыхъ рукъ; цѣны на товары упали; упало и значеніе ярмарокъ не только сибирскихъ, но даже Нижегородской.

Устраиваются же въ настоящее время ярмарки въ земледѣльческой полосѣ для сбыта произведеній сельско - хозяйственной промышленности. Но и мѣстные товары попадаютъ теперь прямо къ покупателямъ изъ Россіи безъ участія посредниковъ, чрезъ пріѣзжихъ представителей. Самая большая изъ такихъ внутреннихъ ярмарокъ зимою—въ городѣ Ишимѣ. Дѣлала она ежегодный сборъ въ 2¹/₂ милліона рублей, но и на ней сильно замѣтно паденіе ярмарочной торговли.

Путь, по которому шли изъ Сибири товары, тоже рѣзко измѣнился. Все къ себѣ перетянула „сибирка“, и только такіе грубые матеріалы, какъ кожи, провозятся еще по водѣ на Тюмень, и то потому, что рѣчнымъ сообщеніемъ перевозка обходится дешевле.

Проходя чрезъ Западную Сибирь, желѣзная дорога бѣжитъ еще дальше на востокъ. Поэтому населеніе земледѣльческой полосы участвуетъ не только въ мѣстной торговлѣ, но и въ торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ остальной Сибирью и Китаемъ. Больше всего съ востока привозится чаю. Въ 1899 г. чрезъ Челябинскъ прошло 1.594.000 пудовъ чаю разныхъ сортовъ. Сама Сибирь его поглощаетъ очень много; инородцы и даже крестьяне предпочитаютъ кирпичный, плиточный чай, который очень удобенъ при постоянныхъ передвиженіяхъ и охотахъ. Изъ степныхъ, киргизскихъ областей постоянно отправляютъ транспорты лошадей. Вывозная торговля, главнымъ образомъ,

Мостъ черезъ Иртышъ.

сейчасъ находится въ рукахъ иностранцевъ, которые раньше насъ обратили вниманіе на Сибирь и успѣли тамъ прочно устроиться.

Для торговыхъ и пассажирскихъ сообщеній въ земледѣльческой полосѣ, гдѣ нѣтъ рѣчныхъ путей, проложены почтовые тракты—широкія грунтовыя дороги съ канавами по обѣимъ сторонамъ, съ довольно прочными деревянными мостами черезъ ручьи и овраги и съ порогами черезъ рѣки. Содержатся тракты довольно неаккуратно, но въ сухое время года ѣзда по нимъ сносная, и сибирскія, шустрья лошади быстро несутъ по трактамъ дорожныя брички и шарабаны, позвякивая малиновыми колокольчиками. Послѣ дождей по дорогамъ быстро выбиваются ямы, и къ осени ѣзда по нимъ превращается въ пытку; ямы полны густой грязью; выносливыя лошади выбиваются изъ силъ, а ямщики уже не поютъ свои безпечныя пѣсни и не помахиваютъ лихо вожжами. Около почтовыхъ дорогъ кормится много народу: кустари работаютъ телѣги, брички, упряжь и проч., крестьяне держатъ лошадей, открываютъ постоялыя дворы.

Извозный промыселъ дурно отзывается на нравственности притрактоваго населенія. Легкіе заработки, постоянныя встрѣчи со всевозможными людьми, среди которыхъ множество лицъ совершенно испорченныхъ, наконецъ, столкновенія съ самымъ разнообразнымъ „начальствомъ“, которое кричитъ, командуетъ, а не такъ давно еще и дралось, — все въ конецъ изломало и испортило притрактовыхъ сибиряковъ. Въ тамошнихъ селахъ живутъ самые испорченные, въ Сибири, крестьяне: среди нихъ сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, развито пьянство и другіе пороки; родился

даже совсѣмъ особый воровской промыселъ „чаерѣзовъ“. Въ зимнія темныя ночи чаерѣзы, закутавшись въ бѣлыя простыни, ложатся въ придорожные сугробы и ждутъ, когда появятся обозы съ чаемъ; тогда чаерѣзы быстро вскакиваютъ и валятся въ розвальни, откуда еще быстрѣе срѣзаютъ нѣсколько тюковъ-цыбиковъ чая. Этотъ промыселъ считался такимъ доходнымъ, что были села, сплошь занимавшіяся срѣзываніемъ грузовъ чая.

Самыя главныя отрасли промышленности земледѣльской полосы — хлѣбопашество и скотоводство — ведутся безъ помощи наемныхъ рабочихъ рукъ. Кустарный промыселъ тоже лежитъ, главнымъ образомъ, на самихъ хозяевахъ, и только немногочисленные заводы и фабрики Западной Сибири требуютъ для себя рабочихъ. Такимъ образомъ рабочаго населенія въ земледѣльской полосѣ не много. Оно состоитъ изъ обѣднѣвшихъ мѣщанъ и крестьянъ, да изъ ссыльныхъ. Для неимущихъ открылся цовый заработокъ на желѣзной дорогѣ; вдоль всего пути требуются многія тысячи работниковъ. Среди рабочихъ особенно много ссыльныхъ, потому что другого способа прокормиться, кромѣ продажи своего труда, они не имѣютъ. Даже кустари охотно пользуются наемными рабочими изъ ссыльныхъ; съ ними вообще очень мало церемонятся и обращаются невнимательно и грубо.

Промыслы рыбныя, охотничьи и сборъ кедровыхъ орѣховъ въ земледѣльской полосѣ занимаютъ самое послѣднее мѣсто. Если крестьяне ими и занимаются, то только для личныхъ надобностей и большой торговли ни рыбой ни битой дичью и птицей не ведутъ. Въ прежнія

времена рыболовство было богатое. Теперь оно отчасти сохранилось въ большихъ озерахъ. Напримѣръ, въ озерѣ Чаны, которое вдоль идетъ верстѣ на 60, а поперекъ на 30, сибиряки-таки не смогли переловить всей рыбы: до сихъ поръ прибрежные жители ловятъ очень много окуней, карасей, щукъ; среди нихъ попадаются очень крупныя; караси доходятъ до 10 фунтовъ вѣсу. И звѣремъ и лѣсомъ сибиряки земледѣльческой полосы если и занимаются, то только зимою, когда освободятся отъ полевыхъ работъ; напримѣръ, рыбу ловятъ преимущественно чрезъ прорубь, когда ледъ не успѣлъ глубоко промерзнуть. Этими промыслами, чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ охотнѣе занимаются крестьяне; тамъ же къ сѣверу и животныхъ водится больше, чѣмъ на югѣ, гдѣ они почти всѣ перевелись.

Богатствъ ископаемыхъ земледѣльческая область почти не имѣетъ. Кое-гдѣ добываютъ каменный уголь; на востокѣ, въ Мариинскомъ округѣ и около Томска, разрабатываютъ бѣдныя золотыя росыши. Въ степныхъ озерахъ находится соль, но ея не хватаетъ даже для мѣстнаго населенія. Всѣ эти промыслы ничтожны въ сравненіи съ сельскимъ хозяйствомъ.

4) Населеніе, городская и деревенская жизнь, старожилы, переселенцы, ссыльные, татары, евреи, иностранцы.

Земледѣльческая полоса—не только самая богатая, но и самая населенная часть Западной Сибири. Жители ея разсѣяны по деревнямъ и селамъ, и только меньшинство, не больше десятой части, постоянно устроилось въ городахъ;

многіе изъ городскихъ жителей продолжаютъ все-таки заниматься земледѣліемъ. Такое распредѣленіе населенія объясняется тѣмъ, что огромное большинство его занимается сельскимъ хозяйствомъ. Города рѣдки, и народу въ нихъ живетъ немного; но подѣ влияніемъ желѣзной дороги вдоль пути городская жизнь быстро оживаетъ и населеніе городовъ увеличивается. Города растутъ такъ удивительно скоро, что, напримеръ, тамъ, гдѣ въ 1898 году стоялъ поселокъ Ново-Николаевскій всего въ 3.000 жителей, въ 1902 году, т.-е. чрезъ 4 года, выросъ цѣлый городъ въ 25.000 человѣкъ! Населеніе увеличилось въ 8 слишкомъ разъ.

Сибирскіе города имѣютъ жалкій видъ. Вдоль узкихъ, неощенныхъ улицъ, съ гнилыми деревянными тротуарами, тянутся покосившіеся дощатые заборы вперемежку съ низкими деревянными домами; переулки покрыты иногда на 8—10 вершковъ свѣжимъ или перепрѣвшимъ навозомъ. Города малолюдны; наступившая ночь загоняетъ всѣхъ жителей въ комнаты; закрываются ставни и жизнь замираетъ надъ пустыннымъ, почти неосвѣщеннымъ городомъ; только уныло перекатывается по дворамъ вой и лай многочисленныхъ собакъ. И русскіе провинціальныя города не блещутъ красотою, но сибирскіе выглядятъ еще хуже, походя скорѣе на большія села. Чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ грязнѣе и бѣднѣе города.

Въ самые послѣдніе годы города начали понемногу отстраиваться и подчищаться, но тѣ, которые остались въ сторонѣ отъ желѣзнодорожнаго сообщенія и торговаго обмѣна, постепенно замираютъ, напр., Тюмень, одинъ изъ древнѣйшихъ

русскихъ городовъ Сибири, основанный въ 1586 г.; раньше онъ считался „дверью“ въ Сибирь, къ которой подходила первая изъ Россіи желѣзная дорога; изъ Тюмени начинался водный путь по Тоболу и Оби; сюда стекались со всей Сибири хлѣбъ и другіе товары, ѣхали переселенцы, приходили грузы изъ Россіи. Теперь все это проводится по Великой Сибирской желѣзной дорогѣ, и на долю Тюмени остались только грубые товары, въ родѣ кожъ, которые двигаются водою. Это городъ, хотя и населенный 30.000 человекъ, даже первый по числу населенія въ Тобольской губерніи, но безъ прежняго оживленія и торговли.

Особенно замѣтенъ упадокъ городовъ, оставшихся безъ желѣзной дороги на Тобольскѣ, самомъ сѣверномъ среди большихъ сибирскихъ городовъ. Недалеко отъ него когда-то стояла татарская столица края—городъ Сибирь, и онъ самъ одно время считался столицею Сибири. Тобольскъ лежитъ на границѣ двухъ различныхъ частей западной Сибири: земледѣльческой и лѣсной полосы, и его жизнь связана съ одной и другой. Съ юга онъ получаетъ по Иртышу сибирскіе и русскіе товары, отправляя ихъ внизъ по Оби на сѣверъ или вверхъ по ней на востокъ. Въ городѣ живетъ много купцовъ и промышленниковъ, занимающихся торговлей съ сѣверными инородцами и рыбными промыслами. Упадокъ Тюмени и сосредоточеніе всей административной и торговой жизни на югѣ заглушили Тобольскъ настолько, что его населеніе почти не увеличивается. Городъ застроенъ грязными деревянными зданіями, по которымъ постоянно гуляетъ красный пѣтухъ. Старыхъ построекъ сохранилось по-

этому очень мало; какъ-то уцѣлѣли нѣсколько древнихъ церквей, кремль и ворота-башня, построенная еще плѣнными шведами во время Петра Перваго. Руками же этихъ шведовъ Тобольскъ былъ спасенъ отъ гибели: берега, на которыхъ онъ выстроенъ, такъ подмывались водою, что рѣчное русло нужно было перенести на нѣсколько верстъ въ сторону. Эту тяжелую работу и выполнили плѣнные шведы, выкопавъ новый каналъ для рѣки Тобола.

Самый богатый и населенный городъ во всей Западной Сибири — Томскъ, въ которомъ считаютъ 56.000 жителей. Онъ хотя и лежитъ не на самой Сибирской желѣзной дорогѣ, но къ городу отъ нея проведена небольшая желѣзнодорожная вѣтка. Томскъ разрастается. Тутъ театръ, университетъ, основанный въ 1888 г., технологическій институтъ, три среднихъ учебныхъ заведенія, много специальныхъ, духовныхъ низшихъ и воскресныхъ школъ. Всего 59 учебныхъ заведеній и 7.400 учащихся. 3 публичныхъ библіотеки, есть отдѣлы ученыхъ обществъ. Выходятъ 4 газеты. Это настоящій городъ, и сибиряки, которые вообще отличаются большимъ патріотизмомъ, утверждаютъ, что Томскъ не хуже Петербурга. Томскъ непрерывно увеличивается и улучшается. Особенно возросло за послѣднее время торговое значеніе Томска, благодаря развивающемуся пароходству и дешевымъ и удобнымъ воднымъ путямъ сообщенія.

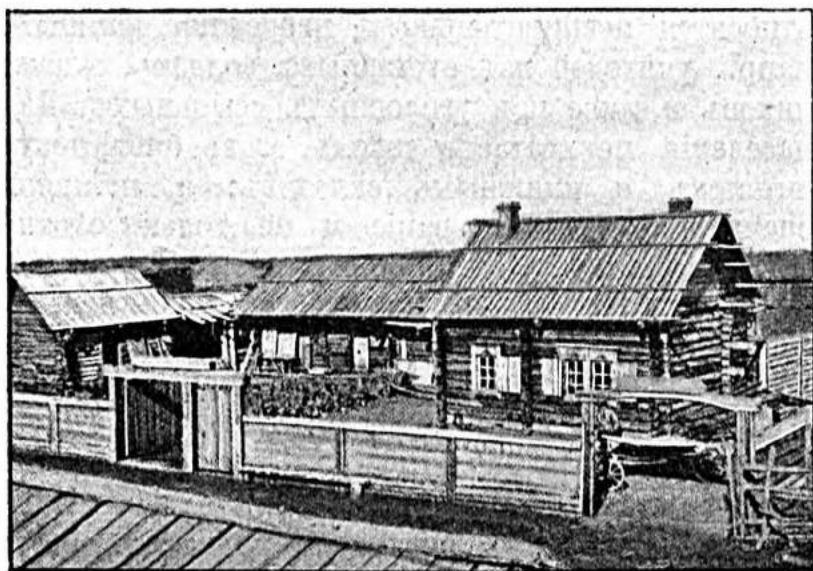
Если города Сибири невелики и неблагоустроены, то деревни ея гораздо лучше русскихъ; онѣ выглядятъ многолюдными селами. Тутъ много красивыхъ, двухъэтажныхъ домовъ, вокругъ которыхъ тѣнятся угодыя и службы; крыши этихъ

избъ-домовъ крыты тесомъ, а на нихъ и на выкрашенныхъ ставняхъ часто красуются рѣзные, деревянные узоры. Улицы хотя и кривыя, но широкія; ихъ главный недостатокъ заключается въ томъ, что сибиряки, не сохраняя навоза, не вывозятъ его, а часто выбрасываютъ около жилья и засоряютъ улицу. Въ комнатахъ у крестьянъ чисто и уютно; полъ хозяйка мететъ нѣсколько разъ въ день, а моетъ его и скребетъ ножомъ некрашенные столы и лавки не меньше, чѣмъ разъ въ недѣлю. Избы обыкновенно имѣютъ нѣсколько комнатъ, и только самые бѣдные живутъ въ одной. Стѣны и потолки выбѣлены; иногда стѣны оклеены обоями и почти всегда увѣшаны разными портретами и картинами; полы устланы цыновками, разноцвѣтными половиками; на подоконникахъ стоятъ горшки съ цвѣтами; въ чистыхъ горницахъ обязательны столы и стулья, даже диваны; широкая постель, съ тремя-четырьмя мягкими подушками въ пестрыхъ наволочкахъ, покрыта стеганымъ одѣяломъ изъ разныхъ кусочковъ ситца. Обстановка у богатыхъ еще лучше: мебель городской работы—диваны, кресла, зеркала; на окнахъ кисейныя занавѣски; стѣны непременно оклеены; двери, печи, подоконники, окна, а иногда и потолки расписаны цвѣтами, птицами, красными, синими и желтыми кружками, изображающими солнце.

Особенно красивы селенія старовѣровъ и сектантовъ. Это—самый зажиточный и рабочій народъ въ Сибири; у нихъ чисто и уютно не только въ избахъ, но и снаружи, на дворѣ и на улицахъ; живопись и деревянная рѣзба непременно и внутри, и на ставняхъ, на дверяхъ, на крышахъ.

Теперь лѣсу становится все меньше и меньше; скоро сибирскія деревни земледѣльской полосы перестанутъ поражать обширностью своихъ построекъ.

Людскія селенія росли по берегамъ рѣкъ и озеръ. И теперь къ сѣверу и востоку по теченію рѣкъ постоянно строятся новыя пріѣзжими переселенцами. Но деревни новоселовъ гораздо

Усадыба сектанта средней зажиточности.

малочисленнѣе и бѣднѣе, снаружи походя на тѣ мѣста, откуда выбрались переселенцы. Изъ Западнаго края, Прибалтійскаго и Малороссіи крестьяне ставятъ деревни чище, удобнѣе; наши коренные русскіе приносятъ съ собою изъ дому прежнюю грязь и темноту, съ которой они уже тѣсно сжились на родинѣ.

Сибиряки—народъ темный и необразованный. Школъ и училищъ у нихъ еще меньше, чѣмъ у

русскихъ крестьянъ. Въ земледѣльческой полосѣ народное образованіе поставлено лучше, чѣмъ въ другихъ частяхъ Западной Сибири, но и здѣсь большинство школъ находится въ духовномъ вѣдомствѣ; эти школы страдаютъ отсутствіемъ денегъ, недостаткомъ книгъ и другихъ учебныхъ пособій; многія училища даже и существуютъ только на бумагѣ, а церковное начальство ихъ не думало открывать; къ этимъ школамъ вообще относятся невнимательно и небрежно, нанимая, напр., учителей изъ отставныхъ солдатъ, сапожниковъ и даже изъ уголовныхъ ссыльныхъ. Для населенія не хватаетъ школъ, нѣтъ библиотекъ, читаленъ и книжныхъ складовъ; а сибиряки очень цѣнятъ образованіе и не только охотно посылаютъ своихъ дѣтей въ существующія школы, но и сами широко жертвуютъ на нихъ деньги. Напримѣръ, Томскій университетъ основанъ на деньги, наполовину пожертвованныя населеніемъ. Нѣкоторыя благотворительныя общества открывали для народа библиотеки, но начальство всѣми силами старалось препятствовать ихъ благому намѣренію; многимъ лицамъ оно прямо запрещало браться за это дѣло и повсюду не допускало въ библиотеки самыя лучшія и полезныя народу книги; всѣмъ политическимъ ссыльнымъ, среди которыхъ было очень много учителей и учительницъ, совершенно воспрещалось браться за народное образованіе. Если бы въ Сибири было земство и само населеніе имѣло бы право заботиться о народной грамотѣ, то школьное дѣло пошло бы на ладъ. Въ Россіи, несмотря на помѣхи со стороны правительства, земство сумѣло открыть массу школъ. Въ сибирскихъ городахъ образованіе лучше, чѣмъ въ деревняхъ.

Въ прежнее время, когда земли у сибиряковъ было вдоволь и жить было легче, невѣжество не очень вредило крестьянамъ; а теперь, когда имъ приходится всѣми силами изворачиваться при неурожаяхъ, земельномъ утѣсненіи и проч., отсутствіе знанія и просвѣщенія является для сибиряковъ большою бѣдою.

Отсутствіе земскаго самоуправленія отозвалось и на врачебномъ дѣлѣ. Больницъ и докторовъ такъ мало, что населенію совершенно не хватаетъ, и оно попрежнему, какъ въ старину, подчасъ обращается къ знахарямъ и знахаркамъ и даже къ помощи языческихъ, инородческихъ колдуновъ-шамановъ. Болѣзней же всевозможныхъ среди сибиряковъ очень много, хотя вообще климатъ земледѣльческой полосы довольно здоровъ, но рѣзкія перемѣны отъ тепла къ холоду, которыя вредно вліяютъ на человѣческое здоровье, и въ особенноти неряшливо и неумѣло устроенная жизнь и отсутствіе докторской помощи, вызываютъ заразныя заболѣванія дифтеритомъ, корью, тифомъ, скарлатиной. Переселенцы и пересыльныя тюрьмы распространяютъ ихъ по всему краю. Около тѣхъ мѣстъ, гдѣ скопляются солдаты, свирѣпствуетъ сифилисъ,—онъ и вообще пошелъ теперь по всей Сибири.

Крестьяне жарко натапливаютъ свои избы и разгоряченные выходятъ на морозъ; кромѣ того, окна никогда, даже лѣтомъ, не открываются и въ комнатахъ стоитъ постоянно спертый воздухъ. Рабочіе на заводахъ и въ мастерскихъ живутъ въ условіяхъ особенно вредныхъ: они спятъ часто тамъ же, гдѣ и работаютъ; всѣ остатки и отбросы выбрасываются и гниютъ гдѣ-нибудь подъ бокомъ, отравляя и безъ того испорченный

дыханіемъ воздухъ. Не удивительно, что отъ этихъ причинъ происходятъ постоянныя простуды и тяжелыя болѣзни; смертность среди сибиряковъ гораздо больше, чѣмъ среди русскихъ. Особенно много мретъ народу въ сибирскихъ городахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣло дошло до того, что рождается дѣтей меньше, чѣмъ жителей умираетъ; и если бы не постоянный притокъ переселенцевъ, то населеніе такихъ городовъ вырождалось бы и вымирало.

Среди населенія земледѣльческой полосы больше всего русскихъ—2.000.000, которые раздѣляются на коренныхъ сибиряковъ—старожиловъ и пріѣзжихъ—новоселовъ. Старожилы образовались изъ потомковъ казаковъ, первыхъ звѣропромышленниковъ - переселенцевъ, бѣглыхъ крестьянъ и сектантовъ, давно поселившихся въ Сибири,— словомъ, старожилы представляютъ изъ себя наслѣдниковъ старинныхъ завоевателей, покорителей и заселителей Сибири. Все это были люди очень разнообразныя, поселившіеся въ различныхъ уголкахъ страны, занимающіеся иногда различнымъ дѣломъ; все - таки чрезъ нѣсколько сотъ лѣтъ изъ нихъ выработался народъ, схожій между собою и отличный отъ тѣхъ русскихъ, изъ которыхъ они сами когда-то вышли.

Сталкиваясь постоянно съ инородцами, сибиряки постепенно измѣнили свой языкъ, коверкая произношеніе и вставляя новыя слова. Въ разговоръ старожила входятъ не меньше 3.000 заимствованныхъ отъ инородцевъ или вновь составленныхъ словъ. Въстѣ съ языкомъ сибиряки отчасти измѣнили свой видъ; къ ихъ русской крови примѣшалось не мало инородческой; это уже не наши голубоглазые блондины, а люди

смуглая, съ темными волосами и карими глазами; попадаются широкия скулы и узкіе глаза; растительности мало. Сибирячки не отличаются красотою.

Сибирякамъ изстари приходилось бороться то съ природой, то съ инородцами, устраиваться на новыхъ мѣстахъ, заводить новое хозяйство; поэтому у нихъ сложился крѣпкій, энергичный и предприимчивый характеръ. На югѣ земледѣльческой полосы, гдѣ въ распоряженіи челоуѣка много земельныхъ угодій, сибиряки отличаются нѣкоторой безопасностью; отъ большихъ неудачъ у нихъ опускаются руки, и послѣ небольшой борьбы, если земля имъ не поддается, и старые урожаи не возвращаются, сибиряки бросаютъ старыя мѣста, уходя искать новаго счастья; но это качество временное, и по мѣрѣ того, какъ земля истощается, ее остается все меньше, а хозяйство приходится вести осторожнѣе — и крестьяне теряютъ прежнюю безопасность. Любовь къ труду у сибиряка проявляется во всемъ.

Если ему удастся научиться читать и писать, онъ всю жизнь интересуется книгами. Среди старожилловъ бывали удивительно способные самородки.

Такой же энергіей и трудолюбіемъ отличаются сибирскія женщины; въ семьѣ онѣ совершенно самостоятельны: съ мужьями держатъ себя гордо и не позволяютъ собою помыкать. Къ достоинствамъ сибирячки необходимо добавить смѣтливость и чистоплотность.

Старожилы не знали крѣпостного права, угнетавшаго на Руси нашихъ дѣдовъ, убивавшаго въ нихъ гордость и челоуѣческое достоинство. Благодаря такимъ счастливымъ обстоятельствамъ

сибирякъ не такъ забить и униженъ, какъ напгъ россійскій мужикъ. Онъ не привыкъ ломать шапку предъ бариномъ, гордъ и чувствуетъ себя такимъ же человѣкомъ, Божиимъ созданиемъ, какъ и всякій другой.

Зато сибирякамъ пришлось имѣть дѣло съ мѣстнымъ начальствомъ и чиновничествомъ, которое имѣло еще больше власти, чѣмъ у насъ на родинѣ, и какъ мы видѣли выше, всячески насильничало надъ сибирскимъ населениемъ, отданнымъ въ его полную, безконтрольную власть.

Нравы сибирскіе подъ вліяніемъ административнаго произвола ожесточались, но велика и обширна Сибирь и не могло начальство вплотную подойти къ населенію; это спасло сибиряковъ отъ окончательной порчи.

Коренные жители научились тонко хитрить, стали очень осторожны и, какъ говорится, „себѣ на умѣ“.

Къ религіознымъ обрядамъ сибиряки равнодушны. Роскошно украшенныя церкви встрѣчаются очень рѣдко. И тутъ сказалось отсутствіе помѣщиковъ, подъ вліяніемъ, а иногда и на средства которыхъ строились въ русскихъ деревняхъ богатые храмы.

Въ Сибири много раскольниковъ, сектантовъ и вообще свободныхъ толкователей священнаго писанія. Отношенія между различными религіозными теченіями терпимыя, мирныя. Даже къ язычникамъ сибиряки относятся хорошо, за разновѣріе ихъ не гонятъ и не презираютъ.

Вмѣстѣ съ трудолюбіемъ, чувствомъ собственнаго достоинства и религіозной терпимостью сибиряки отличаются подвижностью и веселымъ

правомъ. Шутки, пѣсни, хороводы, лихое катанье зимой на хорошихъ жеребцахъ,— все это мило сердцу сибирской деревни.

Послѣдняя черта въ характерѣ старожила, есть прямое слѣдствіе его довольнаго, сытаго существованія. Печать довольства и достатка лежитъ на всемъ распорядкѣ его жизни и быта.

Старожилы одѣваются всегда очень заботливо и подсмѣиваются надъ неаккуратностью русскихъ крестьянъ, называя ихъ „неумытыми“ и „необразованными“. Раньше въ сибирскихъ деревняхъ одежда была крестьянская, но теперь пошла въ ходъ городского матеріала и покроя. Особенно любятъ пофрантить въ городскихъ юбкахъ и кофтахъ крестьянки. Сибиряки лаптей совсѣмъ не знаютъ и лѣтомъ ходятъ въ сапогахъ; на зиму замѣняютъ ихъ „броднями“—высокими кожаными сапогами съ мягкой подошвой и съ завязками подъ колѣнками; одѣваютъ и „пимы“— черные или бѣлые узорчатые валенки.

Коренной сибирякъ любитъ хорошо поѣсть, а сибирячка умѣетъ вкусно готовить; еще совсѣмъ недавно горячая пища бывала два раза въ день.

Обыкновенно зажиточные сибиряки ѣдятъ пшеничный хлѣбъ, картофель, молоко, яйца, масло, мясо и рыбу; каждая достаточная семья мясо употребляетъ непремѣнно ежедневно. Блюда приготавливаются жирныя. Особенно вкусенъ бѣлый хлѣбъ, который пекутъ, обмазавъ густой сметаной. Нѣкоторыя кушанья сибиряковъ даже извѣстны въ Россіи. Чаю выпиваютъ очень много; сибирякъ непремѣнно побалуется чайкомъ нѣсколько разъ въ день, при чемъ любитъ пить кирпичный, плиточный чай безъ сахару; въ каждой избѣ держать самоваръ.

Но теперь благосостояніе сибирскихъ крестьянъ падаетъ: населеніе питается не попрежнему сытно; выводится мясо, и каждый работникъ его уже не съѣдаетъ ежедневно по фунту; молоко уходитъ на маслобойни; отъ неурожаевъ хлѣба стало меньше. Но все-таки сибиряки и живутъ и выглядятъ гораздо довольнѣе русскихъ крестьянъ.

Земледѣльческая полоса въ послѣднее время стала сильно поддаваться вліянію Европейской Россіи. Населеніе земледѣльской полосы увеличивается отчасти отъ переселенія, и новые люди, принося съ собою свои порядки и обычаи, затираютъ коренныхъ жителей. Ихъ воздѣйствія сильнѣе всего сказываются въ городахъ. Въ деревняхъ же переселенцы скорѣе сами поддаются мѣстнымъ сибирскимъ вліяніямъ. Но и тамъ новоселы долгое время сохраняютъ свой характеръ, особенно вышедшіе изъ Западнаго или Прибалтійскаго края; поэтому въ земледѣльской полосѣ встрѣчаются селенія, совершенно различныя между собою.

Хуже всѣхъ живется ссыльнымъ, которыхъ тамъ очень много. Городъ Курганъ, на примѣръ, наполовину состоитъ изъ ссыльныхъ, ихъ потомковъ и семей. Въ Тобольской губерніи еще недавно на каждые 12 человѣкъ поселенія приходился одинъ ссыльный. За 45 лѣтъ, съ 1854 г. по 1899 г., по самому малому подсчету, сослано полтора милліона человѣкъ, а на самомъ дѣлѣ гораздо больше.

Ссыльныхъ приписываютъ къ крестьянскимъ или мѣщанскимъ обществамъ, но не даютъ имъ никакихъ пособій на обзаведеніе самымъ необходимымъ для крестьянскаго хозяйства или для ремесла.

Большинство изъ нихъ, въ чужой сторонѣ съ суровымъ климатомъ, безъ привычки къ земледѣльческому труду и безъ всякой помощи, не можетъ выжить въ мѣстахъ приписки и сбѣгаетъ, тѣмъ болѣе, что тамъ само населеніе относится къ приписаннымъ очень недружелюбно. Живется настолько тяжело, что они бросаютъ осѣдлую жизнь и предпочитаютъ испытывать всѣ лишения скитаній. Бездомные, голодные, холодные слоняются они изъ конца въ конецъ по сибирскимъ поселкамъ съ тощей котомкой за плечами и жестянкой вмѣсто чайника; въ стужу и мятель они набиваютъ себѣ рубаху колосьями и соломой; это, конечно, не спасаетъ несчастныхъ, и они мерзнутъ гдѣ попало. И все-таки смерть имъ краше жизни на мѣстахъ ссылки. Такихъ бродягъ въ Сибири зовутъ „бродячей поселгой“; изъ жалости къ нимъ сибиряки на ночь выставляютъ за окно хлѣбъ, молоко, яйца, чтобы прохожій могъ подкрѣпить свои силы.

Убѣгая ссыльные стараются вернуться въ Россію. Черезъ Сибирь имъ еще кое-какъ пробраться удается, но на западѣ чрезъ границу Россіи пройти очень трудно; тутъ ихъ и скопляется очень много. Безъ паспорта и пріюта, постоянно трепеща за свое существованіе, боясь попасться полиціи, они работаютъ на пристаняхъ и желѣзнодорожныхъ станціяхъ чернорабочими и грузчиками. Ссыльные вообще пополняютъ собою ряды сибирскихъ рабочихъ по фабрикамъ, заводамъ и мастерскимъ; ведутъ они беспорядочную жизнь, пропивая свой заработокъ. Полиція, зная, что пребываніе ссыльныхъ выгодно купцамъ и фабрикантамъ, смотритъ на бѣглыхъ сквозь пальцы.

Уголовные ссыльные раздѣляются на отбывающихъ ссылку, какъ первое наказаніе, и на отбывающихъ ссылку послѣ каторги и тюремнаго заключенія. Обыкновенно ссыльные второго рода — народъ испорченный.

Ссылный, вышедшій изъ тюрьмы и каторги, навсегда остается арестантомъ. Если до тюрьмы у человѣка оставалась хоть искра честности, то въ тюрьмѣ онъ проходитъ окончательную воровскую школу. За рѣшеткой лучше всего живетъ самымъ смѣлымъ и отчаяннымъ; ихъ боится, уважаетъ, имъ подражаетъ вся тюрьма; тамъ же люди учатся пить. Въ этой ужасной ямѣ водка — единственное наслажденіе. По выходѣ изъ тюрьмы имъ, какъ мы уже видѣли, устроиться невозможно; даже желаніе исправиться и зажить по-человѣчески совершенно неисполнимо. Такимъ образомъ армія голодныхъ чернорабочихъ и пьяныхъ, вороватыхъ бродягъ, по мѣстному прозвищу — „жигановъ“, растетъ непрерывно.

Поэтому воровство, убійства и особенно конокрадства по всей Сибири страшно часты. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они особенно многочисленны; напримѣръ, Тюкалинскъ — одинъ изъ самыхъ вороватыхъ городовъ; воровскіе порядки въ немъ такъ вкоренились, что полиція на жалобы пострадавшихъ отвѣчаетъ: „Что же теперь дѣлать, на то и Сибирь! Надо же ворами гдѣ-нибудь жить!“ Не даромъ о Сибири говорятъ, какъ о странѣ преступниковъ, въ которой ничто такъ дешево не цѣнится, какъ человѣческая жизнь. Есть тамъ такія мѣста, гдѣ не найдешь аршина земли, не обогреной человѣческой кровью, гдѣ нѣтъ недѣли, въ теченіе которой не было бы совершено въ округѣ менѣе двухъ убійствъ.

Сколько ихъ остается необнаруженныхъ—одному Богу извѣстно!

Присутствіе такого большого количества испорченныхъ людей дурно вліяетъ на мѣстное населеніе, особенно на молодежь; объ этомъ часто заявляли въ своихъ приговорахъ волостные сходы. Сибиряки успѣли кое-гдѣ порядочно испортиться; вдоль проѣзжихъ трактовъ и около бывшихъ каторжныхъ заводовъ коренное населеніе отличается мошенническими наклонностями; есть цѣлыя села, занимающіяся воровствомъ, конокрадствомъ, срѣзаніемъ чайныхъ грузовъ и такъ далѣе.

Только недавно была отмѣнена ссылка по суду, но административная, т.-е. безъ суда, по одному распоряженію начальства, осталась и до сихъ поръ.

Положеніе политическихъ ссыльныхъ не менѣе тяжело, чѣмъ участь уголовныхъ. Уже съ самаго начала имъ приходится гораздо хуже, потому что въ Сибирь, главнымъ образомъ, они попадаютъ не по суду, а по административному произволу.

Множество этихъ ссыльныхъ отправляло правительство въ Западную и Восточную Сибирь, а въ послѣдніе годы по 10.000 человѣкъ политическихъ съ женами и дѣтьми ежегодно переѣзжало уральскую границу.

Тутъ были рабочіе, крестьяне, студенты, учителя, доктора, мѣщане, даже священники,—словомъ, всѣ, кто только рѣшался поднять свой голосъ противъ тяжелыхъ русскихъ порядковъ и чиновничьяго насилія. Всѣ они терпятъ въ Сибири большую нужду. Большинство не умѣетъ заниматься ручнымъ трудомъ и земледѣліемъ, а всякіе другіе заработки имъ запрещаются.

Для сибиряковъ ихъ ссылка не была ни тягостна ни непріятна; напротивъ, политическіе были первыми учителями грамоты въ далекихъ, дикихъ и темныхъ окраинахъ; часто случалось, что политическіе были единственными людьми, которые могли помочь населенію въ его болѣзняхъ и разсѣять тьму невѣжества крестьянскаго. Напримѣръ, сосланные въ 1863 году поляки устраивали въ городахъ и деревняхъ промышленныя и торговыя заведенія; въ Тобольскѣ они открыли прачечную, столярную и слесарную мастерскую, котельный заводъ, булочную, столовую для больныхъ и престарѣлыхъ и т. д. Они же первые научили добывать масло изъ кедровыхъ орѣховъ и въ сѣверныхъ уголкахъ сумѣли разводить пчель. Политическіе участвуютъ въ газетахъ и журналахъ, изучаютъ бытъ инородцевъ, описываютъ сибирское хозяйство, знакомя Россію съ нашей далекой колоніей; они служатъ въ городскомъ управленіи и даже на государственной службѣ. Политическіе ссыльные приносили бы Сибири еще больше пользы, если бы правительство и мѣстныя власти имъ всячески не старались мѣшать.

Среди ссыльныхъ лучше всѣхъ основались старообрядцы и сектанты, сосланные въ Сибирь цѣлыми обществами. Они сумѣли зажиточно устроиться, сохранить свои нравы и свой видъ неприкосновенными; въ жилахъ старообрядцевъ нѣтъ ни капли инородческой крови. Они выдѣляются среди сибиряковъ своей красивой, стройной фигурой; женщины миловидны и статны. Старообрядцы носятъ свои прежніе костюмы, помнятъ свои старинныя пѣсни и сохранили древнюю простоту въ обращеніи и обычаяхъ. Это—

народъ степенный, трудолюбивый, трезвый и вообще зажиточный.

Изъ инородцевъ больше всего живетъ въ земледѣльческой полосѣ татаръ—75.000. Поселились они около русскихъ деревень и городовъ и гдѣ осѣли на землю, гдѣ еще кочуютъ по степи. Но вообще они забываютъ теперь свою прежнюю, привольную, кочевую и воинственную жизнь, строятъ деревни, занимаются торговлей, земледѣліемъ и извозомъ.

Въ предѣлахъ Тобольской губерніи до сихъ поръ живутъ потомки выходцевъ изъ бухарскаго ханства. Они были первыми проводниками среди сибирскаго населенія мусульманскихъ правовъ и религіи.

Татары въ древности были посредниками между сибирскимъ населеніемъ и между народами, жившими въ Средней Азіи. Чрезъ татаръ оттуда въ Сибирь проникла магометанская религія, обычаи и грамота; вся торговля съ Средней Азіей была въ ихъ рукахъ; многіе изъ сибирскихъ инородцевъ такъ поддались татарскому вліянію, что перемѣнили идолопоклонство на магометанство и до того отатарились, что ихъ иначе, какъ за настоящихъ татаръ, и не считаютъ.

Въ старину татары, проникнувъ въ Сибирь съ юга, оттѣснили коренныхъ инородцевъ на сѣверъ.

Вотъ уже лѣтъ сто, какъ часть татаръ, живущая въ Тобольской губерніи, осѣла по деревнямъ и занялась, главнымъ образомъ, земледѣліемъ. Новая жизнь имъ плохо удается. Ихъ семьи малочисленны, бѣдны, неопрятны; хозяйство совсѣмъ скверное и терпитъ постоянный недостатокъ; даже и это скудное имущество по-

стоянно разоряется. Свои обычаи и нравы они забываютъ, перенимая у сибиряковъ очень многое.

Иначе устроились татары Барабинскіе, т.-е. живущіе въ Томской губерніи, въ степяхъ Барабы. Здѣсь они кочевники и скотоводы, единственный народъ земледѣльческой области, занимающійся только скотоводствомъ и притомъ въ большихъ размѣрахъ.

Кочевники сохраняютъ свои прежніе обычаи и нравы гораздо успѣшнѣе, чѣмъ ихъ осѣдлые соплеменники, но все-таки выживать рядомъ съ русскими сосѣдями имъ очень трудно. Переселенцы постепенно занимаютъ въ Барабинской степи татарскія земли и непрерывно оттѣсняютъ кочевниковъ на сѣверъ, въ мѣста неудобныя и пустынные. Татарское населеніе становится тамъ съ каждымъ годомъ меньше.

Татары вымираютъ, и кочевые и осѣдлые. У сибирскихъ татаръ не такія рѣзкія черты лица, какъ у татаръ европейскихъ, напримѣръ, казанскихъ; особенно сильно измѣнились по наружности западные, осѣдлые татары. Вообще всѣ они не выдѣляются такъ замѣтно среди мѣстнаго населенія, какъ, напримѣръ, въ восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи. Среди городскихъ жителей Сибири пріѣзжіе казанскіе татары гораздо скорѣе обращаютъ на себя вниманіе.

Осѣдлые татары смуглы, сухощавы, обладаютъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ; у нихъ черные волосы и почти черные, продолговатые глаза. На кругломъ лицѣ замѣтно выдаются толстыя губы и прямой, довольно широкій носъ. Барабинскіе татары сохранили свой монгольскій видъ гораздо больше. Они смуглѣе, скулы шире, а глаза ко-

сые и еще уже. Барабинскіе татары способнѣе осѣдлыхъ, но зато лѣнивѣ ихъ; при движеніяхъ кочевники неповоротливы и по-восточному вялы.

Всѣ татары по своей религіи магометане. Они вѣрятъ, что существуетъ одинъ истинный Богъ, Который все сотворилъ; что Онъ посылалъ на землю Своихъ пророковъ, среди которыхъ былъ и Христосъ, но что главный, первый изъ нихъ— это Магометъ. Загробная жизнь имъ рисуется въ самыхъ привлекательныхъ, земныхъ краскахъ. До принятія магометанства татары знали русскихъ очень долго, но христіанство къ нимъ совсѣмъ не пристало; до сихъ поръ православные миссіонеры стараются о распространеніи среди татаръ православной вѣры, но изъ этихъ стараній ровно ничего не выходитъ; магометане крестятся такъ неохотно, что проповѣдь и обращеніе въ православіе надо считать совсѣмъ неудавшимся.

Татары живутъ въ своихъ деревняхъ отдѣльно отъ русскихъ; ихъ поселки называются аулами, а переносныя хижины кочевниковъ — юртами. Избы татаръ некрасивы и тѣсны. Вдоль передней стѣны, предъ входомъ, стоятъ „нары“ или широкій, въ человѣческой ростъ помостъ; онъ возвышается отъ земли на четыре-шесть вершковъ, устланъ рогожами и войлокомъ, а иногда тюфяками и перинами; на нарахъ татаринъ проводитъ всю свою домашнюю жизнь: они ему служатъ и столомъ, и стуломъ, и кроватью ночью. Съ боку отъ наръ, у стѣны, на кирпичахъ устраивается камелекъ для приготовленія пищи, такъ называемый, „чуволь“; отъ него идетъ кирпичная труба, чуволь постоянно дымить и мало грѣетъ, хотя

и поглощаетъ много дровъ. Татары такъ привыкли къ своему чуволу, видятъ въ немъ столько уютности, что ни за что не хотятъ промѣнять его на русскую печь. Хлѣбъ пекутъ татары въ совсѣмъ отдѣльной печкѣ, которая стоитъ на дворѣ.

Хотя татары лѣнны и неряшливы, зато очень честны. Убійства, кражи и мошенничества среди нихъ случаются очень рѣдко; ихъ религіозный законъ запрещаетъ пить вино, а нѣтъ пьянства,— и порядка и честности у людей сохраняется гораздо больше. Между собою татары живутъ очень дружно, въ тяжелую минуту поддерживаютъ и заботятся другъ о другѣ; богатый всегда приходитъ на помощь своимъ пострадавшимъ соплеменникамъ: сгорѣвшіе, напримѣръ, аулы, почти всегда вновь обстраиваются татарскими богачами, отдающими свои средства безвозвратно.

Кромѣ татаръ, въ земледѣльческой полосѣ живутъ и другіе инородцы, по ихъ пребываніе здѣсь обыкновенно случайно. Вогулы, остяки, самоѣды и зыряне,—все это обитатели сѣверныхъ частей Западной Сибири.

Изъ Россіи пріѣхало въ земледѣльческую полосу много евреевъ. Они устраиваются въ городахъ и на желѣзнодорожныхъ станціяхъ, живя торговлей и ремеслами. Здѣсь евреи гораздо сильнѣе сливаются съ населеніемъ; ихъ обособленность отъ русскихъ не такъ рѣзко замѣтна, какъ въ Россіи; вѣроятно, это происходитъ отъ того, что въ Сибири на нихъ не открываютъ гоненій и притѣсненій, заставляющихъ евреевъ въ Россіи нынѣ сплотиться и обособиться.

Въ Западной Сибири много поляковъ, сыновей и внуковъ тѣхъ ссыльныхъ, которые въ 1831 и

1863 г. тысячами отрывались отъ родныхъ сельъ и городовъ и навсегда забрасывались въ чужую Сибирь; въ одномъ 1863 г. 18.000 поляковъ было сослано изъ Варшавы и другихъ мѣстъ. Многіе изъ сосланныхъ въ 60-хъ годахъ живы до сихъ поръ.

Кромѣ поляковъ, въ Тобольской губерніи живутъ еще потомки плѣнныхъ шведовъ, отправленныхъ сюда Петромъ Первымъ. Среди переселенцевъ земледѣльской полосы попадаютъ эсты, латыши, бѣлоруссы, финны, армяне, мордва и другіе инородцы со всѣхъ концовъ необъятной матушки-Руси. Меньше всего нѣмцевъ.

Въ послѣдніе годы потянулись въ Западную Сибирь иностранцы; они устраиваются въ ней временно, внимательно изучая ея порядки и хозяйство. Открывъ тутъ торговлю земледѣльческими машинами, скупая у сибиряковъ и увозя за границу хлѣбъ, масло, кожи и мѣха, англійскіе, американскіе, французскіе и другіе купцы уже теперъ извлекаютъ изъ Сибири немалые доходы.

ЛѢСНАЯ ПОЛОСА.

1) Урманы, тайга, болота, климатъ, почва и земледѣліе.

Если отъ земледѣльческой полосы ѣхать къ сѣверу по широкимъ водамъ Иртыша или Оби, то переменна кругомъ становится все замѣтнѣе. Учащаются степные перелѣски; къ березѣ и осинѣ примѣшивается ель и кедръ, и, наконецъ, на береговыхъ возвышенностяхъ стоятъ уже хвойныя заросли, а на горизонтѣ тянутся безконечныя лѣса. Это началась уже новая сибирская полоса, область высокоствольнаго лѣса. Идетъ она приблизительно отъ 58° до 64° сѣверной широты — слишкомъ на 600 верстъ, гдѣ деревья начинаютъ мельчать, приобрѣтать худосочный видъ съ тонкими, точно больными, стволами.

Лѣсная область захватываетъ среднюю часть Тобольской губерніи ¹⁾ и весь обширный сѣверъ Томской, носящій названіе — Нарымскій край, что на мѣстномъ языкѣ значитъ „болотный край“. Ея огромныя пространства напоминаютъ собою нѣкоторыя мѣста Вологодской и Архангельской губерніи, но они еще пустыннѣе и холоднѣе.

¹⁾ Сѣверныя части округовъ Туринскаго, Тобольскаго и Тарскаго и южная округовъ Сургутскаго и Березовскаго.

Видъ тайги.

Здѣсь уже нѣтъ желѣзной дороги; только внизъ и вверхъ по рѣкамъ изрѣдка бѣгаютъ пароходики, таща за собою караваны барокъ и баржъ.

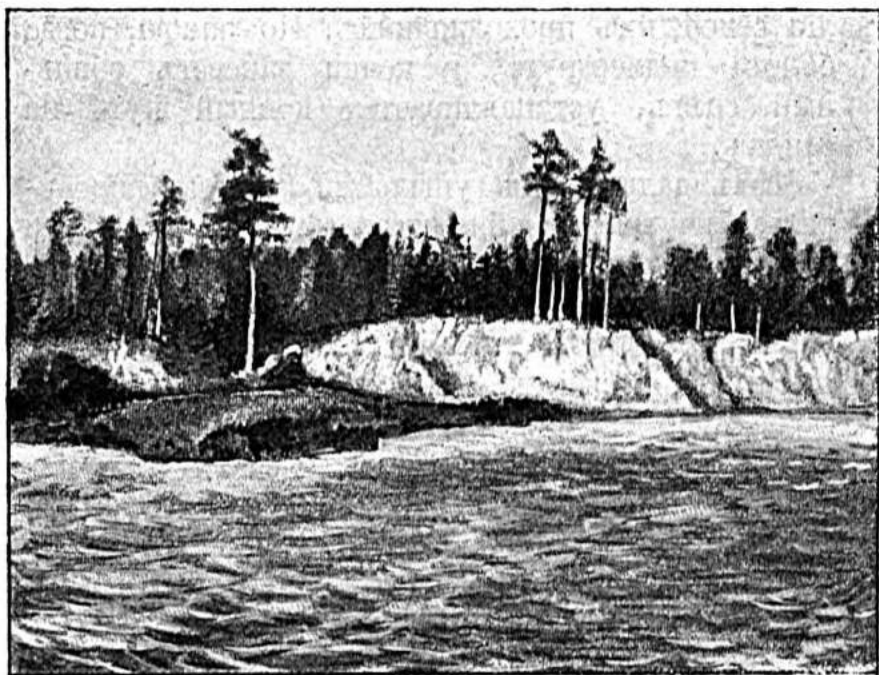
Унылы берега сибирской красавицы Оби и ея притоковъ. На сотни верстъ одна картина: плоскій лѣвый берегъ и высокій, точно срубанный ножомъ, постоянно подмываемый водою правый. Все сѣро вокругъ. Сѣрыя безпредѣльные воды рѣки, точно море, сливаюціяся иногда на горизонтъ съ небомъ; сѣрая даль, съ подернутыми дымкой лѣсами; сѣрыя хвойныя рощи, торчація точно часовые по краямъ береговъ; сѣрыя поляны и болота между ними, а надо всеѣмъ широкій небесный покровъ, такой же мутный и сѣрый... Даже люди, живущіе въ этихъ краяхъ, остяки, вѣчно ныряющіе по рѣкамъ въ своихъ убогихъ челнокахъ, и они мелкіе, молчаливые и блѣдные.

Не разнообразятъ рѣку и ея рѣдкіе, низкіе острова, поросшіе осокорью, мхомъ и красными, какъ сургучъ, прутьями прибрежныхъ кустарниковъ.

Взоръ отдыхаетъ только на холмахъ, лежащихъ вдоль береговъ; на нихъ мостятся рощи и лѣсочки, къ нимъ жмутся дровяные склады и бѣдныя лачуги рѣдкихъ деревушекъ, мало чѣмъ отличающихся отъ нашихъ сѣверно-русскихъ. Жилища инородцевъ еще ничтожниѣе и непригляднѣе.

Скучно и утомительно ѣздить по сибирскимъ рѣкамъ; пароходы ходятъ неправильно, останавливаются и отходятъ безъ распisanія и страшно опаздываютъ. Тамъ, гдѣ пароходы не ходятъ, путешествуютъ на лодкахъ и челнокахъ, пере-

таскивая ихъ съ рѣчки на озеро, съ озера на рѣчку. Въ старину казаки, таща по волокамъ свои лодки-срубы, прошли всю Западную Сибирь на востокъ и сѣверъ. Хоть и скученъ, медлененъ водный путь, но имъ только и возможно тутъ передвигаться.

Красный яръ на р. Кондѣ.

А если сойти на берегъ и пуститься чрезъ лѣса и болота, то отыщутся лишь рѣдкія, узкія тропки, доступныя пѣшеходамъ или верховымъ лошадямъ. Удобныхъ проѣздныхъ дорогъ нѣтъ въ этихъ сырыхъ, далекихъ мѣстахъ. Тѣ, кому приходилось ѣздить верхомъ по дебрямъ лѣсной полосы, рассказываютъ, какое это ужасное мученіе; сѣдла деревянные, лошади тряскія, ни посто-

ялыхъ дворовъ, ни удобныхъ почлеговъ; тропинки завалены пнями и стволами бурелома; чрезъ рѣчки переброшены шаткіе мосточки, доски которыхъ вотъ - вотъ хотятъ подъ копытами обвалиться въ воду. Эти лѣсныя дорожки—гати—прокладываютъ мѣстные жители, живущіе въ сосѣднихъ заимкахъ; гати называются по фамиліи семей, ихъ проложившихъ. Но зимою, когда болота подмерзнуть, а кочки занесетъ обильный снѣгъ, устанавливается конный путь на саняхъ.

Чѣмъ дальше отъ унылыхъ береговъ пробираться внутрь лѣсной полосы, тѣмъ интереснѣе и разнообразнѣе картины окружаютъ путешественника; начинаются знаменитые, болотистые урманы и сибирская тайга. Урманъ на татарскомъ языкѣ значитъ красный, хвойный лѣсъ. Тайга и урманы заросли по западно - сибирской равнинѣ попережку съ озерами, болотами, песками и прогалинами; они представляютъ изъ себя непролазныя чащи, гдѣ сучья кустарниковъ сплелись между собою плотной стѣной, а вершины деревьевъ смѣшались въ красивый шатеръ; тамъ невидна земли, засыпанной сплошь гнилымъ валежникомъ; тамъ топоръ еще не трогалъ могучихъ столѣтнихъ елей, заросшихъ мохомъ, точно бородой.

Урманы стоятъ неподвижно и безмолвно: точно все вымерло въ ихъ таинственной глубинѣ; птичьи голоса замолкаютъ въ ихъ чащѣ. Рѣдко рывкнетъ медвѣдь — единственный господинъ сибирскаго лѣснаго царства; еще рѣже застучитъ о вѣтки своими длинными рогами дикий олень, продираясь сквозь заросли; среди безмолвной тишины далеко слышно, какъ щелкаетъ свои орѣхи

шустрая бѣлка, и какъ подѣ ея острыми когтями потрескиваютъ сухія вѣтки. Мало замѣтны въ этихъ необъятныхъ лѣсахъ птицы и звѣри.

Сибирскія заросли не похожи на наши русскіе живые лѣса; непривычному человѣку въ урманѣ становится жутко. А въ бурю онъ совсѣмъ страшенъ; вѣтеръ реветъ; деревья гнутся, стонуть,

Заломъ на р. Ломовой.

точно жалуются и проклинаятъ; столѣтніе стволы трещать, валясь на землю. Отъ бурь, ломающихъ деревья, дебри съ каждымъ годомъ становятся все менѣе и менѣе доступны для человѣка и большихъ животныхъ. У сибиряковъ сложилась даже такая поговорка: „Кто въ урманахъ не бываль, тотъ страху не видалъ“.

Урманы отличаются тѣмъ, что въ нихъ встрѣчаются цѣлыя рощи изъ кедра — этого самаго красиваго дерева Сибири. Кедръ огроменъ и могучъ, какъ нашъ русскій дубъ, а на его вершину одѣта раскидистая шапка темнозеленой хвои. Спокоенъ и величествененъ кедровикъ; его шумящія въ высотѣ вѣтви куполомъ покрываютъ человѣка и настраиваютъ на религіозныя размышленія.

Около гордыхъ кедровъ не выживаютъ другія деревья; сильный стволъ кедра убиваетъ и глушитъ сосѣдей, одинъ забирая себѣ и влагу воздуха, и соки земли, и свѣтъ солнца. Чѣмъ дальше къ востоку тѣмъ гуще лѣса, тѣмъ могучѣе стволы деревьевъ, а на границѣ съ Енисейской губерніи идетъ уже настоящая сибирская тайга. Но къ востоку отъ рѣки Енисея лѣсъ снова начинаетъ мельчать и проигрывать въ качествѣ.

Почти всѣ лѣса Западной Сибири принадлежатъ казнѣ: она обладаетъ 110.000.000 десятинъ урмановъ и тайги. Ихъ огромныя пространства, главнымъ образомъ, предоставлены дикой воли бурь и урагановъ. Тамъ много мѣстъ, куда не только русскій человѣкъ, но даже отважный обитатель урмановъ—инородецъ еще не рѣшался проникнуть.

Медленно пробирается къ сѣверу переселенецъ, выгнанный земельнымъ утѣсненіемъ изъ сосѣдней земледѣльческой полосы или изъ Россіи. Онъ неутомимо борется съ природой, вырубаетъ лѣсъ, осушаетъ болото и основываетъ заимку. Но и переселенцу болота и холодъ ставятъ преграду и не пускаютъ глубоко на сѣверъ.

Куда смогъ обратиться русскій человѣкъ и началъ постукивать топоришкомъ, тамъ скоро

Привалъ въ лѣсу.

начинаютъ таять лѣса. Но ни отъ одной человѣческой руки переводятся сокровища лѣсной полосы; загниваютъ стволы деревьевъ отъ слишкомъ обильной влаги; опустошаетъ урманъ червь-шелкопрядъ: съ совѣмъ голыми деревьями безъ листьевъ и хвои, черные, точно скелеты, покрытые прахомъ вѣковъ, стоятъ мертвые лѣса на тысячи десятинъ, объѣденные червями. Но еще болѣе ужасный бичъ тайги и урмана—лѣсные пожары; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ они свирѣпствовали особенно сильно, отъ лѣсовъ сохранились только жалкіе остатки. Бывали пожары, продолжавшіеся по нѣскольку лѣтъ подъ рядъ; огонь ходилъ въ ширину нѣсколькихъ верстъ, перебираясь чрезъ широкія рѣки, точно чрезъ ручейки, и не потушалъ ни весной отъ талаго снѣга ни осенью отъ дождей; пламя тлѣло въ корняхъ и въ торфѣ и едва кругомъ становилось суше, оно съ новой силой вырывалось наружу; пожаръ отлично справляется съ лѣсной чащей, кося деревья точно траву или обжигая вѣтви, хвою и кору, губя сосны и кедры уже навсегда; за тысячу верстъ до людей доносится запахъ гари и дыма, а ночами широко краснѣетъ отъ зарева горизонтъ. Въ ужасѣ бѣгутъ отъ огня и звѣри и люди.

Пожары постоянны, но иногда они достигаютъ особенной силы, напримѣръ, страшно пострадали западно-сибирскіе лѣса въ 1900 и 1901 году. Возникаютъ лѣсные палы часто отъ неосторожности; иногда сами крестьяне, выжигая лѣсъ подъ пашню, не сумѣютъ охранить сосѣднія рощи; еще чаще заходитъ огонь съ юга со степныхъ пожаровъ. Борьба съ огнемъ нѣтъ средствъ; даже окапываніе не помогаетъ; иногда удается навстрѣчу пожару пустить поджогъ, который

уничтожаетъ пищу для подвигающагося огня и этимъ защищаетъ людей отъ гибели.

На мѣстѣ пожара, чрезъ нѣсколько лѣтъ, появляется молодая заросль, по прежней угрюмой

Кедръ.

и сѣдой тайгѣ здѣсь уже человѣкъ не дастъ вырасти.

Отъ всѣхъ причинъ вмѣстѣ довольно быстро пропадаетъ лѣсъ. Его граница отступаетъ къ сѣверу. Еще недавно на востокѣ Западной Сибири,

около Томска и южнѣе его, высилась Чулымская тайга; а теперь вокругъ желѣзной дороги стоятъ какія - то жидкія, искусственно сохраняемыя рощи.

Если бы не эти причины, то лѣсъ не только бы не уничтожался, но постепенно бы распространялся къ югу. Мы уже видѣли, что по рѣчнымъ берегамъ, хорошо промытымъ отъ почвенныхъ солей, деревья уживаются и въ степной полосѣ. Эта борьба со степью идетъ по всей южной линіи лѣса. За зиму въ лѣсу залегають огромное количество снѣга, и весною всѣ эти запасы въ видѣ широкихъ потоковъ талой воды устремляются на лѣсныя опушки. Такимъ образомъ, почва прилегающихъ къ лѣсу частей степи усиленно выщелачивается, теряетъ вредныя для дерева составныя части, и молодая лѣсная заросль постепенно завоевываетъ степь, подвигаясь на нее.

Но урманы не такъ страшны своими дѣбрями, какъ обширными болотами, громадными, бездонными топями и зыбуками. Въ Западной Сибири болотъ еще больше, чѣмъ лѣсовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болота точно покрыты желто-зеленымъ покровомъ изъ толстаго пловучаго мха, носыпаннаго палой хвоей; на мху нѣтъ ни травы, ни другой растительности, лишь валяется гніющій валежникъ. Болотная почва колеблется подъ ногами человѣка, лошадь и лось проваливаются въ ней и тонуть. До сихъ поръ подъ торфомъ находятъ хорошо сохранившіеся остатки погибшихъ такимъ образомъ животныхъ. Въ этихъ болотистыхъ мѣстахъ нѣтъ ни насѣкомыхъ ни птицъ, — имъ нечѣмъ питаться въ царствѣ лѣса и мха, лишеннаго травъ. Среди безмолвія только

вѣтеръ колышетъ вершины деревьевъ и разноситъ кругомъ задумчивый, волшебный шопоть сѣдыхъ вѣтвей.

Въ сибирской тайгѣ понемногу, мѣстами, гдѣ нѣтъ стока для воды, образуются новыя болота, происходитъ такъ называемое заболачиваніе лѣса. Дождевая вода, проходя чрезъ густой слой опавшей хвои, вѣтвей и другихъ остатковъ лѣс-

З а и м к а.

ной растительности, обогащается кислотами, образующимися при гніеніи этихъ остатковъ. Проникая затѣмъ въ землю, эта подкисленная вода растворяетъ и выноситъ изъ верхняго слоя много составныхъ частей почвы. Такимъ образомъ на глубинѣ приблизительно $\frac{1}{2}$ аршина появляется сѣрый, обезцвѣченный слой земли, такъ называемый подзолъ. Ниже кислоты скрѣпляютъ, цементи-

рують подпочвенный песокъ въ твердую корку, образуя темно-бурое вещество, такъ называемый орштейнъ или рудякъ. Орштейнъ непроницаемъ для воды. Даже корни деревьевъ встрѣчаютъ въ немъ непреодолимую преграду. Вода, лишняя стока, застаивается; корни деревьевъ не могутъ уже правильно питать дерево; оно сохнетъ, такъ какъ весною, когда верхнія части дерева уже ожили и испаряютъ влагу, его корни находятся еще въ промерзшей почвѣ, валится и затягивается, въ концѣ-концовъ, мхомъ. На мѣстѣ лѣса воцаряется болото. Заболачиваніе происходитъ иногда послѣ порубки и пожара.

Особенно велики болота Васюганской низменности, которая лежитъ на сѣверѣ Томской губерніи въ Нарымскомъ краѣ, по берегамъ рѣки Васюгана, между Иртышомъ и Обью. Эта болотистая низменность тянется тысячъ на двадцать квадратныхъ верстъ. По Васюгану всюду разбросаны гривы и острова, или покрытые песками или, чаще, заросшіе рощами кедра, лиственницы и сосны. По этимъ кочковатымъ болотамъ инородцы перебираются съ помощью трехъ длинныхъ жердей: двѣ перекладываютъ съ кочки на кочку, а третьей опираются; такъ проходятъ цѣлыя версты.

Лѣтомъ Васюганъ очень красивъ; между лѣсистыхъ холмовъ и мховъ тихо дремлютъ сонныя воды: то прозрачныя какъ зеркало, отражающія въ себѣ небо и рощи, то заросшія ярко-зелеными сочными травами. Вся эта мѣстность похожа лѣтомъ на огромное зеленое, дырявое покрывало, брошенное на воду... Отсюда берутъ свое начало многія рѣчки. Постоянно стоячія болота

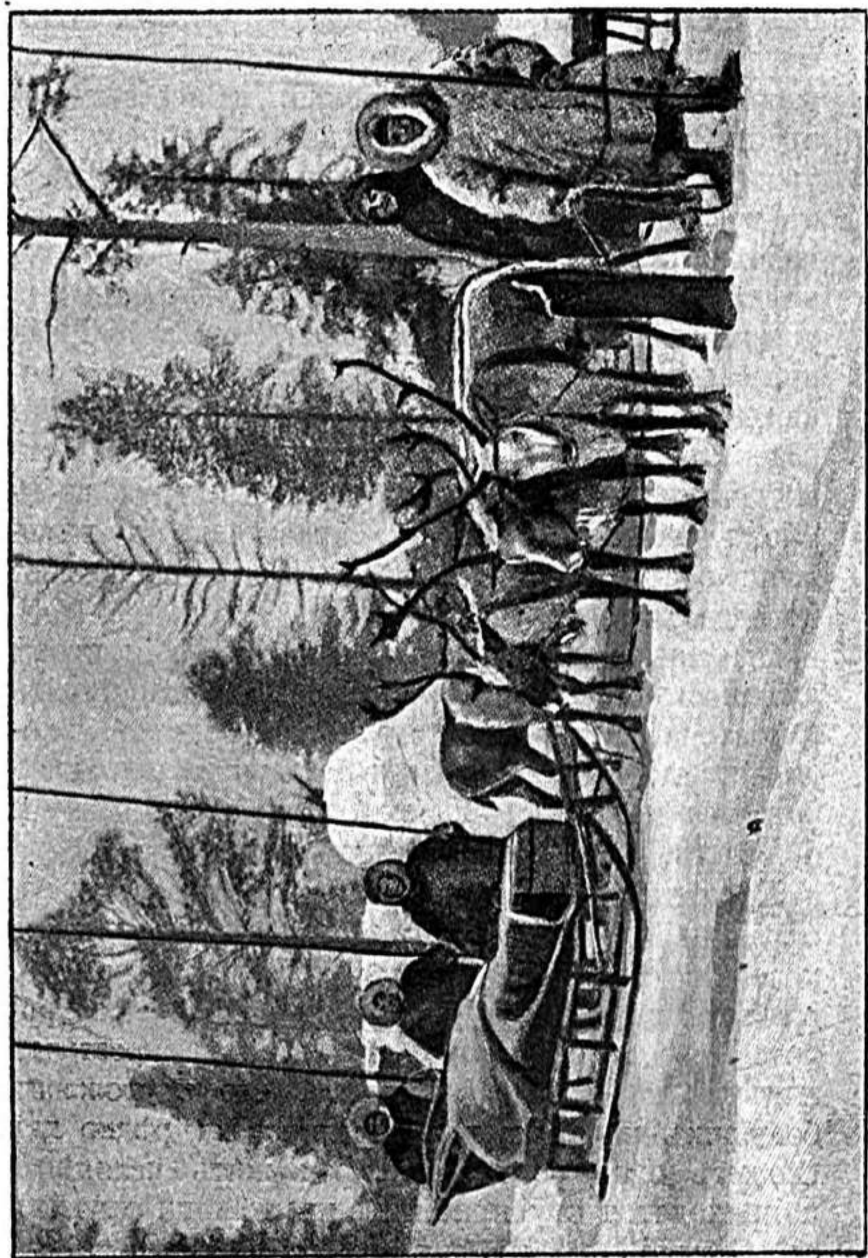
иногда загниваютъ, отравляя воду вытекающихъ рѣкъ и заражая окружающій воздухъ своими гнилыми испареніями. Въ Нарымскомъ краѣ водится масса болотной и рѣчной птицы. Весною и осенью Васюганъ всплываетъ въ водѣ, становясь недоступнымъ, походя на сплошное, волнующееся море; его такъ и называютъ мѣстные жители: „Васюганское море“; а зимой снѣгъ и морозъ открываютъ въ него свободный доступъ.

Лѣсная полоса занимаетъ гораздо болѣе холодныя мѣста Западной Сибири, чѣмъ земледѣльческая. Средняя температура зимой стоитъ -20° , а лѣтомъ достигаетъ $+14^{\circ}$; въ сосѣднихъ же русскихкихъ областяхъ зимою бываетъ въ среднемъ -14° и лѣтомъ $+16^{\circ}$. Только самые теплые мѣсяцы здѣсь теплѣе, чѣмъ въ Россіи. Температура растительнаго періода держится около $+12^{\circ}$ и ниже, т.-е. менѣе благоприятна соответствующей въ Россіи, гдѣ она превышаетъ 12° и доходитъ до 13° . Дождей и снѣговъ въ лѣсной полосѣ выпадаетъ больше, чѣмъ въ земледѣльческой. Суровость климата сильно отразилась на деревьяхъ. Мы говорили уже, что въ части земледѣльческаго района, заполненной лѣсами, замѣчалась разница между породами Сибири и сосѣдней Россіи, усиливающаяся по мѣрѣ удаленія отъ Уральскихъ горъ. Здѣсь же, на сѣверѣ, эта разница еще рѣзче. Въ лѣсной полосѣ деревья почти сплошь представляютъ изъ себя хвойныя породы: лиственницу, кедръ, сосну, ель и пихту. Широколиственные деревья не выживаютъ, благодаря глубокому промерзанію почвы, и только мелколиственные породы съ неприхотливыми березой, липой и осиною примѣшиваются къ хвоѣ по

опушкамъ и болотамъ, да и то въ южныхъ частяхъ лѣсной полосы.

Среди этого царства болотъ и лѣсовъ, особенно на югѣ, встрѣчаются возвышенныя мѣста, куда весенніе разливы не достигаютъ. Въ этихъ сухихъ долинахъ лежитъ лучшая въ лѣсной полосѣ почва суглинистаго чернозема. Вдоль рѣчныхъ береговъ тянутся увалы съ такимъ же суглинистымъ черноземомъ, но только болѣе рыхлымъ. По откосамъ холмовъ, на такъ называемыхъ „ярахъ“, расположились самыя худшія земли. Такъ же, какъ въ земледѣльческой полосѣ, здѣсь на стлогихъ и широкихъ увалахъ расположилась почва, болѣе богатая черноземомъ, чѣмъ на крутыхъ и узкихъ. Въ лѣсахъ попадаются цѣлыя площади земли, которая при обработкѣ можетъ дать небольшой урожай; ихъ называютъ „бѣликами“. Хотя вообще почвы лѣсной области гораздо хуже сосѣднихъ южныхъ частей Западной Сибири, и чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ ихъ качество все понижается, но въ общемъ тутъ сеть мѣста, пригодныя для земледѣлія.

Лѣтняя температура дѣлаетъ кое-гдѣ вполне возможнымъ земледѣліе, а на увальныхъ пашняхъ, защищенныхъ деревьями, даже сѣверный вѣтеръ не можетъ нанести своимъ холодомъ большого вреда. Хуже всего даютъ себя чувствовать лѣтніе и осенніе заморозки, непостоянство въ климатѣ и рѣзкое колебаніе между тепломъ и холодомъ. Вырубая лишній лѣсъ и осушая болота, сибиряки отдѣлываются отъ сырости и этимъ достигаютъ лучшихъ условій для земледѣлія; безъ удобренія и безъ осушительныхъ работъ хлѣбопашество тутъ, конечно, не мыслимо. Земля требуетъ серьезнаго ухода и старанія, и

На водоразділі між річками Аганюць и Вахомць.

безъ нихъ въ лѣсной полосѣ крестьяне никогда не смогутъ добиться порядочнаго урожая. Отво-евывая шагъ за шагомъ отъ суровой природы удобные клочки земли, сибиряки и переселенцы проникаютъ довольно глубоко къ сѣверу; въ урманяхъ, лежащихъ на востокъ отъ рѣки Тары, въ послѣднее десятилѣтіе усердно рубился лѣсъ, падали старыя деревья, высыхали болота, а вмѣсто нихъ росли заимки переселенцевъ или ушедшихъ съ юга и запада сибиряковъ. Среди переселенцевъ отваживаются итти въ эти далекіе края люди изъ сѣверныхъ мѣстъ Россіи, главнымъ образомъ, изъ Прибалтійскихъ и Приислянскихъ губерній; эти хорошіе и трудолюбивые переселенцы умѣютъ справиться съ тяжелыми обстоятельствами и поставить сносно свое молодое хозяйство.

Огромнымъ препятствіемъ для земледѣлія, кромѣ влажности и климата, является еще недостатокъ луговъ, а благодаря этому и скота, т.-е. необходимаго удобренія. Земледѣльцамъ приходится заботиться не только о пахотныхъ земляхъ, но и о лугахъ, о травахъ, о сѣнокосахъ.

Хотя хлѣбопашцы работаютъ тѣми же самыми орудіями, что и въ сосѣдней южной полосѣ, но хозяйство тутъ уже другое: засѣиваютъ сѣверные, грубые хлѣба, среди которыхъ лучше всѣхъ родится овесъ. Много возятся здѣшніе крестьяне надъ землей, добиваются того, что неурожаевъ большихъ не случается, но все-таки рѣдко гдѣ сможетъ одно земледѣліе прокормить человѣка, и приходится ему прибѣгать къ помощи другихъ заработковъ.

Въ среднихъ и сѣверныхъ частяхъ лѣсной полосы о земледѣліи народъ совсѣмъ не думаетъ.

Главнымъ заработкомъ въ урманахъ и тайгѣ служатъ лѣсные промыслы—охота, кедровый промыселъ и рыболовство; инородцы же почти не занимаются земледѣліемъ.

2) Звѣри и птицы; охотничьи и лѣсные промыслы; скупщики; паденіе промысловъ.

Необъятны пространства тайги и урмановъ, густа чаща ихъ лѣсовъ, но сравнительно немного всякаго звѣрья и птицъ находятъ себѣ въ нихъ пріютъ и пропитаніе; такъ немного, что иногда охотникъ, идущій напрямикъ по лѣсной полосѣ, по нѣскольку дней подъ рядъ не встрѣчаетъ добычи. Густа лѣсная чаща, обилень снѣгъ, и дикому звѣрю пробраться сквозь нихъ очень трудно. Лѣсная полоса почти сплошь состоитъ изъ хвойныхъ деревьевъ; ихъ молодые побѣги и шишки могутъ служить кормомъ только нѣкоторымъ птичьимъ породамъ. Этими причинами и объясняется то, что многіе птицы и звѣри не водятся въ сибирскихъ урманахъ.

Самыя оживленныя и населенныя мѣста для животныхъ бываютъ на открытыхъ участкахъ лѣсныхъ опушекъ, вблизи прогалинь и луговинъ и по рѣчнымъ берегамъ. Густыя заросли, стоящія рядомъ, кажутся еще пустыньѣе отъ этого оживленнаго сосѣдства. Въ лѣсной полосѣ Западной Сибири встрѣчаются слѣдующія птичьи породы: глухари, тетерева, рябчики, дикія утки, кулики, турханы, совы, сычи, кречеты, орлы, коршуны, ястреба, воробьи, дятлы и др.; пѣвчихъ птицъ не много; соловьи отсутствуютъ.

Весною и лѣтомъ жизнь животныхъ проходитъ на рѣкахъ, озерахъ, болотахъ и луговинахъ, а

къ осени звѣри и птицы перебираются дальше на лѣсныя опушки, гдѣ разнообразіе деревья и кустарники и можно сыскать лица побольше. Къ зимѣ тайга пустѣетъ. Улетаютъ птицы, звѣри впадаютъ въ спячку; прячутся въ снѣгъ зайцы; глухари, тетерева и рябчики, наѣвшись до сыта березовыхъ и ивовыхъ почекъ, тоже съ размаха бросаются въ снѣгъ и зарываются въ немъ.

Въ тайгѣ повсюду бродитъ медвѣдь—бурый и черный, да прыгаетъ бѣлка; часто пробѣгаетъ лисица и лось; встрѣчается рысь, выдра, росомаха, горностаи, волкъ, бурундукъ, куница, заяцъ, ласка, барсукъ, хорекъ; рѣже попадается дикій олень, песецъ и соболь; совсѣмъ не водится теперь въ лѣсахъ Западной Сибири бобръ. Тѣ животныя, которыя нашли себѣ въ урманахъ удобный пріютъ, сильно уменьшаются и рѣдѣютъ. Они уходятъ дальше на сѣверъ и востокъ или вымираютъ. Виноватъ въ этомъ, конечно, человѣкъ, но, кромѣ него, есть еще одна важная причина, отъ которой переводятся западно-сибирскіе звѣри,—это пожары; отъ нихъ гибнутъ всѣ звѣри, и молодые и старые, въ огромномъ количествѣ; огонь не щадитъ никого. Какъ бы ни торопилась шустрая бѣлка перепрыгивать съ вѣтки на вѣтку, огонь еще быстрѣе мчится по мху и валяжнику и настигаетъ животныхъ; высоко стараются залетѣть тетерева и куропатки, но огонь взвивается къ самому небу и душитъ птицу.

Послѣ одного изъ такихъ пожаровъ двѣнадцать лѣтъ въ урманахъ Тобольской губерніи не водилось никакого пушного звѣря, такъ что охотники поневолѣ стали заниматься рыбною ловлею. Вообще нѣтъ уже въ Западной Сибири прежнихъ богатствъ „пушного товара“ или, какъ

говорилось въ старину, „мягкой рѣхляди“. Уже бобры, напр., совершенно перевелись въ лѣсной полосѣ Западной Сибири и перебравшись на востокъ; куница стала такою рѣдкостью, что многіе считаютъ ее тоже совсѣмъ пропавшей; только соболя еще съ очень большимъ трудомъ добываются западно-сибирскими охотниками.

Соболя прячутся въ самыхъ глухихъ мѣстахъ Тобольской губерніи и въ урманахъ Томской. Охота на нихъ идетъ два раза въ годъ—весной и поздней осенью; лучше всего охотиться за соболями по первому снѣгу. Быстро нагоняетъ охотникъ коротконогаго соболя, скользя по рыхлому покрову на лыжахъ, а если звѣрекъ залѣзетъ въ дупло, то отверстие закутаютъ сѣткой, а его самого выкуриваютъ дымомъ. Теперь считается рѣдкой удачей, когда охотникъ за годъ сможетъ поймать семерыхъ соболей, но еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ партія звѣропромышленниковъ въ 5—6 человѣкъ послѣ каждой охоты приносила съ собой 50—60 штукъ соболевыхъ шкуръ. Зато на нихъ сильно поднялась цѣна.

Больше всего достается отъ человѣка бѣлкамъ, которыя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ходятъ тысячными стаями; кедровые лѣса до сихъ поръ еще удобныя мѣста для охоты на бѣлку; ее бьютъ гдѣ попало, сколько попало и какъ попало: повсюду межъ вѣтвей ставятъ сѣки и силки, куда запутываются неосторожные звѣрьки; ловятъ ихъ на приманку изъ кедровыхъ орѣховъ всякими удавками и западнями; стрѣляютъ изъ ружья и лука-самострѣла... Рѣдкой льется бѣличья кровь!

Питаются бѣлка молодыми побѣгами хвойныхъ деревьевъ и кедровыми орѣхами. Когда на нихъ случается неурожай, она начинаетъ ѣсть орѣхи

изъ сосновыхъ шишекъ; ихъ смола залѣпляетъ щеки и горло голоднымъ животнымъ, и они окончательно дохнутъ отъ голода. Въ такіе годы бѣлки стадами переселяются съ мѣста на мѣсто въ поискахъ за сытнымъ пріютомъ. Звѣропромышленники замѣтили, что когда бѣлка идетъ на сѣверъ, то она скоро вернется обратно, но если перебирается на югъ, то останется тамъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, а въ тѣхъ мѣстахъ, откуда она ушла, уловъ пока будетъ скуденъ. Поэтому и заработокъ на бѣлку стоитъ не ровный. Въ удачные годы на каждого охотника, какъ говорятъ, „на ружье“, выпадаетъ отъ 300 до 350 штукъ; цѣна за каждую колеблется, судя по времени года и по мѣсту, отъ 8—9 до 16—18 копеекъ за штуку; на ярмаркахъ поднимается и до 22 копеекъ. Въ 1895 г. изъ всей Сибири вывезли 4.200.000 бѣлокъ, большая часть изъ нихъ пришлась на долю лѣсной полосы Западной Сибири.

Отъ пожаровъ, отъ неурожаевъ шишекъ и особенно отъ хищной охоты за нею бѣлка теперь переводится. Больше всего вредитъ размноженію бѣлокъ весенняя охота въ февралѣ и мартѣ, когда съ каждой убитой самкой гибнетъ отъ 25 до 40 штукъ ея будущихъ дѣтенышей. Хотя охота становится все ожесточеннѣе, но на мѣстныхъ ярмаркахъ число битой бѣлки все уменьшается.

Много охотятся и на зайцевъ, шкура которыхъ цѣнится по 6—15 копеекъ штука. При удобной охотѣ человѣкъ за зиму бьетъ сотни двѣ зайцевъ.

Звѣрки истребляютъ лосей и оленей изъ-за кожи и роговъ; лучшія части мяса съѣдаютъ, а то просто бросаютъ гнить въ лѣсу.

Весною, когда животныя къ лѣту выходятъ на сѣверныя открытыя равнины, или осенью, когда они обратно къ зимѣ скрываются въ лѣса отъ морозовъ и вѣтровъ,—охотники устраиваютъ на нихъ облаву; во время переправы оленьихъ стадъ чрезъ рѣки партія промышленниковъ переправляетъ иногда съ лодокъ и съ берега весь таборъ сплошь, окрашивая далеко кругомъ въ красный цвѣтъ рѣчную воду кровью бѣдныхъ животныхъ. Эта охота, такъ называемый „плавъ“, теперь сильно сократилась.

На лося и оленя повсюду ставятъ зажимные снаряды и сторожевые самострѣлы, роютъ ямы, иногда строятъ длинныя изгороди, въ которыхъ и помѣщаютъ отъ 50 до 300 луковъ-самострѣловъ. Лосей еще подкарауливаютъ у воды и подстрѣливаютъ изъ засады. Но самое ожесточенное избиеніе идетъ весною; оно называется „по насту“; верхній слой снѣга подтаиваетъ отъ весеннихъ лучей и, замерзая ночью, образуетъ изъ себя хрупкій ледяной покровъ; по этому мерзлomu снѣгу охотникъ на лыжахъ передвигается очень быстро, а лось постоянно проваливается и вязнетъ; такимъ образомъ онъ выбивается изъ силъ, и ни одинъ звѣрь не уйдетъ отъ людей, которые его убиваютъ дубинами, не тратя ни одного ружейнаго заряда. Теперь охота „по насту“ считается запрещенной, но, такъ какъ въ этой охотѣ заинтересовано само начальство въ деревняхъ и селахъ, то оно сквозь пальцы смотритъ на всѣ нарушенія закона. Лось страшно силенъ; иногда загнанный и обозленный, онъ въ отчаяннѣ бросается на своего преслѣдователя, старается ударить его своими рогами и иногда даже убиваетъ его.

Царемъ сибирской тайги считаютъ медвѣдя. Всюду возможно повстрѣчаться съ нимъ, и эта встрѣча для людей часто кончается очень печально, потому что звѣрь ихъ свободно задираетъ.

Охотниковъ, которые рѣшаются итти на медвѣдя, сибиряки уважаютъ и называютъ храбрецами; это, дѣйствительно, народъ смѣлый, и промыселъ имъ даромъ не обходится. Въ лѣсной полосѣ нерѣдко встрѣчаются охотники-инородцы, убившіе на своемъ вѣку до 50 медвѣдей. Несмотря на весь свой опытъ, они все-таки не застрахованы отъ смерти, и многіе изъ нихъ кончаютъ свою жизнь подъ когтями медвѣдя, въ его желѣзныхъ объятіяхъ.

Ходятъ на медвѣдей и съ рогатиной и съ ружьемъ—съ ружьями охотятся вообще на всякую дичь въ Западной Сибири даже инородцы. За шкуру берутъ рублей 6—12. Медвѣдь портитъ хлѣбъ, давитъ скотъ, ломаетъ амбары съ кедровыми орѣхами и брусникой. Все это заставляетъ сибиряковъ, несмотря на опасность, вести съ нимъ постоянную борьбу.

Такъ же непрерывно воюютъ съ этимъ хищникомъ и инородцы, боящіеся медвѣдя и видящіе въ немъ злого духа.

Постоянно промышляютъ въ лѣсной полосѣ рябчиковъ, куропатокъ, тетеревовъ, глухарей, перепелокъ, утокъ, лебедей, гусей и другихъ птицъ, живущихъ въ урманахъ, прибрежныхъ кустарникахъ и камышахъ. Сибиряки ставятъ огромныя сѣти, силки, стрѣляютъ изъ ружей. Больше всего ловятъ и бьютъ рябчиковъ; приходится штукъ по 200 на cadaго охотника въ годъ; продаютъ ихъ по 10—40 копеекъ пара.

Разной птицы ежегодно въ Сибири уничтожаютъ сотни тысячъ, можетъ-быть, миллионы штукъ. Ихъ не только убиваютъ, но даже ѣдятъ по болотамъ и рѣчнымъ зарослямъ и тамъ собираютъ утиныя и гусиныя яйца.

Но звѣри и птицы бѣгутъ отъ человѣка, и ему, чтобы ихъ настигнуть, приходится много потрудиться и далеко заходить отъ своихъ деревень и селъ. Для удобства русскіе охотники осенью, когда начинается лучшая охота, по нѣскольку человѣкъ соединяются между собою въ артель, запасаясь всеѣмъ необходимымъ; берутъ винтовки, порохъ, свинець, топоры и ножи; непременно лыжи и салазки; съ собою тащатъ провіанта на каждого человѣка: одинъ или полтора пуда ржаныхъ сухарей, шесть фунтовъ листового табаку и кирпичъ чая. Одѣваются охотники въ короткіе суконные зипуны, онучи, суконные чулки, бродни и окутываютъ ноги поверхъ всего пропитанными дегтемъ сыромятными кожами. Уходя на промыселъ охотники ставятъ въ лѣсной глуши деревянныя избушки съ плохими печами, которыя дымятъ и покрываютъ копотью потолки и стѣны. А если приходится забираться еще дальше и переходить съ мѣста на мѣсто, живутъ они еще хуже; располагаются станомъ, устраивая шалаши изъ жердей и бересты, и отсюда предпринимаютъ свои облавы. По нѣскольку дней и недѣль подъ рядъ охотники спать, зарывшись въ снѣгу, каждую минуту подвергая свою жизнь опасности погибнуть или отъ медвѣжьихъ лапъ, или отъ морозовъ и бурановъ; они ѣдятъ полусырыхъ бѣлокъ и зайцевъ, заболѣваютъ цынгой, тифомъ. Многіе изъ нихъ не возвращаются въ станъ, да ихъ товарищи и не ищутъ; гдѣ

тутъ сыскать въ этихъ густыхъ чащахъ и глубокихъ сугробахъ! Всю добычу артель раздѣляетъ между собою поровну и за безцѣнокъ продаетъ скупщикамъ.

Иностранцы на охоту уходятъ семьями, съ женами и дѣтьми, везя на саняхъ, собаками, всю свою утварь. Это еще лишняя обуза въ дѣлѣ; зато женщины иностранческія охотятся не хуже мужчинъ и прекрасно стрѣляютъ изъ ружей. Много помогаютъ иностранцамъ ихъ охотничьи собаки, которыя на каждаго звѣря лаютъ особымъ образомъ и показываютъ этимъ своему хозяину, за кѣмъ ведутъ охоту.

Лѣсъ кормитъ крестьянъ не только своимъ населеніемъ — животнымъ царствомъ; его густыя нетронутыя заросли представляютъ изъ себя цѣпныя, неисчерпаемыя богатства строевого матеріала и топлива; лѣсъ особенно необходимъ въ этихъ суровыхъ краяхъ, гдѣ зима длиннѣе лѣта, а ея морозы жестоки и трескучи.

Села и города, лежащіе въ лѣсной полосѣ и въ сосѣднихъ южныхъ областяхъ, постоянно нуждаются въ деревѣ для постройки новыхъ зданій и отопленія; сильно поглощаетъ лѣсъ желѣзная дорога; пароходы отапливаются дровами и сжигаютъ ихъ видимо-невидимо. Все дерево идетъ изъ лѣсной полосы, потому что въ земледѣльческой лѣса уже всѣ сведены. Поставка лѣсного матеріала даетъ работу многимъ нуждающимся мѣстнымъ жителямъ. Вдоль рѣкъ поставлены лѣсные склады и запасные магазины, куда свозятся изъ глубины урмановъ дрова и лѣсъ. Заготовка — дѣло рискованное и берутся за него только зажиточные крестьяне или промышленники, которые и берутъ съ него главный барышъ, но,

въ качествѣ дроворубовъ, пильщиковъ и т. д. на лѣсныхъ промыслахъ работаетъ всякій. Вблизи отъ большихъ городовъ крестьяне и на свой рискъ возятъ въ городъ возы дровъ. Такъ дѣлаютъ, напримѣръ, деревенскіе жители около Томска, зарабатывая такимъ путемъ въ годъ лишнихъ 50 р. на каждый дворъ.

Въ урманахъ, стоящихъ недалеко отъ человѣческихъ селеній, добываютъ смолу, деготь, уголь, собираютъ ягоды—бруснику и клюкву. Смолу выкуриваютъ изъ березы, растущей по опушкамъ, но, главнымъ образомъ, изъ смолистыхъ частей сосновыхъ деревьевъ. Деготь гонятъ въ ямахъ, почти нигдѣ не ставя печей. Бруснику выходятъ искать въ августѣ, собираясь цѣлой деревней въ одинъ и тотъ же день; родится она въ сосновыхъ борахъ очень хорошо, и въ урожайные годы собираютъ на семью отъ 80 до 100 пудовъ ягоды, стоящей на мѣстѣ 50—80 к. пудъ; отсюда ее въ замороженномъ видѣ отправляютъ на югъ; черезъ 7—8 лѣтъ брусничникъ опаливаютъ, чтобы ягода родилась лучше. Клюкву ищутъ въ моховыхъ болотахъ урмана.

Но самое прибыльное занятіе доставляютъ сибиряку кедровыя роци—кедровники. Въ нихъ крестьяне во множествѣ добываютъ кедровыя орѣхи. Сборъ орѣховъ происходитъ по всей Сибири, но больше и удачнѣе всего этимъ промысломъ занимаются въ лѣсной полосѣ Западной Сибири. Населеніе здѣсь гуще, чѣмъ въ восточной, и истреблять орѣхи хищно, какъ попало, уже невозможно.

На сучьяхъ кедроваго дерева сидятъ большія шишки, полныя маленькими, черными орѣшками съ маслянистымъ бѣлымъ ядромъ. Это и есть

кедровые орѣхи. Сибиряки очень любятъ эти орѣшки, которые для нихъ то же, что для російскихъ жителей подсолнухъ. Тамъ орѣховъ грызутъ такъ много и постоянно, ими щелкаютъ такъ ловко, что называютъ это занятіе „сибирскимъ разговоромъ“.

Кедровники принадлежатъ казнѣ, но между ними есть и такіе, которыми владѣютъ крестьяне и инородцы; у каждаго свои. Сибиряки своими кедровыми роцами распоряжаются сообща всѣмъ селомъ, а то и нѣсколькими селами за разъ, если кедровники очень велики. Инородцы же дѣлятъ роци между родами и семьями. Кедровые лѣса бываютъ иногда огромны, раздѣляясь между собою трудно проходимыми болотами; есть кедровники, занимающіе сплошь до 10.000 десятинъ.

Собираютъ орѣхи иногда нѣсколько разъ въ годъ. Въ определенное время, начиная съ конца іюля или начала августа, цѣлыя деревни: и мужики и бабы, и старъ и малъ, верхомъ и пѣшкомъ, большими караванами двигаются въ кедровники, запасшись колотушками на длинныхъ шестахъ. Этими колотушками сибиряки стучатъ по древеснымъ стволамъ; отъ ударовъ содрогаются кедры, покачиваются ихъ раскидистыя вершины и сыплются съ нихъ спѣлыя шишки.

Но стволы кедровъ бываютъ очень высоки, и приходится людямъ иногда лѣзть наверхъ, чтобы ударъ достигъ до вершины и распаталъ вѣтви. Забираются по ровному кедровому стволу съ помощью деревянныхъ крючковъ—„кошекъ“, надѣваемыхъ на ноги; этотъ способъ добычи кедровыхъ орѣховъ называется „лазомъ“. Онъ очень опасенъ, и не мало такихъ лазоковъ обрывается

сверху и разбивается о землю вдребезги. Съ дерева на дерево перебираются, часто не слѣзая внизъ, а зацѣпляясь за сучья сосѣднихъ кедровъ. Въ то время какъ одни сшибаютъ шишки, а другіе ихъ подбираютъ, третьи строятъ шалаши-амбары, куда собранныя шишки и сносятъ. Тамъ онѣ слегка загниваютъ, какъ говорятъ сибиряки, „портятся“, чтобы орѣхи можно было легче выбить валькомъ изъ шелухи шишекъ. Отвѣянные орѣхи или выносятся изъ лѣсу въ мѣшкахъ, или лежатъ на мѣстѣ до зимы, когда ихъ и вывозятъ на саняхъ. Дома ихъ моютъ и просѣиваютъ. Сборъ идетъ мѣсяца два. Поздно осенью шишки опадаютъ сами, а весною ихъ подбираютъ.

Въ хорошіе, какъ говорятъ, „орѣшные“, годы каждый лазокъ съ двумя помощниками собираетъ до 100 пудовъ орѣховъ; на каждый дворъ вообще приходится пудовъ 50, а при большой семьѣ такъ и 100. Весь собранный орѣхъ, который не идетъ на домашнее употребленіе, продаютъ скупщикамъ. Они всѣми силами стараются понизить цѣну, но все-таки плата стоитъ хорошая: отъ 1 р. 80 к. до 3 р. 50 к. за пудъ. Чѣмъ дальше къ востоку, тѣмъ орѣхи цѣнятся дороже, но добываютъ ихъ больше, почему и заработокъ отъ нихъ становится еще прибыльнѣе. Ежегодно въ лѣсной полосѣ собираютъ тысячь триста пудовъ орѣховъ, больше чѣмъ на миллионъ рублей. Многія кедровыя рощи до сихъ поръ еще остались сибирякамъ неизвѣстны, потому что добраться къ нимъ очень трудно, нѣтъ никакихъ дорогъ. Но кедровые сборы не всегда бываютъ одинаково доходны; большіе урожаи орѣховъ случаются одинъ разъ въ 10—15 лѣтъ. Въ послѣдніе годы неурожаи сдѣлались очень

часты. Кедровники еще давно начали рѣдѣть, потому что сибиряки прежде, добывая орѣхи, рубили все деревья подь рядъ; хотя теперь этотъ хищническій способъ въ Западной Сибири почти оставили, но роци гибнуть отъ другихъ причинъ; прежде всего отъ частыхъ пожаровъ. Шишки выклеываетъ итчика-кедровка подь названіемъ „ронжа“; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шишка держится на вѣткахъ очень слабо, она спадаетъ на землю, гдѣ ее истребляютъ различныя животныя, потому что до орѣховъ лакома не одна бѣлка.

Кедровымъ промысломъ занимаются и русскіе и инородцы, потому что онъ очень легокъ и выгоденъ. При сборѣ орѣховъ всемъ находится дѣло: и мужчинамъ и женщинамъ, и старикамъ и дѣтямъ. Если бы имъ занимались какъ подсобнымъ дѣломъ, то это было бы очень хорошо и облегчало бы крестьянское хозяйство, но въ погонѣ за легкой наживой сибиряки всемъ забрасываютъ землю и занимаются только кедровниками. Это ремесло портитъ населеніе, потому что приучаетъ къ безпечности въ надеждѣ на легкую, богатую добычу; сибиряки втягиваются въ долги и отвыкаютъ отъ серьезнаго прилежнаго труда. Промѣнивая земледѣліе на кедровый промыселъ, крестьяне совершаютъ плохую сдѣлку, потому что земля хоть и не такъ богато вознаграждаетъ за трудъ, зато отъ нея доходъ болѣе вѣрный и правильный. Сборщикъ же орѣховъ всегда находится въ рукахъ случая, и можетъ случиться, что при неурожаѣ онъ не получитъ и одного рубля заработка.

Какъ въ лѣсистыхъ частяхъ земледѣльческой, такъ и въ лѣсной полосѣ крестьяне занимаются

кустарнымъ ремесломъ. Изготавливаютъ деревянныя издѣлія: тѣлѣги, мебель и проч. Всюду въ лѣсной полосѣ распространено рогожно-мочальное производство. Въ мѣстахъ, богатыхъ кедромъ, приготавливаютъ масло изъ кедровыхъ орѣшковъ. Хорошо идетъ продажа сѣтей и другихъ снастей, необходимыхъ для рыболовства, потому что въ лѣсной

Смолокурение.

полосѣ и особенно въ сосѣдней сѣверной — въ полосѣ тундры живетъ масса рыболововъ.

Рѣки лѣсной полосы богаты рыбой. Многія инородческія племена, живущія по Оби, только и занимаются рыболовствомъ, но большинство населенія примѣшиваютъ рыболовство къ охотѣ и къ другимъ занятіямъ. Только на крайнемъ сѣверѣ лѣсной области въ нижнемъ теченіи Оби, гдѣ невозможно уже земледѣліе, а охота пропа-

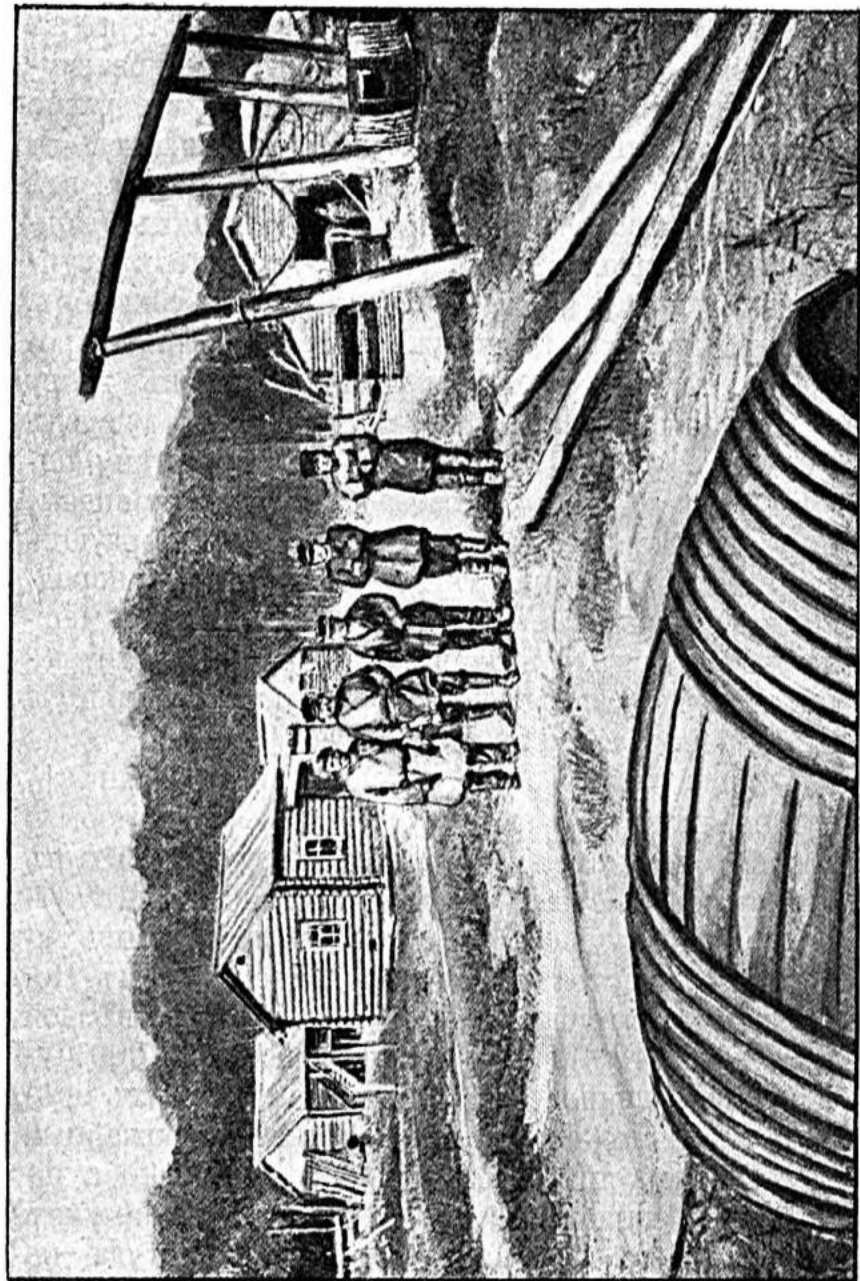
даетъ съ уменьшеніемъ лѣсовъ и травъ, и въ полосѣ тундры рыболовство—самый серьезный, а иногда и единственный промыселъ населенія.

Все, что послѣ огромныхъ трудовъ, лишеній и опасностей удастся сибиряку и инородцу раздобыть отъ суровыхъ урмановъ и тайги, въ концѣ-концовъ, попадаетъ въ руки скупщиковъ и куп-

Приготовленіе корзины изъ сосновой дранки.

цовъ. Такъ какъ дороги въ лѣсной полосѣ совсѣмъ плохія, — во многихъ мѣстахъ люди сообщаться между собою могутъ только въ нѣкоторыя времена года, а остальное время сидятъ отрѣзанные отъ всего міра; наконецъ и пароходы по рѣкамъ ходятъ кое-какъ, а ихъ хозяева не только что съ товаромъ, но и съ пассажирами совсѣмъ не церемонятся, — поэтому сибиряки не могутъ оградить себя отъ произвола и хищниче-

Рыбопромышленное заведение на р. Оби.

ства купцовъ и продаютъ свой товаръ за безцѣнокъ. Если скупщикъ самъ не явится къ охотнику или не прїѣдетъ на ярмарку и не скупить товаръ, то его промышленнику все равно сбыть съ рукъ некуда. Купцы проникаютъ во все уголки урмановъ и забираютъ оттуда все богатства лѣсной Сибири; на пароходахъ, лодкахъ и санияхъ разъѣзжаютъ представители крупныхъ купцовъ и мелкіе скупщики и сбиваютъ, сколько могутъ, цѣну на товары. Сами звѣропромышленники-охотники давно уже въ долгу у скупщиковъ; они забрали у купцовъ впередъ въ счетъ будущей добычи за дорогую цѣну порохъ, патроны, соль, одежду и другіе припасы, необходимые въ хозяйствѣ, которыми торгуютъ скупщики. Особенно тяжело приходится инородцамъ, которыхъ еще обманываютъ самымъ наглымъ образомъ. Въ концѣ-концовъ, сами труженники-звѣропромышленники попадаютъ въ полную кабалу пауковъ-купцовъ.

Сидя гдѣ-нибудь въ Томскѣ или Tobольскѣ, купцы вытягиваютъ къ себѣ все, что добыто трудомъ и лишеніемъ чужихъ рукъ, и везутъ продавать свой выгодный товаръ на Ирбитскую ярмарку и въ Москву, откуда отправляются сибирскія богатства за границу. Черезъ одинъ Челябинскъ, станцію Великой Сибирской желѣзной дороги, въ 1899 г. провезли въ Россію 66.000 пудовъ битой дичи и 102.000 пудовъ кедровыхъ орѣховъ, — а это еще для нихъ былъ неурожайный годъ! Кромѣ того, часть товаровъ, особенно пушной, шли мимо желѣзной дороги по сибирскимъ рѣкамъ черезъ Tobольскъ и Тюмень, оттуда по желѣзной дорогѣ въ Пермь и дальше рѣчнымъ путемъ по Россіи.

Плохія дороги мѣшаютъ населенію лѣсной области воспользоваться выгодами сибирскаго желѣзнодорожнаго пути и, миновавъ крупныхъ купцовъ, сразу обратиться къ покупателямъ въ Россіи и за границей, какъ это дѣлаютъ уже сибиряки, живущіе въ земледѣльческой полосѣ.

Тобольскъ.

Лѣса теперь съ каждымъ годомъ уменьшаются. Они сгораютъ, падаютъ подъ топоромъ земледѣльца и лѣсопромышленника. Охота становится труднѣе и рискованнѣе; звѣри мрутъ отъ голода или, скрываясь отъ истребленія человѣкомъ и пожаромъ, отступаютъ къ востоку въ такую глушь, куда охотнику съ его ружьемъ и силкомъ уже не пробраться. Исчезаютъ кедровники и чаще

становятся неурожаи орѣховъ. Вмѣстѣ съ гибелью лѣсовъ и животныхъ падаютъ и промыслы населенія лѣсной полосы Западной Сибири.

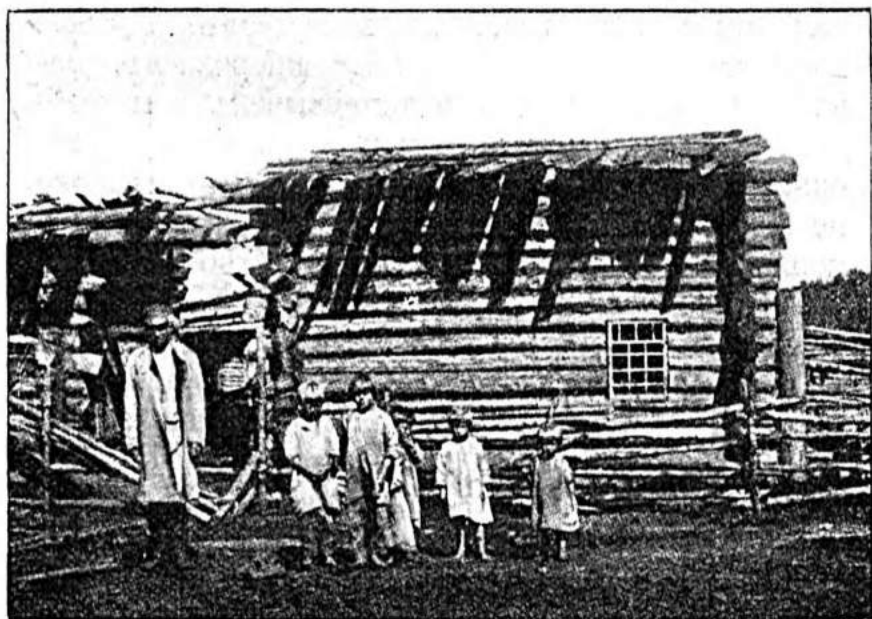
3) Населеніе: русскіе, инородцы, вогулы, остяки. Положеніе инородцевъ.

Въ лѣсной полосѣ русскихъ живетъ уже немного. Русскіе переселенцы — это земледѣльцы; поэтому они и заняли южныя степныя мѣста по обѣимъ сторонамъ теперешней желѣзной дороги, гдѣ для хлѣбопашества былъ недавно еще полный просторъ. Тамъ они, вытѣснивъ инородцевъ къ сѣверу, стали полными хозяевами и работниками на землѣ. Совсѣмъ иное дѣло въ лѣсной полосѣ; здѣсь тайга и урманы, въ которыхъ земледѣльцу, да еще плохому и темному, какъ нашъ русскій переселенецъ, дѣлать почти нечего. На югѣ лѣсныхъ пространствъ они еще кое-какъ хлѣбопашествуютъ, вырубая деревья и осушая болота; но эта тяжелая работа вообще имъ не по плечу. Да и то одна земля не прокормитъ крестьянина.

Поэтому русскому населенію лѣсныхъ пространствъ выгоднѣе устроиться иначе. Если они выживали инородцевъ съ юга, занимая ихъ земли, то тутъ русскіе стараются извлечь пользу отъ сосѣдства съ инородцами. Иногда цѣлыя деревни ѣздятъ къ инородцамъ и скупаютъ у нихъ товаръ, сильно наживаясь на ихъ счетъ. Въ рукахъ русскаго населенія и ружья съ порохомъ, и всякія соблазнительныя для совсѣмъ темныхъ инородцевъ товары, и главное — водка. Владѣя всѣмъ этимъ, русскіе сдѣлались на сѣверѣ Западной Сибири полными хозяевами труда и

даже жизни инородцевъ; тутъ русскіе уже не столько хозяева-работники, подобно тому, какъ это мы видѣли въ земледѣльческомъ краѣ, сколько хозяева-притѣснители.

Земледѣльцы лѣсной полосы уже не пользуются тѣмъ достаткомъ, который выпалъ сибирякамъ сосѣдней южной полосы. Хотя мѣстное хлѣ-

Повоселы въ лѣсной мѣстности.

бопашество и ровнѣе, безъ большихъ неурожаевъ, но оно не прокармливаетъ крестьянъ, и они становятся промышленниками. Русскимъ приходится близко подходить къ инородцамъ, перенимать у нихъ приемы борьбы съ суровой природой, учиться хитрить съ осторожнымъ звѣремъ, выслѣживать его и ловить, Чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ больше русскіе занимаются лѣсными промыслами.

Характеръ сибиряковъ лѣсной полосы болѣе суровый и предприимчивый, чѣмъ у стѣнныхъ жителей Сибири. Отъ продолжительной жизни въ лѣсахъ и отъ постоянной борьбы съ природой и малоплодородной землей коренное сибирское населеніе этой полосы стало грубымъ и настойчивымъ. Часто обманывая инородцевъ, сѣверные сибиряки привыкли вообще къ хитрости и осторожности въ обращеніи, которая стала ихъ главнымъ качествомъ. Русское населеніе, поддаваясь вліянію инородцевъ, начало отвыкать отъ многихъ привычекъ и потребностей, свойственныхъ ему прежде. Въ Сургутѣ, одномъ изъ городовъ лѣсной полосы, сибиряки не знаютъ, какъ пилить бревна, а женщины и понятія не имѣютъ о пряжѣ. О хлѣбопашествѣ тамъ слышали по разговорамъ, и одному путешественнику сургутяне говорили: „Всю жизнь хлѣбъ ѣдимъ, а не знаемъ, изъ чего мука дѣлается!“ По вліянію близости къ инородцамъ сказалось не только въ характерѣ, но и въ бытѣ, даже внѣшній видъ, отъ частаго смѣшенія русской крови съ инородческой, измѣнился мѣстами очень замѣтно. Потомство у русскихъ получается смуглое, черноволосое и черноглазое, хотя иногда съ очень пріятными и даже правильными чертами лица. И чѣмъ дальше въ глушь, тѣмъ замѣтнѣе мѣняется видъ сибиряка. Въ Западной Сибири русскія лица съ инородческимъ видомъ называются „калмыковатыми“.

Въ лѣсной полосѣ города становятся совсѣмъ рѣдки, и при этомъ они очень мало отличаются отъ деревень. Нарымъ, Сургутъ и Березовъ—вотъ и всѣ города лѣсного края; изъ нихъ Березовъ лежитъ даже на границѣ между лѣсами и тундрами. Сургутъ, напримѣръ, представляетъ изъ

себя горсточку почернѣвшихъ отъ времени домовъ, приютившихся на обрывистомъ берегу Оби, вокругъ ветхой небольшой православной церкви. Вотъ и все! Ничѣмъ отъ Сургута не отличаются и Нарымъ съ Березовымъ; это тѣ же запущенныя, глухія села, куда нѣсколько разъ въ годъ съѣзжаются инородцы и окрестные жители для закупки товаровъ и продажи пушнины или рыбы. Для этого въ Сургутѣ устраивается ярмарка. Нарымъ во время наводненій заливается водой и по улицамъ жители ѣздятъ на лодкахъ.

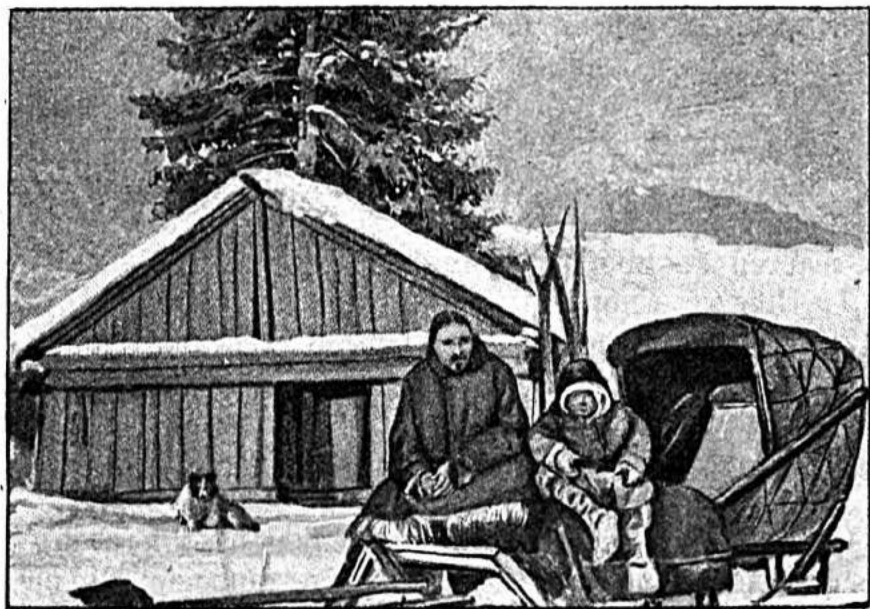
И здѣсь, въ лѣсной полосѣ, какъ и во всей Западной Сибири, русское населеніе растетъ и распространяется по рѣчнымъ берегамъ, клиномъ проникая между лѣсами и дѣбрями, гдѣ перемежается съ инородческими поселками.

Первые инородцы, съ которыми прежде другихъ столкнулся Ермакъ, были вогулы. Они и прежде и теперь ближе всѣхъ живутъ къ Россіи по склонамъ Уральскихъ горъ лѣсной полосы. Всего ихъ около 5.000 человекъ.

Вогулы средняго роста, коренастаго тѣлосложенія. Ихъ лица круглыя и скулы немного выступаютъ впередъ; носы хотя и широкіе, но не плоскіе какъ у татаръ. Глаза круглые и не маленькіе; волосы темно-русые, даже бываютъ свѣтлые; вогулы часто заплетаютъ ихъ въ косы. Вся ихъ приземистая фигура, съ слегка кривыми ногами, производитъ бодрое, здоровое впечатлѣніе. У нихъ нѣтъ и слѣда той вялости, которая проглядываетъ въ каждомъ движеніи другихъ инородческихъ племенъ Западной Сибири.

Вогулы—звѣроловы, рыболовы и отчасти оленеводы, но главное ихъ занятіе все - таки звѣроловство. Среди инородцевъ они не да-

ромъ слывутъ за первыхъ охотниковъ, прекрасно изучившихъ нравы и уловки животныхъ. Замѣтивъ свою добычу, вогуль ужъ ее никогда не упуститъ. Большою силою вогулы похвалиться не могутъ, но зато они выносливы и при всей своей неуклюжести обнаруживаютъ много ловкости и отваги въ погонѣ на лыжахъ за звѣремъ, или во время рыбной ловли въ не-

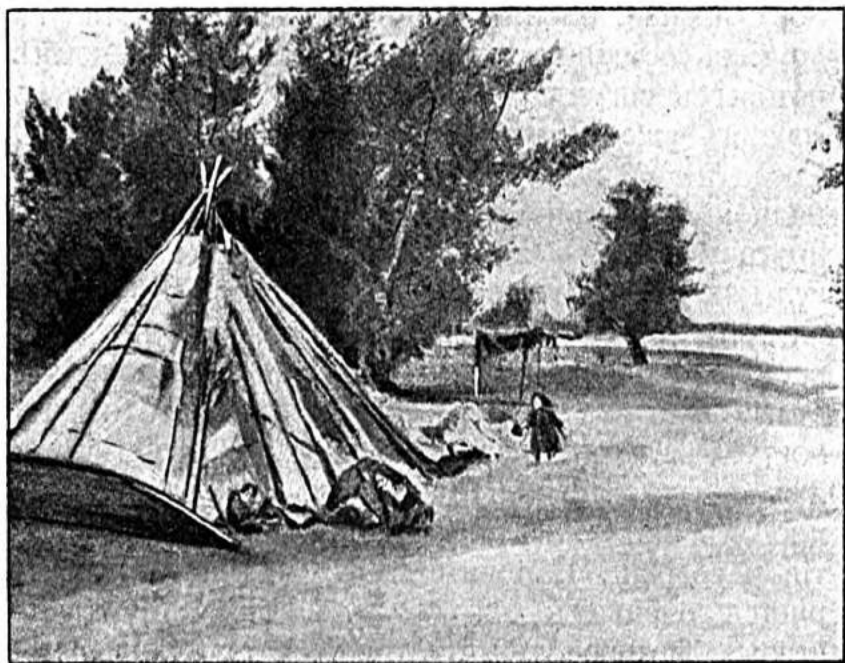

Вогульская юрта на р. Сосвѣ.

устойчивомъ челнокѣ на гребняхъ волнующейся рѣки. Челноки свои вогулы дѣлаютъ изъ цѣлыхъ стволовъ и осины, выдалбливая ихъ внутренность и расширяя поперечными брусьями, чтобы не корбило. Лодки получаютъ крайне неустойчивыя. Если бы не пьянство, которое среди вогуловъ распространено такъ же, какъ и среди остальныхъ инородческихъ племенъ, то вогулы

были бы еще лучшими звѣропромышленниками. Пьютъ не только мужчины, но даже женщины и дѣти.

Вдоль рѣкъ, по возвышеннымъ мѣстамъ, защищеннымъ отъ наводненія, эти инородцы ставятъ свои небольшія деревянныя хижины-юрты, крытыя корой или тесомъ. Въ нихъ вогулы про-

Лѣтняя берестяная юрта (на р. Вахѣ).

водятъ зиму, а на лѣто перебираются въ юрты-лѣтники, сдѣланныя изъ бересты. Нѣсколько такихъ хижинъ—три-четыре жилища уже составляютъ селеніе, называющееся на языкѣ вогуловъ „поуломъ“. Обыкновенно каждое новое поколѣніе строитъ новую юрту. Такимъ образомъ растетъ „поуль“.

Бдятъ вогулы лѣсную дичь и рыбу, пакладывая пищу въ посуду, сдѣланную изъ бересты. Только для варки идутъ глиняные горшки; вся остальная утварь дѣревянная.

Вогулы одного происхожденія съ остяками. Между ними большое сходство. Русскіе знали о вогулахъ еще раньше, чѣмъ Ермаку и казакамъ пришлось выдержать съ ними первое кровопролитное сраженіе. Свое названіе вогулы получили отъ другихъ сосѣднихъ инородцевъ—зырянъ, на языкѣ которыхъ вогуль значитъ „дикій“. Но они теперь совсѣмъ уже не такіе дикіе, какими были раньше. Среди инородцевъ вогулы больше другихъ подпали подъ вліяніе русскихъ и переняли у нихъ много привычекъ и обычаевъ. Хижины свои вогулы начали строить такъ же, какъ и русскіе; внутри имѣется и полъ и потолокъ; въ окна вставляютъ стекла. Безъ хлѣба и безъ соли вогулы, живущіе южнѣе, совершенно обойтись не могутъ. Живутъ они вообще гораздо чище, чѣмъ ихъ сосѣди—самоѣды и остяки. До сихъ поръ во многомъ они сохранили свои собственные понятія и обычаи. Напримѣръ, разстояніе ими измѣряется оленьимъ бѣгомъ, т.-е. тѣмъ пространствомъ, которое можетъ пробѣжать олень безъ отдыха; болѣе длинные концы считаютъ дневнымъ переходомъ на лыжахъ; короткіе промежутки времени мѣряютъ варкой пицци, считая за единицу время промежутка, необходимый для того, чтобы сварить въ котлѣ пиццу.

Другое племя одного происхожденія съ вогулами—это остяки. Ихъ насчитываютъ всего въ Западной Сибири около 20.000, изъ которыхъ большая часть поселилась въ лѣсной полосѣ, а остальные—среди сѣверныхъ тундръ. Раздѣляются

остяки на сѣверныхъ — въ Березовекомъ округѣ, восточныхъ — въ Сургутскомъ и Нарымскомъ и на юго-западныхъ или Иртышскихъ въ сѣверной части Тобольскаго округа. Остяки и вогулы принадлежатъ къ угро - финскимъ народностямъ. Когда-то у остяковъ и вогуловъ былъ общій языкъ, но со временемъ онъ у каждаго племени слегка измѣнился. Слова произносятся остяки и

Ляпинскіе вогулы (сзади видны гимги).

вогулы мягко, присвистывая, шепелявя и сюсюкая. Остяки говорятъ не на одномъ нарѣчій; въ разныхъ мѣстахъ у нихъ есть свои небольшія отличія въ произношеніи и словахъ. Вогулы и остяки часто называютъ себя одинаково — „монсь“ или „монсь“. Названіе „остякъ“ объясняется двоякимъ образомъ: или съ остяцкаго слова „асьякъ“, что значитъ „народъ Оби“,

или съ татарскаго слова „уштякъ“, обозначающаго „варваръ“.

Остяки расселились вдоль рѣчныхъ береговъ, по опушкамъ и прогалинамъ; ихъ поселки теперь повсюду встрѣчаются на берегахъ Оби и Иртыша, откуда остяковъ еще не успѣли вытѣснить русскіе. Раньше это племя жило гораздо западнѣе, тамъ, гдѣ теперь остались вогулы. Вѣроятно, и тѣ и другіе попали въ Сибирь изъ Россіи, откуда ихъ очень давно вытѣснили славяне и другія племена, постепенно проникавшія на сѣверъ Европы. Сталкиваясь съ русскими еще за долго до покоренія Сибири, остяки уходили отъ ихъ вліянія. Московскіе священники всегда старались подѣйствовать на восточныхъ язычниковъ и обратить ихъ въ христіанство; миссіонеры ходили къ инородцамъ съ проповѣдью православія. Но язычники бѣжали отъ этихъ пастырей; на Руси во времена московскихъ царей и даже много позже ихъ нравы были такіе жестокіе и грубые; люди, даже священники, такъ привыкли къ насилію, что и эти проповѣдники водворяли среди язычниковъ христіанскую вѣру не столько смиреніемъ и примѣромъ, сколько грубой силой. Христіане-русскіе, бывшіе на глазахъ у инородцевъ, вели жизнь распущенную, развратную, совсѣмъ не христіанскую. Когда среди остяковъ пошла татарская проповѣдь магометанства, то она оказалась гораздо счастливѣе христіанства, и инородцы массами переходили изъ язычниковъ въ магометанскую вѣру, такъ что теперь въ Западной Сибири есть много совершенно отатарившихся остяковъ, настолько отатарившихся, что ихъ и за остяковъ никто не считаетъ. Отъ православія же они бѣжали съ Урала все дальше

Сургутські приобські остяки.

на востокъ. Это бѣгство еще усилилось съ тѣхъ поръ, когда въ Сибирь двинулись казаки утверждать огнемъ и мечомъ русское могущество въ полныхъ странахъ.

Съ собою русскіе приносили инородцамъ гибель. Они накладывали на остяковъ такія тяжелыя подати — „ясакъ“, которыя отказывались уплачивать даже эти напуганные, незащитные люди. За „бунты“ и „непокорность“ ихъ, конечно, жестоко казнили. Покорители съ инородцами обращались по-звѣрски, отнимая ихъ имущество силой или нагло обманывая при торговлѣ. Ихъ спаивали водкой, заражали всевозможными болѣзнями, о которыхъ инородцы раньше и понятія не имѣли: оспой, тифомъ, сифилисомъ и такъ далѣе; отъ нихъ остяки гибли массами, гибнуть и до сихъ поръ. Воеводы и правители сибирскіе посылались русскими царями на востокъ съ полной, неограниченной властью; и если надъ русскимъ населеніемъ воеводы и губернаторы чинили насилія, то съ инородцами они обращались безъ зазрѣнія совѣсти. Дѣло доходило до того, что крестившихся инородцевъ брали себѣ въ кабалу точно рабовъ. Много выпало бѣдъ на голову несчастныхъ остяковъ отъ этого ига начальства, проповѣдниковъ, купцовъ, казаковъ и даже простыхъ поселенцевъ.

Теперь остяки—это жалкій, темный и забитый народецъ, покорный своей судьбѣ и готовый переносить все, что бы ни исходило отъ русскихъ. За 100 лѣтъ это племя не двинулось ни на шагъ впередъ.

Большинство остяковъ на бумагѣ считаются христіанами, а на самомъ дѣлѣ все они сохранили свои прежніе языческіе обычаи и суевѣрія.

Остяки-православные не только не знают главныхъ христіанскихъ догматовъ и не понимаютъ, во что это они вѣрятъ, но даже не исполняютъ необходимыхъ требъ: ни крещенія, ни брака, ни погребенія. Церкви и священники обыкновенно далеко отъ остяковъ, такъ что и при желаніи имъ трудно быть исполнительными христіанами. Священники сами разъѣзжаютъ среди остяковъ, совершая за разъ всѣ требы надъ давно родившимися, давно женившимися и давно умершими;

Остяки Березовскаго округа.

въ эти объѣзды священники главнымъ образомъ заняты сборомъ поборовъ, при чемъ остяки всѣми силами стараются обмануть своихъ пастырей и всунуть имъ бѣлку съ попорченной шкуркой и т. д. Не соблюдая христіанскихъ обрядовъ, остяки сохранили свои языческіе и смѣшали ихъ съ православными; еще въ старину за новокрещенными инородцами сибирское начальство устраивало надзоръ, но какъ эти сыщики-надзиратели ни старались и къ какимъ насиліямъ ни прибѣгали —

это все плохо помогало. И до сихъ поръ въ убогой головѣ остяка все перемѣшалось, и язычество и христіанство. Если поразспросить самыхъ смѣтливыхъ среди остяковъ, то окажется, что ихъ вѣра заключается въ слѣдующемъ.

Медвѣдь—это сынъ божій, свергнутый съ неба за гордость. Онъ упалъ на землю голымъ и долго пролежалъ между деревьевъ на одномъ мѣстѣ не шевелясь; такъ долго онъ лежалъ, что, наконецъ, все его тѣло обросло волосами. Видя все это, богъ, наконецъ, сказалъ: „Будетъ тебѣ лежать, ходи хоть медвѣдемъ“. Съ тѣхъ поръ сынъ божій и сдѣлался медвѣдемъ, царемъ сибирскихъ чащъ. Встрѣчаясь съ человѣкомъ, медвѣдь подымается на заднія лапы и спрашиваетъ у бога, нужно ли этого человѣка задавить? Остяки считаютъ медвѣдя всевѣдущимъ и всеслышающимъ, и говорятъ шопотомъ, когда хотятъ что-нибудь отъ него скрыть. Слово „медвѣдь“ они боятся произносить, называя въ своихъ разговорахъ медвѣдя „онъ“; совсѣмъ такъ, какъ у насъ иногда въ темныхъ деревняхъ говорятъ о нечистой силѣ. Самыя страшныя клятвы остяковъ произносятся на медвѣжьей лапѣ, медвѣжьимъ именемъ: „Если я не правъ,—говорятъ остяки,—пусть медвѣдь задеретъ меня“. Когда московскіе цари хотѣли окончательно покорить себѣ остяковъ, то они заставляли ихъ клясться на медвѣжьей шкурѣ. Клятвенпреступникъ твердо увѣренъ, что ему не миновать желѣзныхъ объятій медвѣдя, поэтому онъ боится уходить далеко въ лѣсъ и живетъ подъ страхомъ наказанія.

Молитвы инородцевъ очень простыя: „Золотой богъ, мать и отецъ, мнѣ звѣря пошли“. Вотъ и все, о чемъ просить остякъ.

Представленія о загробной жизни у остяковъ тоже смутны и первобытны. Они предполагаютъ, что человекъ послѣ смерти будетъ нуждаться въ тѣхъ же предметахъ, которые ему необходимы и въ земной жизни. Думая такъ, остяки кладутъ въ гробъ къ своимъ покойникамъ одежду, охотничьи принадлежности, лыжи, чайникъ, пищу, даже „обласокъ“, т.-е. челнокъ, на тотъ случай, если покойникъ вздумаетъ вернуться къ своимъ живымъ родственникамъ. Всѣ эти вещи кладутся самаго хорошаго качества. Дѣти страшно боятся, что ихъ отцамъ будетъ неудобно путешествовать на томъ свѣтѣ и они за это отомстятъ оставшимся въ живыхъ, потому что тамъ ничего уже нельзя будетъ купить, и купцовъ не встрѣтишь. Чтобы покойникамъ легче было пробираться чрезъ горы и чащи, имъ на грудь кладутъ ногти, обстриженные при жизни. Эти языческіе обряды исполняютъ даже тѣ остяки, которые постоянно живутъ около русскихъ и по внѣшности стали какъ будто совсѣмъ настоящими христианами.

Вогулы и остяки считаютъ вышаго бога недоступнымъ для себя, поэтому они въ своихъ молитвахъ-жертвоприношеніяхъ обращаются къ меньшимъ богамъ, духамъ. Этыхъ духовъ множество; всѣ они живутъ на землѣ повсюду, и въ животныхъ, и въ деревьяхъ, и въ камняхъ. Поэтому остяки устраиваютъ свои моленья предъ животными, деревьями и сдѣланными идолами въ священнхъ мѣстахъ. Мѣста своихъ молитвъ они стараются скрывать отъ русскихъ. На святыя предметы, напримѣръ, деревья, навѣшиваютъ цвѣтныя тряпочки, кладутся монеты, чай и проч. Предъ ними убиваютъ оленей, лошадей и съѣ-

даютъ ихъ мясо тутъ же послѣ жертвоприношенія. Остятскія моленья и жертвоприношенія бываютъ очень часто; они молятся, собираясь вмѣстѣ нѣсколькими семьями и порознь. Во время общественныхъ служеній своимъ духамъ остяки стараются узнать, хороши ли будутъ промыслы, или въ чемъ заключается причина ихъ неудачъ и несчастій. Предъ началомъ охоты и промысла приносятъ жертвы тѣмъ духамъ, которые хозяйничаютъ въ лѣсахъ и рѣкахъ; эти жертвы могутъ быть не только убитымъ звѣремъ, но и тряпками, водкой и проч. Остякъ, не принесшій ничего въ даръ, съ опаской идетъ на промыселъ: онъ увѣренъ, что его ожидаетъ не только неудача, но даже гибель. Иногда мастерятъ изъ соломы чучело и сжигаютъ его, обливая предъ сожженіемъ водкой; соломенная кукла считается ангеломъ, который въ видѣ дыма взлетитъ на небо, и тамъ у бога будетъ просить удачи бѣднымъ, обиженнымъ остякамъ. Всѣ обряды и моленья сопровождаются пьянствомъ, которое не только не считается порокомъ, но даже смерть въ пьяномъ видѣ, по ихъ понятіямъ, самая блаженная смерть.

Самымъ главнымъ лицомъ въ языческой религіи и въ ея обрядахъ является шаманъ. Этотъ человѣкъ исполняетъ дѣло священника, и вмѣстѣ съ этимъ остяки считаютъ его святымъ, который только одинъ можетъ имѣть сношеніе съ загробными духами. Шаманъ—и колдунъ и врачъ; къ нему обращаются, когда нужно узнать причину несчастья или пропажи какой-нибудь вещи, когда надо вылѣчить больного. Съ шаманомъ постоянно имѣютъ дѣло и язычники и крещеные инородцы. Даже русское населеніе обращается иногда за

помощью къ шаману. Шаманами бываютъ не только мужчины, но и женщины. Всѣ эти жрецы такъ же плохо понимаютъ свою вѣру, какъ и простые остяки.

Свои обряды и молитвы шаманъ совершаетъ подь музыку, съ пѣніемъ и пляской. Въ избѣ, почти среди полной темноты, онъ долго сидитъ на полу, на бѣлой оленьей кожѣ и неподвижно, безмолвно молится. Почти всегда предъ молитвой шаманъ съѣдаетъ сушеный мухоморъ, который его одурманиваетъ. Остяки и самъ шаманъ воображаютъ, что это сходить сила небесныхъ духовъ. Потомъ совершенно тушатъ огонь и среди жуткаго ожиданья, съ какимъ инородцы благоговѣнно ждутъ окончанія церемоніи, раздается музыка шамана. Онъ сначала тихо и пѣжно наигрываетъ легкую дробь на бубнѣ, точно комаръ жужжитъ. Но потомъ все громче и нервнѣе. Дробь растетъ и уже шумитъ какъ буря, раскатывается громомъ, сливается въ одинъ гулъ съ бубенчиками, которые звейятъ не умолкая. Среди этого шума и треска пронзительно кричитъ шаманъ, подражая чайкамъ, воронамъ и другимъ дикимъ птицамъ. Нѣсколько разъ шаманъ свои заклинанья начинаетъ сначала, пока ему покажется, что духъ на него снизошелъ. Тогда шаманъ вскакиваетъ и танцуетъ по юртѣ среди всѣхъ молящихся инородцевъ, при свѣтѣ вновь раздутаго костра. Онъ прыгаетъ и кривляется, громко поетъ и безъ-устали бьетъ въ бубенъ; по его лицу проходятъ судороги, изъ перекошеннаго рта бѣжитъ пѣна. Остяки увѣрены, что такимъ образомъ на шамана сходятъ небесные духи, что они сообщаютъ ему все, что нужно: какія причины вызвали болѣзнь, какія жертвы нужны бо-

гамъ, чтобы избавиться отъ несчастья. Остятскій шаманъ поетъ въ заклинаніяхъ о томъ, что онъ съ помощью опущенной съ неба веревки подымается туда; звѣзды, которыя ему заграждаютъ путь, онъ отстраняетъ; на небѣ шаманъ плаваетъ въ лодкѣ и на ней же потомъ спускается по рѣчкѣ на землю съ такою быстротой, что вихрь пронзаетъ его насквозь; затѣмъ, съ помощью крылатыхъ дьяволовъ онъ опускается подъ землю и вступаетъ въ переговоры съ мрачнымъ духомъ „Ама“—съ матерью шамановъ и устраиваетъ такимъ образомъ людское благополучіе, здоровье и прочее.

Такъ какъ сибиряки и сами подчасъ прибѣгаютъ къ помощи шамановъ, то въ Западной Сибири русскіе нисколько не презираютъ остяковъ за ихъ язычество. Зато остяки искренно считаютъ себя „христіанами“ и сосѣднихъ восточныхъ инородцевъ тунгузовъ считаютъ „нехристіями“ и „дикими“, относясь къ нимъ съ открытымъ презрѣніемъ.

Шаманство и почитаніе медвѣдя развито среди всѣхъ инородцевъ-язычниковъ не только Западной, но и Восточной Сибири. Но, несмотря на почтеніе и страхъ, съ которымъ относятся къ медвѣжьей породѣ, ее всѣ безжалостно избиваютъ и думаютъ, что этимъ творятъ волю своихъ боговъ.

Если внутри медвѣдя отыщется клубокъ волосъ, думаютъ инородцы, значитъ, онъ задралъ человѣка и за это всю тушу, вмѣстѣ со шкурой, надобно сжечь. Убивъ медвѣдя, инородцы приносятъ ему жертву, устраиваютъ вокругъ пляску, подражая его движеньямъ. Этотъ „праздникъ медвѣдя“ существуетъ у всѣхъ инородцевъ. Шкура

убитаго звѣря высоко цѣнятся и сохраняется съ почтеніемъ.

Жизнь остяцкая такая же простая и бѣдная, какъ и вѣра. Съ виду остяки очень некрасивы: сутуловатые, низкорослые, тщедушные, съ маленькими ногами и длинными руками. Они очень блѣдны и слабосильны, точно заморены. Носы у остяковъ маленькіе и широкіе, глаза узкіе; выраженіе лица какое-то задумчивое; съ головы космами спускаются черные, жесткіе, всегда нечесанные волосы; такія же космы разсыпаны по плечамъ. Борода и усы не растутъ, а если покажется чахлая растительность, то ее обыкновенно выщипываютъ. Всѣ они страшно грязны и почти никогда не умываются. Женщины еще неопрятнѣе мужчинъ и лицомъ на нихъ очень похожи; въ зимнихъ костюмахъ, когда остяки съ головы до ногъ закутаны въ шкуры и видно только одно лицо, мужчину трудно отличить отъ женщины. Не только сами остяки, но даже ихъ лошади, которыхъ вообще они держатъ очень рѣдко, малы и слабосильны, точно игрушечныя. Ледъ, который свободно выдерживаетъ остяка и его лошадку, трескается подъ русскимъ человекомъ.

Остяки—народъ не только слабый, но и вялый, неподвижный. Но когда русскіе брали къ себѣ остяцкихъ дѣтей, кормили, поили и одѣвали ихъ какъ слѣдуетъ, то маленькіе остяки крѣпли, поправлялись и становились живыми ребятишками. Возвращаясь домой, они снова худѣли и превращались въ обыкновенныхъ безсильныхъ остяковъ.

Жилища остяковъ очень грязны и бѣдны. Они похожи на хижины вогуловъ, и такъ же, какъ у

нихъ, называются юртами. Остяки ставятъ свои поселки въ 3—4 хижины на возвышенныхъ мѣстахъ и ярахъ, гдѣ не опасно наводненіе. Зимнія юрты бревенчатыя, крытыя дерномъ или деревомъ. Внутри устроены нары и при входѣ въ углу, обмазанномъ глиной, примостился очагъ— „чуволь“; отъ него подъ потолокъ идетъ прямая желѣзная труба, чрезъ которую, въ отверстіе въ крышѣ улетаетъ дымъ; дыра на крышѣ закрывается кускомъ дерна. Полъ земляной, иногда деревянный. Въ стѣнахъ продѣланы маленькія окна, затянутыя пузыряремъ или вставленными кусками льда. Лѣтнія юрты строятъ изъ жердей, покрывая ихъ берестой, оставляя вверху дыру для выхода дыма. Во время рыбной ловли на низкомъ, ровномъ рѣчномъ берегу, какъ тамъ называютъ, на „пескахъ“, остяки ставятъ легкіе шалаши, закрывая ихъ берестянымъ навѣсомъ съ одной стороны. Эти рыболовныя пристанища имѣютъ совсѣмъ нищенскій видъ.

На деревянныхъ крюкахъ на огонь въ чуволь подвѣшивается жестяная или глиняная посуда для варки пици. Ъдятъ остяки, главнымъ образомъ, сырую и вареную рыбу, сырое мясо убитыхъ животныхъ, похлебку изъ муки, жира и мяса, ржаныя лепешки, пьютъ чай. Мука всегда покушая.

Лепешки, напимѣръ, пекутъ слѣдующимъ образомъ: остячка на голой колѣнкѣ, прямо на немытомъ тѣлѣ, начинаетъ мѣсить прѣсное тѣсто; каждую лепешку она приклеиваетъ слюнями къ деревянной лопаточкѣ, которую ставятъ надъ огнемъ очага. Когда тѣсто начинаетъ пузыриться, повариха, поплеывая на руки, приглаживаетъ лепешку. Во время стряпни остячка тѣми же

руками продолжаетъ ковыряться въ головѣ, вылавливаетъ оттуда насѣкомыхъ и сжигаетъ ихъ въ очагѣ.

Въ жильѣ стоитъ вонищій воздухъ и страшная грязь. Пища часто бываетъ испорченная. Бѣднымъ, голоднымъ остякамъ не приходится выбирать, и чтобы не умереть съ голоду, онъ радъ даже гнилой пищѣ. Въ Сургутѣ русскіе выбрасываютъ порченную рыбу за городъ, остяки же ее подбираютъ и съѣдаютъ. Мясо такъ же, какъ и рыбу, часто ѣдятъ сырымъ. Они очень долго могутъ терпѣть голодъ, но когда добираются, наконецъ, до пищи, то умѣютъ наѣдаться такъ, что дышать силъ не хватаетъ. Голодъ среди остяковъ царствуетъ постоянно, но иногда онъ бываетъ особенно сильнымъ. Напримѣръ, лѣтъ 12 тому назадъ остяки вымирали сразу сотнями.

Одѣваются они очень плохо, или добывая себѣ одежду у русскихъ, или сшивая ее изъ бѣличьихъ и оленьихъ шкуръ. Путешественники рассказываютъ, что остяки ходятъ прямо въ лохмотьяхъ.

Вообще остяки неумѣлы и нехозяйственны. Совсѣмъ взрослые дѣти, неумѣющія заботиться о своихъ выгодахъ. Въ послѣднее время жители нѣкоторыхъ остяцкихъ поселковъ, стоящихъ недалеко отъ русскихъ, начинаютъ подражать ихъ нравамъ. Остяки перенимаютъ русскую одежду изъ привознаго фабричнаго товара, строятъ свои избы по нашему образцу. Пиджаки, жилеты и брюки на выпускъ такъ и пестрятъ на инородцахъ. Кое-гдѣ по праздникамъ даже слышны звуки гармоники. Нѣкоторые хозяйственные остяки ставятъ амбары для запасовъ и снастей, строя ихъ на высокихъ столбахъ, чтобы защитить отъ звѣрей.

Въ дикихъ и пустынныхъ краяхъ, гдѣ живутъ остяки, не легко чему-нибудь научиться. Многіе русскіе совсѣмъ не стараются помочь бѣднымъ остякамъ. Имъ даже выгодно, что инородцы ничѣмъ, кромѣ охоты зимой и рыбной ловли и кедроваго промысла лѣтомъ, заниматься не приспособлены. Остяки неумѣлы и темны во всемъ. Лѣчатся, напр., они, смазывая жиромъ убитаго оленя больныя мѣста, или же шаманъ прикладываетъ къ нимъ свой ротъ и дѣлаетъ видъ, будто вытаскиваетъ что-то зубами, иногда даже вынимаетъ червя, кишку или жилу, что должно изображать вытащенную изъ человѣка болѣзнь.

У этихъ инородцевъ нѣтъ своей азбуки. Они очень любятъ пѣть, но бѣдны и однообразны мотивы ихъ пѣсенъ, а слова совсѣмъ дѣтскія. Плыветъ себѣ по рѣкѣ остякъ въ легкомъ, неустойчивомъ обласкѣ, помахиваетъ однимъ весломъ и напѣваетъ:

Лодка моя,
Берегъ мой,
Рѣка моя,
Солнце мое и т. д.

Все, что ни попадаетъ ему на глаза, называетъ своимъ, тянетъ заунывную ноту и счастливъ. Среди сѣверныхъ кочевыхъ остяковъ многіе занимаются разведеніемъ оленей. Эти инородцы—уже совсѣмъ дикій народъ.

При своей убогости остяки, привыкая къ русскимъ обычаямъ, къ ружьямъ, соли и пороху, страшно нуждаются въ привозныхъ товарахъ, которые имъ доставляютъ купцы и скупщики пушнины, орѣховъ и рыбы. При этомъ инородцы отдаютъ свое добро за безцѣнокъ, главнымъ

образомъ, за водку и табакъ. Русскіе стараются навязывать остякамъ самые ненужные предметы, въ родъ украшеній и духовъ, которымъ инородцы совѣмъ и цѣны не знаютъ, но добыть которое невозможно безъ купцовъ. До чего доходятъ при этомъ обманы, видно по слѣдующему разсказу одного скупщика: „Попалъ онъ въ юрту одного остяка, у котораго ломило ноги. Купецъ далъ ему банку десятикопеечной помады и посоветовалъ ею растереть на ночь ноги. Оказалось, что это помогло, т.-е. отъ растирація боль стихла. Обрадованный остякъ сейчасъ же разсказалъ о своемъ лѣченіи всему поселку. И вотъ къ купцу потянулись всѣ мѣстные инородцы съ просьбой дать лѣкарства. Ловкій торговецъ продалъ всѣ свои помады, духи, мыло, пудру и прочее, прописывая этотъ бесполезный матеріалъ отъ всевозможныхъ болѣзней. Такимъ образомъ за свой товаръ цѣною на 1 р. 50 к.—2 р. онъ получилъ съ несчастныхъ, довѣрчивыхъ остяковъ бѣличьихъ шкуръ на 150 р.“

Скупщики запутываютъ остяковъ въ долгахъ, закупаая впередъ всю будущую пушнину и рыбу. Инородецъ поневолѣ подчиняется тѣмъ цѣнамъ, которыя установилъ купецъ, потому что ему некуда дѣваться съ его товаромъ. Русскіе охотники и рыболовы тоже находятся въ рукахъ у скупщика, но они свои дѣла поправляютъ на инородцахъ, обманывая ихъ въ свою очередь.

Такимъ образомъ остяки, да и вообще всѣ инородцы, страдаютъ вдвое: и отъ мелкихъ русскихъ промышленниковъ и отъ крупныхъ купцовъ.

Въ торговлѣ никакихъ расписокъ не полагается. Берутъ деревянный обрубокъ и насѣкаютъ на

немъ мѣтки—вотъ и расписка. По такому обрубку имѣють и должникъ и заимодавецъ. Остяки и другіе инородцы были такими честными людьми, что за долги отца уплачивалъ сынъ, внукъ и все его потомство. Не уплатить долга считалось позоромъ и грѣхомъ. Кромѣ долговъ, инородцевъ опутываетъ еще водка. Они такъ научились пить, что уже безъ вина жить не могутъ. На весь Нарымскій край, гдѣ живутъ тысячи остяковъ, непьющихъ считаютъ не больше 60 человѣкъ. Остальные всѣ и мужчины и женщины, даже дѣти, пьютъ и упиваются водкой. Въ маленькомъ городкѣ Сургутѣ, въ какихъ-нибудь полторы тысячи жителей, открыто два винныхъ склада, которые торгуютъ на славу; водочныхъ запасовъ даже не хватаетъ. Купцы вино развозятъ по деревушкамъ и поселкамъ, торгуя имъ, обмѣнивая на товары. Это продѣлываютъ, однако, не только купцы и скупщики, а всякій, кому придется. Вотъ, напр., что рассказываютъ путешественники: идетъ по Оби пароходъ; навстрѣчу въ маленькихъ челнокахъ „обласскахъ“ попадаютъ остяки. Они окружаютъ пароходъ, входятъ на палубу и предлагаютъ повару парохода стерлядей и другую пойманную рыбу. Поварь покупаетъ все за нѣсколько рюмокъ водки. Мѣна не обходится безъ криковъ и толкотни; скоро всѣ остяки пьянѣють, и вслѣдъ уходящему пароходу, съ качающихся на волнахъ челноковъ, несутся пьяныя пѣсни, похожія на вопли.

Остяки не только честны, но и добры. Если у бѣднаго не хватаетъ снастей для рыбной ловли или ружья для охоты, то другіе остяки даютъ на время все необходимое безъ всякаго вознагражденія. Когда пользуются безъ спроса хозяина,

то потомъ отдають ему половину добычи. Остяки очень гостепріимны и весело добродушны. Убійствъ и другихъ преступленій у нихъ бываетъ очень мало, несмотря на то, что водка побуждаетъ людей вообще на драки и другія пьяныя безобразія.

За преступленія остяки строго наказываютъ, потому что считаютъ ихъ наважденіемъ злого духа. Больные и сумасшедшіе совсѣмъ не отвѣчаютъ за свои проступки. Тѣмъ же, кто рѣшился пойти на худое дѣло отъ голода или совершилъ преступленіе нечаянно, прощаютъ. Всѣхъ пьяныхъ и здоровыхъ судятъ и наказываютъ по своимъ обычаямъ; только за убійство караютъ по русскимъ законамъ. Виноватый остякъ своимъ раскаяніемъ и исправленіемъ всегда можетъ заслужить себѣ прощеніе. Вообще же это народъ совсѣмъ не жестокій; его обычаи, нравы и обращеніе другъ съ другомъ очень мягки.

Если въ южной, земледѣльческой полосѣ, гдѣ народу гораздо больше и живутъ, главнымъ образомъ, русскіе, просвѣщеніе стоитъ совсѣмъ плохо, то ужъ здѣсь, въ лѣсныхъ краяхъ, о грамотности населенія почти и говорить не приходится. Ни вогуламъ ни остякамъ недоступно русское чтеніе и письмо, потому что школь совсѣмъ нѣтъ. Кое-гдѣ, куда выслали политическихъ, ссыльные учителя, доктора и студенты пробывали по своему желанію заняться съ инородцами, но эти отдѣльныя попытки считать нельзя; къ тому же и правительство ихъ стѣсняетъ. Вообще же, даже въ существующихъ инородческихъ школахъ, обученіе русскому языку не ладится прежде всего потому, что и остяцкой-то грамоты не существуетъ, нѣтъ остяцкой азбуки.

Потомъ школьное ученіе плохо идетъ оттого, что оно сразу начинается на русскомъ языкѣ, а русскаго языка инородческія дѣти не понимаютъ, никогда дома не слышатъ и привыкнуть къ нему не могутъ. Даже тамъ, гдѣ понемногу остяки справляются съ русскимъ нарѣчіемъ, всей пользы школа не можетъ принести, потому что нѣтъ такихъ книгъ, которыя были бы интересны инородцамъ и пріучили бы ихъ къ чтенію. Въ концѣ - концовъ, инородцы замѣтили, что, даже посылая дѣтей своихъ въ школу, гдѣ она стоитъ близко, имъ отъ этого получается мало пользы.

Вмѣстѣ съ русскимъ языкомъ плохо прививается остякамъ и христіанство потому, что до сихъ поръ, точно 300 лѣтъ тому назадъ, нѣтъ среди инородцевъ хорошихъ русскихъ православныхъ проповѣдниковъ-миссіонеровъ. Священники приходятъ къ остякамъ, не зная ни ихъ языка, ни ихъ правовъ, ни ихъ обычаевъ. Свою проповѣдь ведутъ по-русски, чрезъ малограмотныхъ, темныхъ переводчиковъ, которые сами-то еле разбираютъ русскую рѣчь проповѣдника. Переводчики, конечно, сильно коверкаютъ въ своей передачѣ ученіе Христа. Но даже и такихъ священниковъ совсѣмъ не хватаетъ среди огромныхъ пространствъ лѣсной полосы и вообще всего сѣвернаго края Западной Сибири.

Докторовъ и больницъ совсѣмъ мало. Всевозможныя болѣзни косятъ сибиряковъ тамъ совершенно свободно направо и налево, доставляя инородцамъ, главнымъ образомъ, большія мученія. Охота на мерзломъ воздухѣ, почевки среди снѣговъ и бурановъ,—все это вызываетъ всевозможныя простуды и ревматизмы. Однообразная, жирная и сырая пища разстраиваетъ желудокъ,

засоряеть кишки, способствуетъ заболѣванію глистами и распространяеть цынгу; болотистые урманы насыщаютъ воздухъ мерзлыми испареніями, отчего среди жителей болотистыхъ мѣстъ постоянно бываетъ перемежающаяся лихорадка. Докторовъ такъ немного, что поспѣть вездѣ, гдѣ въ нихъ чувствуютъ нужду, да еще при плохихъ

С. Максимкинъ-Ярь.

дорогахъ, они окончательно не могутъ. Иностранцы не боятся русскихъ врачей и часто сами обращаются за помощью и лѣкарствомъ, если имъ удастся встрѣтиться съ докторомъ. Но чаще поневолѣ лѣчатся у шамановъ, которые часто являются единственными спасителями въ дикихъ урманахъ лѣсной полосы. И не одни иностранцы, а и русскіе подчасъ спрашиваютъ совѣтовъ у язы-

ческих знахарей, а иначе пришлось бы умирать безо всякой помощи. Во время больших заразных заболѣваній люди тамъ мрутъ сотнями, особенно остяки, которые исчезаютъ прямо-таки на глазахъ. Напр., за 50 лѣтъ въ Нарымскомъ краѣ остяцкое населеніе успѣло уменьшиться вдвое. Одинъ путешественникъ натолкнулся на цѣлое становище, изъ котораго бѣжало все населеніе при появленіи оспы, оставивъ на произволь судьбы умирающихъ и больныхъ.

ПОЛОСА ТУНДРЫ.

Тундра зимой и лѣтомъ; растительность, климатъ, почва.

Чѣмъ дальше сквозь густые урманы двигаетесь на сѣверъ, тѣмъ все больше и больше мельчаютъ и лѣсъ. Стволы деревьевъ становятся тоньше, и ихъ вѣтки рѣже и обнаженнѣе; они точно чахнутъ, уменьшаясь въ ростъ. Такъ постепенно густые урманы превращаются въ безлѣсныя, голыя тундры. Переходъ этотъ постепененъ, рѣзкой границы между лѣсомъ и тундрой провести нельзя; по возвышенностямъ и склонамъ еще стоятъ лѣса, а рядомъ на низинахъ уже водворяется тундра. Приблизительною границей можно считать 66⁰ сѣверной широты.

Тундра представляетъ изъ себя огромную, почти плоскую или слегка волнистую болотистую равнину, которая тянется на много верстъ кругомъ и, точно море, сливается на горизонтѣ съ небомъ. Особенно похожа тундра на замерзшее море зимою. Снѣгъ необыкновенной бѣлизны покрываетъ собою всю землю. Онъ засыпалъ и болота, и кочки, и небольшіе холмы съ оврагами, и многочисленныя рѣчки, изрѣзавшія тундру. Кругомъ не видно ни одного чернаго предмета; только бѣлоснѣжный покровъ окуталъ равнину, и неподвижныя, бѣлыя волны снѣга, точно

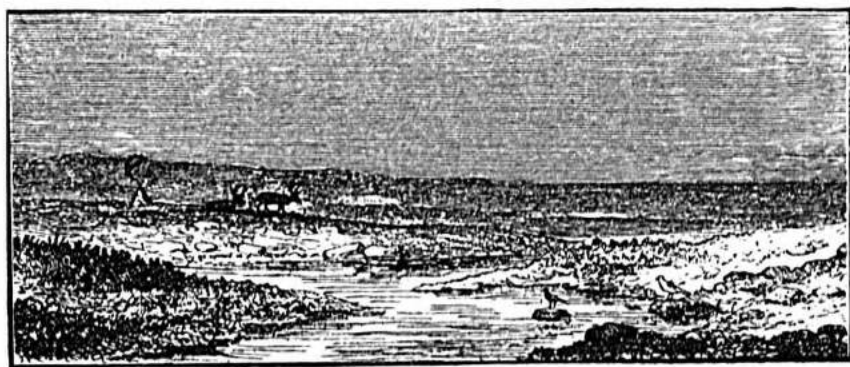
складки савана на исполинскомъ мертвецѣ, залегли по всей тундрѣ. Природа какъ будто умерла, зарывшись въ снѣгъ, погрузившись въ девятимѣсячный сонъ. Царитъ полное безмолвіе, могильная тишина. Животныя забились въ берлоги; рѣки, скрывшись подъ снѣгомъ, стали, часто промерзая до самаго дна. Только воронъ не боится летать въ этомъ морозномъ царствѣ, гдѣ деревья и камни трескаются отъ холода; и когда птица ударяетъ по воздуху своими крыльями, за нею слѣдомъ вьется дымка пара.

Глазъ устааетъ отъ яркой, снѣжной бѣлизны, и негдѣ ему отдохнуть! Цѣлыми сутками можно ѣхать по тундрѣ, не встрѣчая ни жилья, ни куста.

И это однообразное море снѣговъ покрываетъ своимъ лазурнымъ куполомъ бездонное, чистое, нѣжно-голубое, прекрасное небо. На немъ солнце показывается не надолго, едва поднимаясь на горизонтѣ. Косые солнечные лучи чуть ласкаютъ бѣлое одѣяло земли и, отражаясь въ пушистомъ снѣгу, искрятся и сверкаютъ мелкими блестящими.

Ровная тундра, слегка понижаясь, идетъ до самаго Ледовитаго океана и тамъ сливается съ прибрежными льдами, которые заполняютъ собою заливы и заливчики, морского берега Западной Сибири. За $66\frac{1}{2}$ градусомъ сѣверной широты, за сѣвернымъ полярнымъ кругомъ, солнце зимою совсѣмъ не восходитъ, и тогда наступаетъ долгая ночь на 60 сутокъ. Въ эти безконечныя зимнія ночи на небѣ часто играетъ и сверкаетъ разноцвѣтное сіяніе — „сполохъ“. Оно дрожитъ въ небесахъ и волнуется точно живое разными красками, красивыми цвѣтистыми лучами. Исто-

мленные темнотою люди и животныя чувствуютъ какую-то смутную тревогу и ужасъ въ то время, когда небо покрывается лентами, заревомъ и лучами сполоха, то исчезающаго, то вновь вспыхивающаго. Въ зимнюю ночь луна замѣняетъ солнце, а звѣзды сіяютъ особенно ярко и весело играютъ. Въ холодныя ночи кругомъ какъ будто слышенъ чей-то шопотъ или шелестъ листьевъ; его инородцы называютъ „шопотомъ звѣздъ“. За долгою ночью, когда приходитъ лѣто, насту-

Т у н д р а.

пасть почти такой же долгій день, когда солнце совсѣмъ не скрывается съ небосклона.

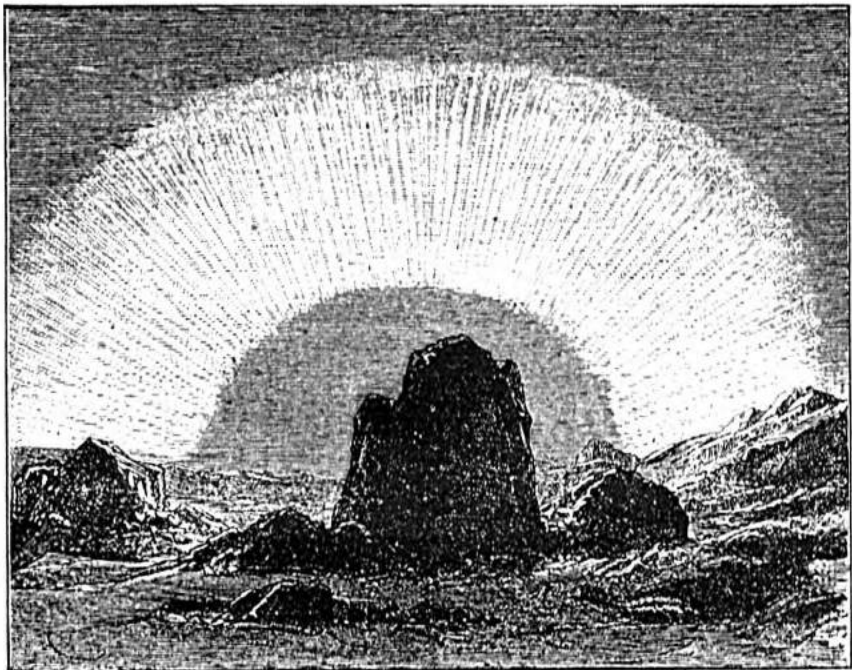
Въ тундрѣ не всегда царствуетъ безмятежный покой, и ея небеса не всегда такъ безоблачны и чисты. Иногда они вдругъ затягиваются темнымъ покровомъ сплошныхъ тучъ; налетитъ могучій вѣтеръ и съ ревомъ закрутитъ клубы мелкой снѣжной пыли. Несется она вьюгой по безграничному простору тундры, все застилаетъ вокругъ, скрываетъ свѣтъ. Милліоны снѣжинокъ обжигаютъ лицо своимъ холодомъ, впиваются въ кожу, колятъ, душатъ, ледянятъ въ жилахъ кровь.

Бури царятъ въ этомъ снѣговомъ просторѣ, поютъ свои пронзительныя пѣсни, все заматаютъ на своемъ пути и несутъ за собою смерть. Тогда людямъ нѣтъ спасенія, и развѣ только случайно человѣкъ сохранитъ свою жизнь и выберется цѣлымъ изъ этого ада, холоднаго и непрогляднаго, какъ темная ночь. Наши степные бураны не такъ ужасны, какъ эта „пурга“ тундры. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ она своимъ ледянымъ дыханіемъ пронесется надъ землею, весь снѣжный покровъ мѣняетъ свой видъ. Тундра становится еще больше похожей на взволнованное и застывшее море. Снѣжные сугробы, называющіеся здѣсь „заструги“, напоминаютъ волны. Эти гребни образуются отъ самыхъ маленькихъ препятствій, отъ подснѣжной кочки, отъ комка глины, даже отъ вѣтки. Заструги располагаются по направленію вѣтра.

На лѣто тундра мѣняетъ свой видъ. Снѣгъ стаиваетъ и ручьями стекаетъ въ рѣчки; въ плоской равнинѣ остаются болота и мелкія озерки, которыхъ въ тундрѣ столько, „сколько звѣздъ на небѣ“, какъ говорятъ объ нихъ инородцы. Болота покрыты мхомъ, который дрожитъ и колеблется подъ ногами, и снизу изъ-подъ него выступаетъ вода. Болотца и озерки точно осколки свѣтлаго зеркала какъ попало разбросаны между кочекъ, между грязно-зеленыхъ, желтыхъ и бѣлыхъ мховъ, осокъ и лишайевъ. Рѣдко возвышаются холмики, и тамъ и сямъ на кочкахъ и возвышенныхъ мѣстахъ темнѣетъ верескъ брусники, голубики, морошки, черники и вороньей ягоды.

Характерная черта тундры—это ея безлѣсье; только стелются по землѣ, скрываясь отъ холод-

ныхъ морскихъ вѣтровъ, точно кустарникъ, маленькія, карликовыя деревья ивы. Кусты ея по рѣчнымъ долинамъ забираются далеко на сѣверъ. Эти маленькія деревья-вѣточки имѣютъ уродливый видъ. Ихъ корни едва могутъ проникнуть въ верхній, тонкій слой земли, который успѣетъ оттаять за короткое лѣто; часто корни несчастной,

Сѣверное сіяніе.

но живучей ивы только ползутъ по поверхности, едва за нее цѣпляясь и чуть прикрываясь мхомъ.

Западно-сибирская тундра, лишняя стока, изобилуетъ влагой. Вода застаивается на поверхности и пропитываетъ собою всю почву тундры. Сырость поощряетъ сильнѣйшее развитіе торфяника. Почти вся западно-сибирская тундра

имѣеть болотистый характеръ, и лишь мѣстами встрѣчается глинистая тундра, одѣтая тонкимъ слоемъ торфяника, при чемъ на возвышенныхъ мѣстахъ глина или песокъ выступаютъ изъ торфяника въ родѣ лысинъ и пятенъ.

Тундра оттаиваетъ за лѣто на очень небольшую глубину: на югѣ аршина на два, а къ сѣверу на полтора, одинъ и даже на полъ-аршина. Близость грунтовыхъ водъ и вѣчно мерзлаго слоя земли мѣшаютъ росту деревьевъ, но не уничтожаютъ, однако, совсѣмъ возможности растительной жизни.

Въ короткій лѣтній промежутокъ само растеніе, его корни и верхній почвенный слой земли нагрѣваются гораздо больше, чѣмъ воздухъ. Благодаря этому нагрѣванію возможно существованіе растеній и деревьевъ. ✕ Вегетаціонный періодъ въ тундрѣ продолжается отъ 6 до 8 недѣль.

Лѣтомъ, пользуясь непрерывнымъ солнечнымъ свѣтомъ, сѣверныя растенія живутъ торопливою жизнью.

Холодное дыханіе Ледовитаго океана, сильныя морозы, короткое лѣто, сырость почвы, — всѣ эти неблагоприятныя условія тундры отразились на ея растительности.

Сѣверныя растенія отличаются очень короткими корнями, умѣщающимися въ тонкомъ отогрѣваемомъ за лѣто слоеъ земли, и невысокимъ ростомъ. Стволы деревьевъ, проникшихъ по прирѣчнымъ уваламъ въ предѣлы тундры или растущихъ на границѣ ея съ лѣсной полосой, мелки, худосочны, хрупки, бѣдны хвоей и листовою, вѣтки сидятъ почти у самой земли, точно стелются по ней; стволы часто лишены коры. Въ весенніе дни, когда верхъ дерева оттаиваетъ,

главный стволъ и корни все еще находятся во власти мерзлой земли. И ель, и лиственница, и береза, всѣ эти породы, попадая въ тундру, становятся одинаково уродливыми. Не только отдѣльные деревья, но даже лѣса, подверженные ея вліянію, прилегающіе къ ней отъ со-сѣдной полосы, носятъ на себѣ печать мертвящаго холода и убивающей сырости тундры. Лѣса эти рѣдки, съ постоянными прогалинами, мало покрыты зеленью, съ обнаженными вѣтвями и верхушками; на стволахъ, точно болячки, пестрятъ наросты моха; они совсѣмъ не даютъ тѣни, и надъ головой всегда видно небо.

Тонкій слой земли, оттаивающій за лѣтній промежутокъ, дѣлается еще тоньше отъ заболачивания почвы. Со стороны болотистой тундры, по лѣснымъ опушкамъ, появляется осока и нѣкоторыя другія растенія съ густыми низко растущими листьями. Они прекрасно впитываютъ воздушную влагу и дѣлаютъ окружающую почву сырой, удобной для торфа. Здѣсь быстро зарастаетъ мохъ, морошка, гонобболь, клюква и другія растенія, образующія торфяной покровъ. Торфъ полученную изъ воздуха влагу отдаетъ почвѣ, окончательно ее заболачивая. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ плохо пропускаетъ тепло, и въ короткое лѣто земля отогрѣвается подъ этимъ торфянымъ покровомъ на еще болѣе тонкій слой; корнямъ негдѣ помѣститься, и деревья гибнуть. Съ сѣвера же на ихъ мѣсто надвигается тундра, покрывая торфомъ стволы и пни погибшихъ елей и березъ. Лѣсъ, надвигаясь на степи, самъ отступаетъ предъ тундрой.

Область тундры начинается за 64 градусомъ сѣверной широты, занимая сѣверныя части Берс-

зовскаго и Сургутскаго округовъ версть на 200—300 отъ берега Ледовитаго океана. Эти края изучены еще меньше, чѣмъ лѣсная полоса. За температурой правильно слѣдили, главнымъ образомъ, въ южныхъ частяхъ тундры, но уже по этимъ наблюденіямъ видно, что полоса тундры— край очень суровый. Средняя температура за зиму 23° холоду. Лѣтомъ въ самые хорошіе дни никогда не бываетъ больше 18° тепла, а зимой, въ самые холодные, морозъ доходитъ до 35 и даже 40 градусовъ. Чѣмъ дальше на востокъ и и сѣверъ, тѣмъ суровѣе и длиннѣе становится зима. Въ Березовѣ, въ южной части тундровой полосы, растительный періодъ продолжается въ теченіе 5 мѣсяцевъ, и температура его едва превосходитъ $+9^{\circ}$. На крайнемъ сѣверѣ лѣто, осень и весна продолжаются всего 2 — 3 мѣсяца. А остальное время года стоитъ зима. Въ городѣ Обдорскѣ сорокаградусные морозы — самое обычное дѣло, такъ что на нихъ никто и вниманія не обращаетъ; отъ стужи мерзнетъ ртуть и вино. Лѣтомъ въ этомъ городѣ дней теплѣе 12 градусовъ не бываетъ, но и эта температура считается рѣдкостью.

Самый сѣверный, суровый и пустынный край тундровой полосы — полуостровъ Ялмалъ. Онъ лежитъ между Карскимъ моремъ и Обской губой; Ялмалъ—пространство огромной величины, почти со всю Польшу. Полуостровъ заходитъ за 70° сѣверной широты.

Здѣсь немислимо никакое земледѣліе. Огородничествомъ кое-какъ занимаются только по южнымъ границамъ тундры. Не только деревья и хлѣба, но и трава не растетъ въ этомъ царствѣ мховъ и лишаяевъ.

2) Животныя тундры: олень и собака; рыбы и рыбные промыслы; скупщики и торговля.

Бѣдная растеніями тундра не блещетъ и разнообразіемъ животныхъ. Суровый климатъ съ длинными зимами, совсѣмъ не благопріятствуетъ существованію звѣрей и птицъ; кормъ для нихъ плохой, нѣтъ травъ, почти совсѣмъ нѣтъ и насѣкомыхъ; отъ пронзительныхъ вѣтровъ некуда скрыться. Водятся только такія животныя, которыя привыкли къ самымъ сѣвернымъ, полярнымъ странамъ. Изъ крупныхъ звѣрей выживаетъ бѣлый медвѣдь. Толстый слой жира, вмѣстѣ съ густымъ мѣхомъ шкуры, защищаетъ его отъ сорокаградусныхъ морозовъ. Бѣлый сѣверный медвѣдь чувствуетъ себя привольно на ледяныхъ пространствахъ полярнаго океана. Онъ плаваетъ и ныряетъ за рыбой, ловко и быстро схватывая ее подъ водой. Море кормитъ бѣлыхъ медвѣдей, и переходя съ плавучихъ льдинъ на берега тундры, они постоянно держатся вблизи воды. Это—самые сѣверные обитатели среди всѣхъ сибирскихъ животныхъ.

Въ тундрѣ, и на югѣ и на сѣверѣ, водятся еще песецъ, сѣверный олень и сѣверный заяцъ. Хотя олень и заяцъ постепенно забираются въ урманы лѣсной полосы, но ихъ настоящее обиталище—это тундра. Жиромъ и пушистою шерстью они защищены отъ ея суроваго климата.

Мѣстные обитатели—инородцы охотятся за всѣми этими животными; самый важный промыселъ—это охота за песцомъ, шкура котораго цѣнится дорого. Этого маленькаго звѣрька стараются

поймать всевозможными капканами и ловушками. Молодыхъ песцовъ прямо вырываютъ изъ норокъ. Теперь уже мало осталось этихъ животныхъ въ тундрахъ Западной Сибири, а самый дорогой песецъ, дымчатый, котораго называютъ голубымъ, попадается совсѣмъ рѣдко. Ловушками же и капканами ловятъ и зайцевъ. Охотясь на оленей, инородцы пользуются, такъ же какъ и въ лѣсной полосѣ, ихъ переходомъ на лѣто въ тундру, а на зиму—въ ея лѣсные, южные края и тайгу; въ лѣсахъ олени зимою скрываются отъ ледянящихъ сѣверныхъ вѣтровъ, а въ тундрѣ лѣтомъ—отъ гнуса. Вообще приемы охоты у всѣхъ западно-сибирскихъ охотниковъ - инородцевъ и даже у русскихъ для каждаго звѣря одинаковы въ разныхъ мѣстахъ, какъ бы они ни были удалены одно отъ другого.

Но гораздо важнѣе охоты для инородцевъ дальняго сѣвера разведеніе оленей, какъ домашнихъ животныхъ. Прекрасно выживающій въ тундрѣ, сѣверный олень незамѣнимъ въ тѣхъ краяхъ для человѣка. На оленяхъ ѣздятъ, запрягая ихъ въ легкія санки на высокихъ и узкихъ березовыхъ полозьяхъ, загнутыхъ спереди. Такія санки называются „нарты“. Оленей впрягаютъ въ нихъ одного за другимъ, „гусемъ“, по нѣскольку штукъ; ѣздокъ управляетъ переднимъ животнымъ съ помощью вожжей, протянутыхъ по лѣвой сторонѣ оленей, и подгоняетъ ихъ всѣхъ длинной, гладкой палкой съ небольшимъ набалдашникомъ на концѣ. Концы вожжей привязаны къ костянымъ дощечкамъ, давящимъ на щеки животного. Олени бѣгаютъ необыкновенно быстро, проѣзжая по хорошей дорогѣ въ сутки верстъ 150 и даже 200. Но олени не особенно

сильны, и люди стараются не нагружать нарты тяжелой кладью; даже при очень хорошей дороге больше шести пудовъ въ сани обыкновенно не кладутъ. Оленей приучаютъ ходить и подь сѣдломъ или выюкомъ пуда въ три, въ четыре.

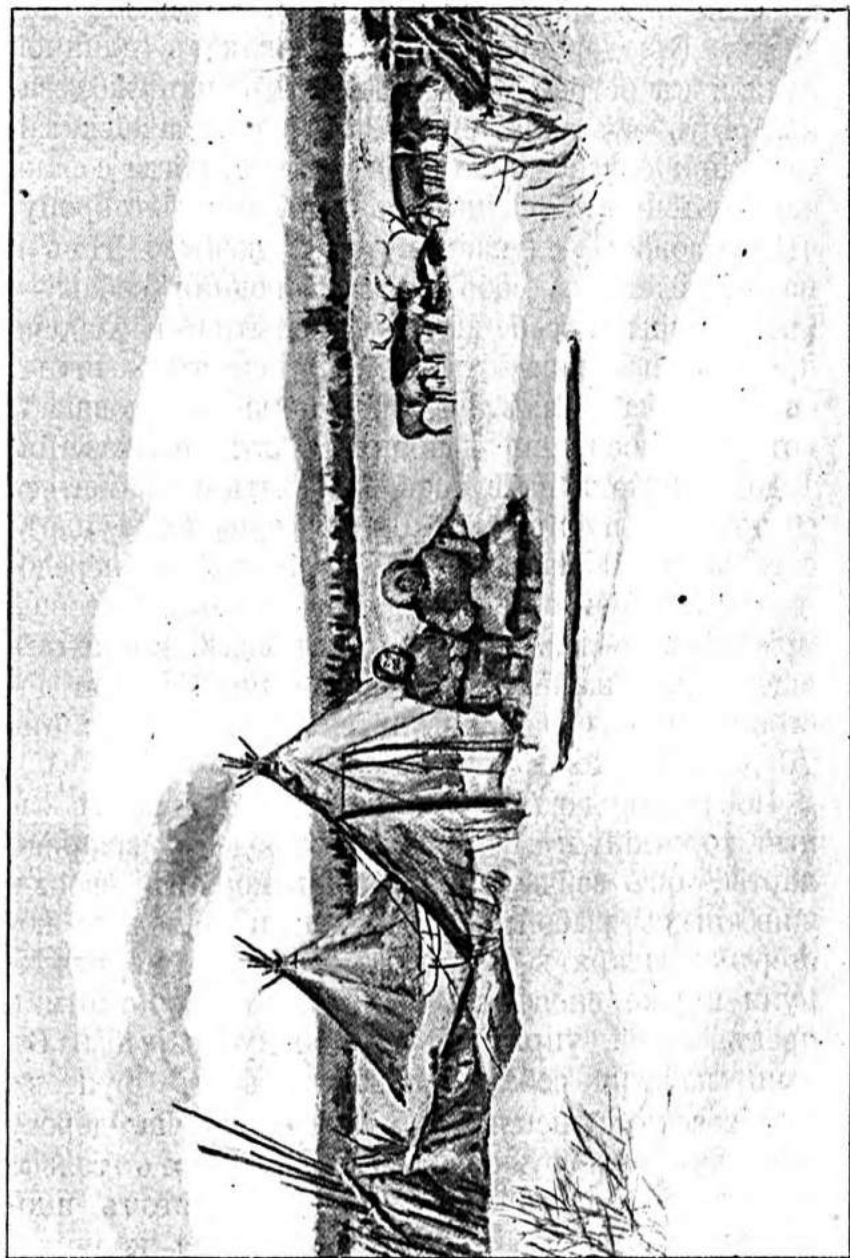
Это неприхотливое и невзыскательное животное ѣсть что попало: олений мохъ, траву, ягоды, грибы, даже древесный мохъ. На зиму оленямъ не дѣлаютъ никакихъ заготовокъ; они сами отыскиваютъ себѣ подь снѣгомъ кормъ, и на мерзлой тундрѣ пасутся такъ же свободно, какъ нашъ русскій скотъ на лугу. Олень вообще не требуетъ за собой никакого ухода; только лѣтомъ онъ начинаетъ сильно страдать отъ оводовъ, которые водятся въ Сибири повсюду вмѣстѣ съ другимъ „гнусомъ“. Оводъ кладетъ свои яички въ разѣденную кожу животного и причиняетъ ему такимъ образомъ нестерпимую боль; несмотря на то, что лѣтомъ кормъ питательнѣе и многочисленнѣе, олень за это время теряетъ аппетитъ и худѣетъ.

Лѣтомъ оленей стараются перегонять къ сѣверу на полуостровъ Ялмалъ, гдѣ отъ суроваго климата даже „гнусъ“ уменьшается въ числѣ и не такъ назойливъ. Животныя, спасаясь отъ оводовъ, постоянно держатся невдалекѣ отъ дымокуровъ челоуѣка или залѣзаютъ по горло въ воду, боясь изъ нея показаться. Ранней весной олени стада держатся около лѣсныхъ опушекъ. Въ тундрѣ еще холодно, а въ лѣсахъ ледяная кора слегка подтаявшаго снѣга мѣшаетъ животнымъ свободно двигаться, ломаясь подь ударами копытъ. Русскіе, захватывая лѣсныя опушки и лишая инородцевъ весенняго приюта для оленей, наносятъ оленеводству огромный вредъ.

Олени выживаютъ до двадцати лѣтъ. Въ послѣднее время они начали страдать различными болѣзнями и гибнуть отъ нихъ; воспаленіе селезенки, нагноеніе копытъ, воспаленіе легкихъ—теперь постоянно мучатъ домашнихъ оленей. Оленье мясо и жиръ инородцы употребляютъ въ пищу; изъ шкуръ шьютъ одежду или кроютъ ими, соединяя по нѣскольку штукъ вмѣстѣ, свои жилища. Инородцы оленей держатъ табунами, и по количеству головъ скота судятъ о богатствѣ ихъ владѣльца; олени же служатъ вмѣсто денегъ для расплаты при торговлѣ у сѣверныхъ сибиряковъ-оленеводовъ.

Есть въ тундрѣ еще одно домашнее животное, выживающее среди холода и мрака около чело-вѣка вмѣстѣ съ оленемъ. Это—собака; она въ высшей степени полезна въ бѣдномъ хозяйствѣ инородца.

Полярная собака совсѣмъ особой породы. Она небольшого роста съ густой, пушистой шерстью и пушистымъ хвостомъ. Морда у нея маленькая и острая, а на затылкѣ торчатъ стоймя заостренныя, мохнатая ушки. Это животное замѣчательно умно, еще смѣтливѣе, чѣмъ обыкновенные псы, послушно и выносливо. За собаками такъ же, какъ и за оленями, ухода совсѣмъ немного. Ихъ употребляютъ, главнымъ образомъ, на упряжку для перевозки домашняго скарба. Нарты, въ которыя впрягаютъ собакъ, особенно легкія, не тяжелѣе двадцати фунтовъ; ихъ дѣлаютъ изъ коры и березовыхъ тонкихъ брусевъ, перевязанныхъ между собою ремнями. Нѣсколько штукъ животныхъ, привязанныхъ попарно за ошейники къ длинному, толстому кожаному ремню, пробѣгаютъ съ нартами въ сутки верстъ 200. Въ сани

Самойдскіе чумы изъ оленьихъ шкуръ.

обыкновенно впрягаютъ штукъ десять собакъ, но если они нагружены тяжело, то и шестнадцать. Въ дорогѣ ѣздокъ управляетъ длинной палкой съ острымъ наконечникомъ изъ желѣза, которымъ онъ упирается въ землю, задерживая сани при спускахъ или поворотахъ, когда собаки ошибаются и сворачиваютъ съ дороги въ сторону, что, положимъ, случается рѣдко; вожжей нѣтъ и нарты ведетъ за собой одна передняя собака— „передовикъ“, особенно умная, опытная и хорошо приученная повиноваться голосу своего хозяина, сидящаго на саняхъ. Покрикивая на „передовика“, который послушно исполняетъ эти приказанія, ѣздокъ можетъ себѣ спокойно ѣхать и не бояться сбиться съ пути въ глухой, бездорожной тундрѣ; остальные собаки покорно слѣдуютъ за передовикомъ. Обученное передовое животное вообще приучаетъ собакъ ходить въ упряжкѣ, когда онѣ еще только начинаютъ возить сани. За свои достоинства передовики цѣнятся очень дорого: отъ 70 до 100 рублей штука.

Послѣ каждаго перегона собакамъ нуженъ самый короткій отдыхъ. Едва инородецъ распрягъ нарты, онъ сейчасъ же можетъ кормить своихъ животныхъ рыбой; а пока люди наладятъ костеръ и заварятъ чай, собаки совершенно отдохнули и уже снова готовы въ путь, проглотивъ предъ самой упряжкой еще по куску рыбы. Въ день каждая собака должна съѣсть фунтовъ семь-восемь сушеной рыбы, поэтому на дорогу приходится нагружать нѣсколько нартъ только однимъ собачьимъ кормомъ. Зато лѣтомъ инородцы своихъ собакъ совершенно не кормятъ, предоставляя ихъ собственной находчивости и умѣнію отыскивать себѣ пищу. Въ это время

собаки питаются рыбой, выброшенной на берегъ, ловятъ мышей и даже птицъ. Своимъ хозяевамъ животное, однако, служить и лѣтомъ, таща вдоль берега на лямкѣ нагруженный челнокъ, въ которомъ сидитъ и покрикиваетъ инородецъ.

Чутье и нюхъ у полярныхъ собакъ совершенно особенныя; во время пути, когда кругомъ ни зги не видно даже днемъ, и человѣкъ теряетъ всякую способность соображать, гдѣ онъ и куда надо ѣхать, только передовыя собаки чутьемъ угадываютъ, гдѣ можно найти спасенье себѣ и людямъ. Обыкновенно, конечно, стараются въ бурю не выѣзжать.

Бздовыя сѣверныя собаки никогда не лаютъ, а только воютъ. Въ долгія зимнія ночи привязанныя къ веревкѣ, съ двухъ сторонъ прикрѣпленной къ столбамъ, они подымаютъ такой дикій вой и ревъ, что жутко становится на душѣ отъ этихъ печальныхъ, зловѣщихъ звуковъ, нарушающихъ могильное молчаніе уснувшей тундры.

Количество полярныхъ собакъ все уменьшается. Повальные болѣзни губятъ ихъ такъ же безжалостно, какъ и оленей, потому что инородцы не умѣютъ бороться съ заразой и лѣчить заболѣвшихъ животныхъ. Особенно много ихъдохнетъ отъ брюшного тифа.

Только благодаря оленю и собакѣ далекая, пустынная тундра, такая негостепріимная и жестокая, можетъ быть доступна человѣку. Они и возятъ, и одѣваютъ, и кормятъ, и даютъ жилища сѣверному человѣку.

Птицы тундры не очень разнообразны, всего нѣсколько породъ: бѣлая куропатка, полярный кречеть, бѣлая сова, да лѣтомъ съ юга приле-

таютъ гуси и утки, покрывая своими стадами во время весеннихъ разливовъ устья и берега сѣверныхъ рѣкъ. Иностранцы охотятся на всѣхъ этихъ птицъ, стрѣляя ихъ изъ ружей или лова силками. Битая дичь частью потребляется самими сибиряками, частью отвозится въ Россію, въ столицы и крупные города.

Зимою большая часть звѣрей и птицъ тундры и вообще сѣверныхъ странъ бываетъ совершенно бѣлаго цвѣта, такъ что непривычный глазъ пріѣзжаго человѣка не отличить ихъ отъ снѣжныхъ равнинъ и сугробовъ.

Ящерицъ и змѣй въ тундрѣ нѣтъ. Бабочки и другія насѣкомыя водятся въ небольшомъ количествѣ. Изрѣдка порхаютъ бабочки, а въ сѣверныя части тундры не рѣшается проникать даже „гнуся“.

Въ сѣверныхъ рѣкахъ Западной Сибири живетъ огромное количество рыбы всевозможныхъ сортовъ и размѣровъ. Уже начиная съ лѣсной полосы, рыбное богатство все увеличивается къ сѣверу. Чѣмъ рѣже вдоль береговъ становится человѣческое жильё, тѣмъ обильнѣе бываетъ уловъ. Часть рыбы все время остается въ рѣкахъ и озерахъ и называется мѣстной „туводной“ рыбой; но другая, большая часть, на зиму уходитъ въ море и живетъ тамъ до весны. Эта рыба „проходная“, кочевая. Кромѣ рыбъ, извѣстныхъ въ Россіи: осетра, стерляди, сельди, щуки, линя, язя, налима, окуня, ерша и карася, въ сѣверныхъ рѣкахъ водятся совсѣмъ особые сорта, свойственныя только тѣмъ мѣстамъ: муксунъ— большая и вкусная рыба, нельма, сырокъ, шокуръ, харіусы, таймени и много всевозможныхъ другихъ. Эти рыбы идутъ по рѣкамъ и рѣчкамъ

изъ Ледовитаго океана, который служить для человѣка огромнымъ садкомъ.

Два раза въ годъ, каждая порода въ свое время, рыба путешествуетъ вверхъ и внизъ по теченію рѣкъ. Весной она подымается отъ устья Оби къ источникамъ мелкихъ рѣкъ для метанія икры у мелкихъ, илистыхъ береговъ; въ соленой морской водѣ и на глубокихъ мѣстахъ икра не можетъ развиваться и пропадаетъ. Осенью же рыбы снова возвращаются обратно въ море, идя иногда уже подо льдомъ, когда верхніе слои рѣки замерзнуть. На зиму въ рѣкахъ рыба не остается; въ мелкихъ и чистыхъ рѣчкахъ вода промерзаетъ до дна, а вмѣстѣ съ нею лежанѣтъ и рыба; глубокія же рѣки подо льдомъ портятся отъ притока гнилыхъ струй изъ болотистыхъ мѣстъ. Вода становится затхлой; образуется, какъ говорятъ сибиряки, „заморъ“, въ которомъ рыбыдохнуть отъ недостатка чистаго воздуха. Спасаясь отъ замора, онѣ или спѣшатъ внизъ, къ морю—кочевья, или уплываютъ въ такія рѣчки, гдѣ вода остается несмотря, на толстый ледъ, свѣжей и „живой“, благодаря близости источниковъ и ключей; это—рыбы осѣдлыя. Каждая порода имѣетъ свои обычаи и привычки, подробно изученные мѣстными рыболовами, какъ инородцами, такъ и русскими.

Лишь только успѣетъ растаять ледъ, и солнце немного пригрѣетъ землю, кочевья рыбы тотчасъ съ моря устремляются въ рѣки. Инородцы говорятъ, что это „вонзь идетъ!“ Такъ какъ ледъ на югѣ сходитъ раньше, чѣмъ на сѣверѣ, то въ среднемъ теченіи Иртыша и Оби рыба появляется нѣсколько спустя послѣ того, какъ наступятъ первые весенніе дни. Скорѣе другихъ кверху

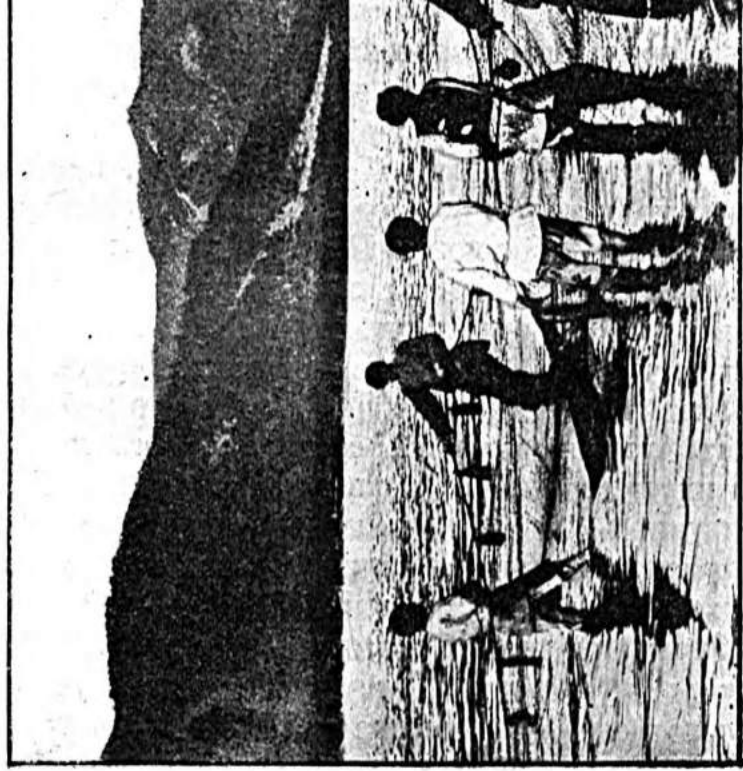
подымается сырокъ; обыкновенно это бываетъ во второй половинѣ мая. Черезъ двое сутокъ послѣ него показывается нельма, а на пятая—муксунъ и осетръ; позже приплываютъ шокуръ, сельдь, налимъ и другіе. Но чѣмъ выше по теченію, тѣмъ первоначальный порядокъ перепутывается все больше и больше; однѣ рыбы отстаютъ, другія перегоняютъ.

Рѣчное рыболовство въ западно-сибирской деревнѣ.

Такое обиліе рыбнаго населенія уже въ лѣсной полосѣ доставляетъ порядочный заработокъ остякамъ и русскимъ. Здѣсь же, въ тундрѣ—это главное и самое прибыльное занятіе для мѣстнаго населенія.

Начинается рыбная ловля съ весны, продолжается все лѣто, осень и оканчивается въ первой половинѣ зимы, когда рыбу перехватываютъ

Ловля рыбы неводомъ.

даже подо льдомъ. Но къ концу зимы Обь совсѣмъ замираетъ и ея непредѣльныхъ снѣговъ уже не тревожить безпокойный человѣкъ. Самая доходная работа идетъ весной, когда рыба бываетъ жирная, полная икрой. Осенью она возвращается похудѣвшей, усталой отъ длиннаго пути. Существуетъ много всевозможныхъ способовъ рыбной ловли. Невода и сѣти пускаются, главнымъ образомъ, на большихъ и широкихъ рѣкахъ. Тамъ, гдѣ берега постепенно опускаются подъ водой, безъ ямъ и бугровъ, какъ говорятъ сибиряки, безъ „задѣвовъ“, мѣшающихъ ходу невода, тамъ и устраиваются рыболовы. Эти мѣста называются „песками“. Плоскіе берега Оби, заливаемые во время разливовъ водою и называемые „сорами“, тоже удобны для ловли сѣтями и неводомъ.

Этотъ способъ рыбной ловли—самый прибыльный, но и самый дорогой. За невода приходится платить очень много. Цѣна ихъ зависитъ отъ величины и матеріала; сѣти плетутъ изъ конопли, тальниковой бечевки и конскаго волоса, дѣлая ихъ отъ 25 до 500 сажень длины. Кромѣ того, на ловлю съ неводомъ требуется много рабочихъ, такъ что она доступна состоятельнымъ людямъ, преимущественно русскимъ промышленникамъ, живущимъ въ Тобольскѣ, Томскѣ и другихъ городахъ Западной Сибири, не особенно удаленныхъ отъ мѣстъ рыболовства.

Владѣютъ прибрежными песками, главнымъ образомъ, инородцы, но имъ самимъ устроить ловлю неводомъ, не имѣя средствъ, очень трудно; поэтому инородцы сдаютъ свои рыболовные угодья въ аренду откупщикамъ-рыбопромышленникамъ. Когда же инородцамъ удастся обзавестись цево-

домъ, то они рыбачатъ всѣмъ обществомъ со-обща.

По теперешнимъ законамъ всѣ пески принадлежатъ казнѣ, а инородцамъ остается право пользоваться ими или сдавать въ аренду, но не продавать. Если же инородцы документами смогутъ доказать, что земля дѣйствительно ихъ, то казна признаетъ инородцевъ хозяевами. Но, ко-

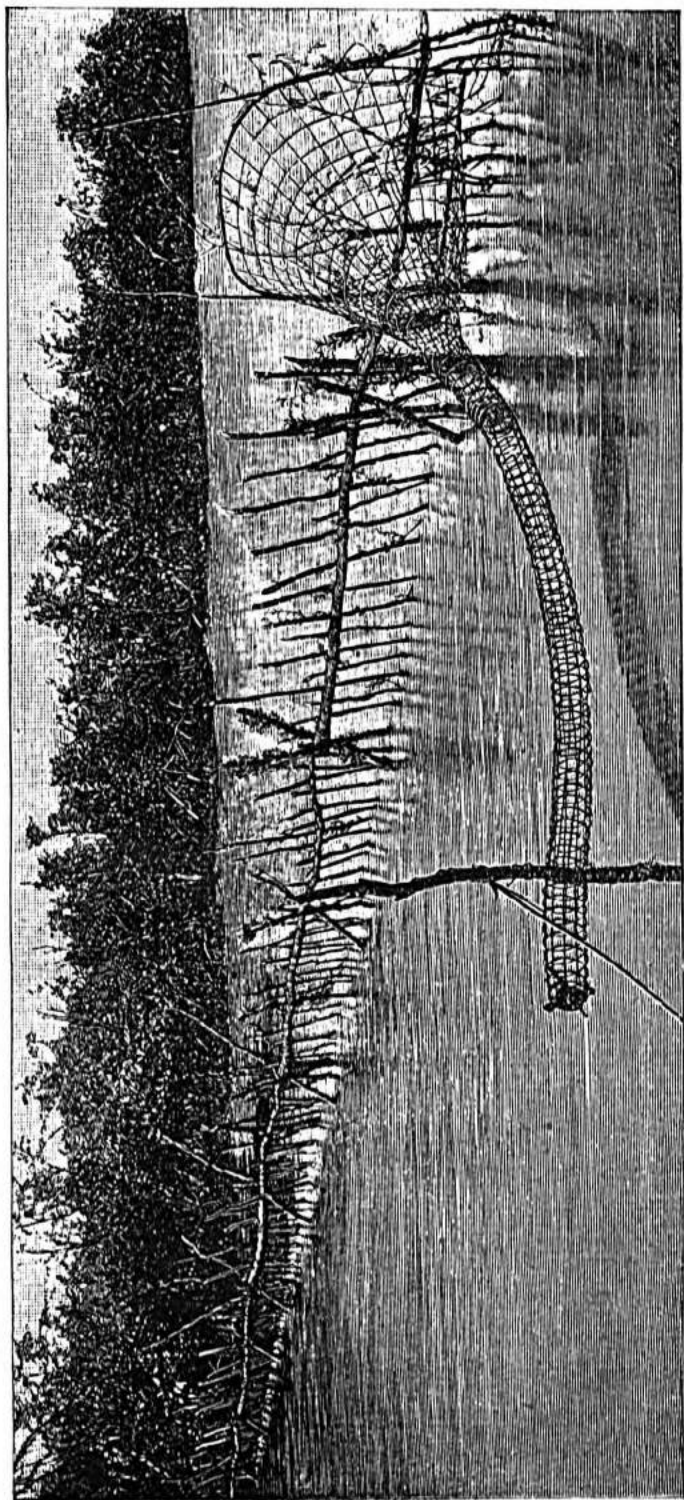
Рыболовный песокъ въ низовьяхъ Енисея.

нечно, дикіе обитатели сибирскаго сѣвера не сохранили, да и не имѣли никакихъ доказательствъ, такъ что угодья — казенное владѣніе. Бываетъ, что инородцы берутъ у промышленника необходимыя снасти, отдавая ему въ видѣ оплаты одну половину улова даромъ, а другую, продавая ему по заранѣ условленнымъ цѣнамъ. Конечно, купцы не упускаютъ своей выгоды и платятъ за рыбу совсѣмъ дешево.

При ловлѣ неводомъ необходимы еще очень легкіе челноки, сдѣланные изъ выдолбленнаго дерева. Ими управляютъ съ помощью двулопастнаго весла. Въ лодочкѣ лежатъ: колотунка для глушенія рубы, крючокъ, чтобы ее подхватывать изъ воды, и корзина, куда ее сбрасывать; какъ только хоть одинъ изъ поплавокъ заведенной сѣти опускается въ воду, къ нему сейчасъ же подплываютъ на челнокъ, потому что въ этомъ мѣстѣ, значитъ, запуталась рыба; сѣть поднимаютъ и берутъ пойманную добычу въ лодку.

Во время повальнаго осенняго бѣгства рыбы въ Ледовитый океанъ, рыболовы на ея пути ставятъ большія загражденія изъ кольевъ и плетеныхъ щитовъ, среди которыхъ ставятъ верши всевозможныхъ размѣровъ для всякой рыбы. Такіе сплошные запоры съ ловушками устраиваютъ чаще всего на Оби, между Березовомъ и Обдорскомъ. Отъ нихъ гибнетъ масса мелкой „молоди“, попадающей въ ловушку вмѣстѣ съ крупной рыбой. Большіе запоры такъ же, какъ и невода, стоятъ очень дорого, иногда до 1.000 р. Ни крестьянамъ ни, тѣмъ болѣе, бѣднымъ инородцамъ они, очевидно, недоступны; ими пользуются только крупные промышленники. Но верши опускаютъ и безъ загражденій, ставя въ одиночку или по нѣсколько штукъ, даже подо льдомъ. Большія верши для осетра называются „гимгами“.

По всѣмъ сибирскимъ рѣчкамъ пользуются всевозможными крючками и самоловами. Самый распространенный между рыболовами „переметь“ состоитъ изъ нѣсколькихъ крючковъ, привязанныхъ коротенькими бечевками къ одной общей веревкѣ; веревка имѣетъ грузъ и нѣсколько

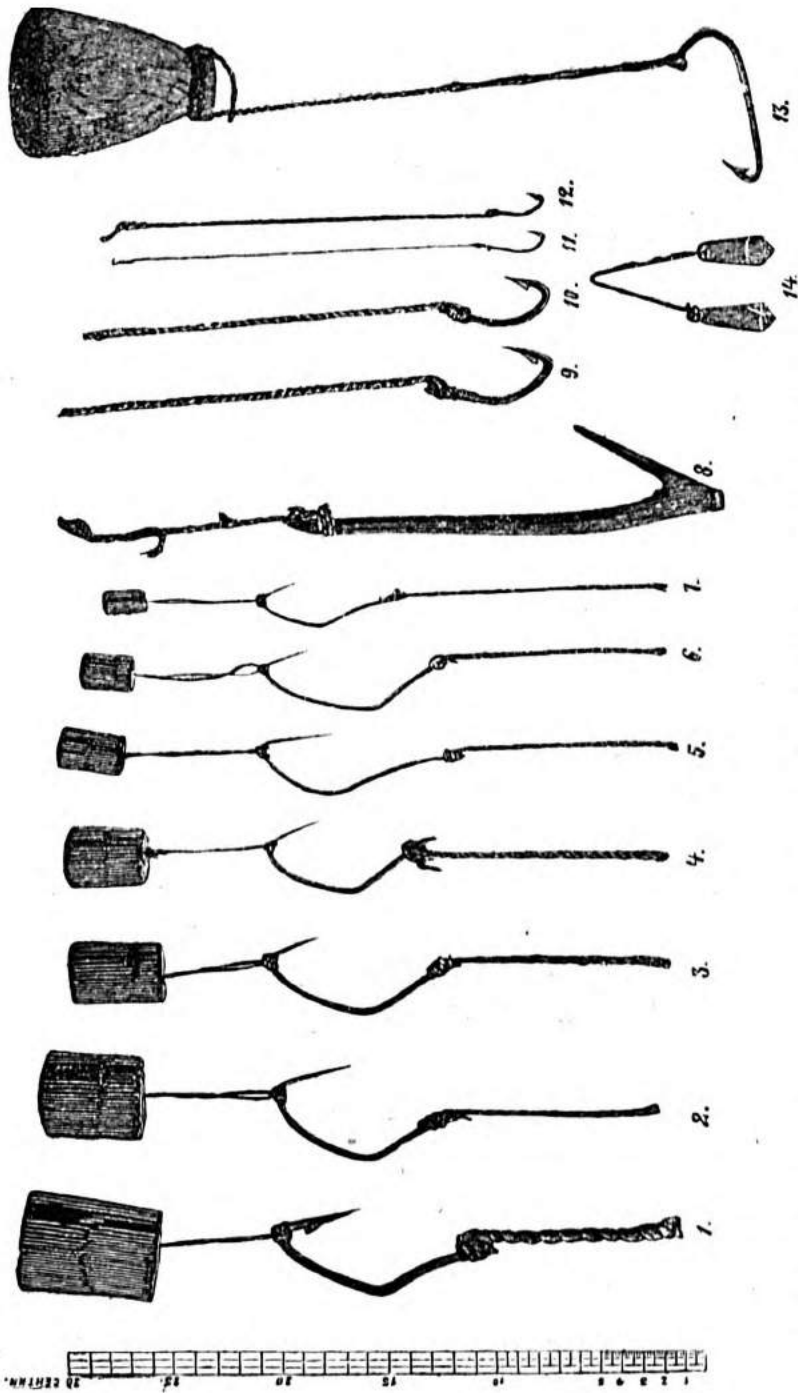
Рукавъ и заграждение для его постановки.

поплавковъ; съ ихъ помощью крючки можно держать на любой глубинѣ. Крупная рыба, идя противъ теченія, очень легко попадаетъ на приманку, но очень много рыбы только наноситъ себѣ раны и гибнетъ даромъ тутъ же или на пути подальше безъ всякой пользы для рыболова.

На Иртышѣ зимой въ ямы, лежащія на днѣ рѣкъ съ неиспорченной водой, набивается масса рыбы. Каждая такая яма представляется въ распоряженіе одной крестьянской семьѣ, смотря по размѣрамъ — отъ двухъ до двадцати человѣкъ. За ночь всѣ приготавливаются къ ловлѣ и предъ разсвѣтомъ нѣсколько рыболововъ стоятъ уже на льду по намѣченнымъ раньше мѣстамъ. Послѣ знака всѣ начинаютъ быстро пробивать проруби и опускаютъ въ отверстіе самоловы. Испуганная рыба въ ужасѣ мечется изъ стороны въ сторону и попадаетъ на крючки. Такимъ образомъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней ловятъ массу рыбы.

Больше всего процвѣтаетъ рыболовство на самой Оби. Главнымъ образомъ, промыселъ находится въ рукахъ крупныхъ рыбопромышленниковъ, которыхъ насчитываютъ тамъ до 350 человѣкъ. Они снимаютъ въ аренду инородческія угодья, такъ называемые „пески“, уплачивая за нихъ въ лѣто рублей двѣсти; вылавливаютъ купцы за лѣто рыбы по мѣстнымъ цѣнамъ на четыре-восемь тысячъ, а въ продажѣ выручаютъ сумму въ два раза большую. Сами же хозяева песковъ,—инородцы нанимаются на работу, какъ простые рабочіе.

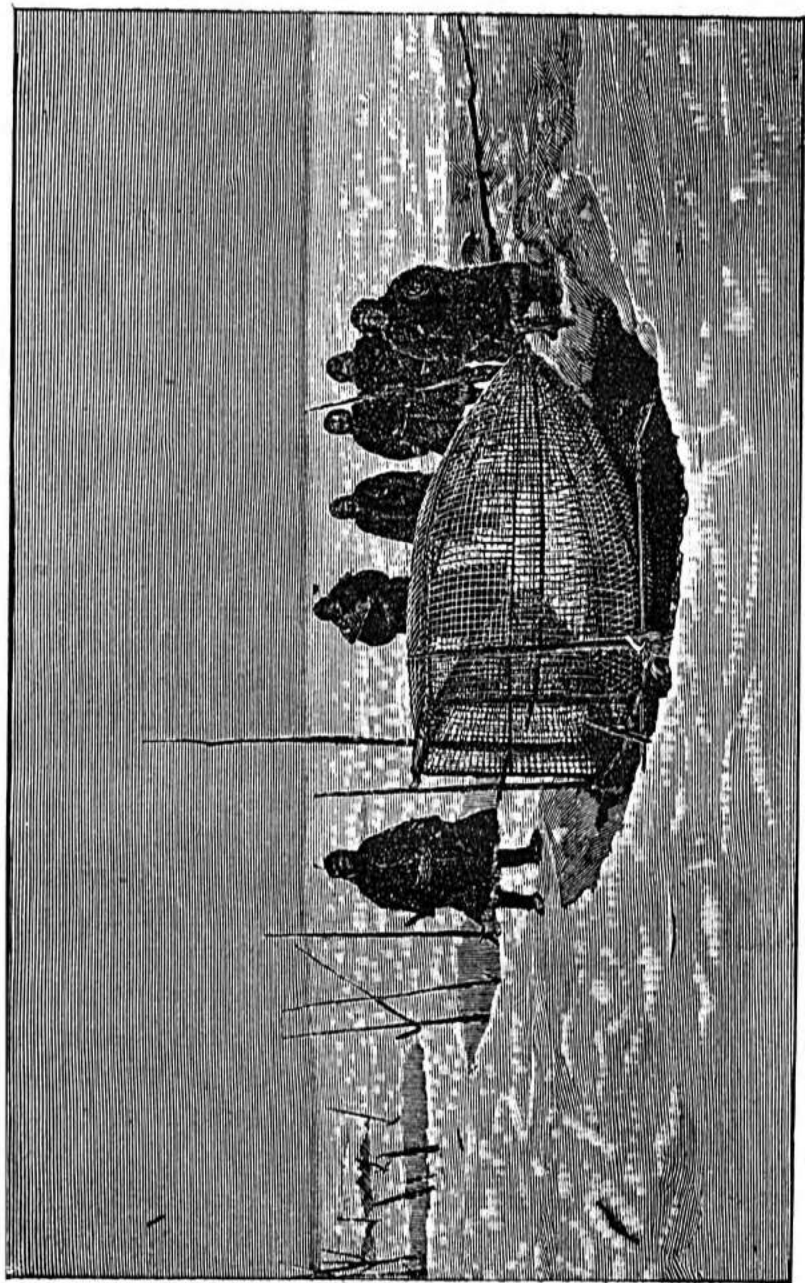
Вообще всего рабочихъ на обскихъ промыслахъ считаютъ тысячъ шесть. Кромѣ обыкновенныхъ рабочихъ, есть еще рабочіе-пайщики,

Различные крючковыя снасти: 1—5. Осетровые самоловы. 6—7. Стерляжи самоловы. 8. Деревянный крючокъ для лова налима. 9—10. Осетровые переметы. 11—12. Стерляжи переметы. 13. Озерная удочка. 14. Двѣ блесны.

заинтересованные въ уловѣ. Они получаютъ вознагражденіе въ зависимости отъ добычи, при чемъ самъ промышленникъ за неводъ и другія снасти удерживаетъ себѣ нѣсколько крупныхъ паевъ. Устраиваются въ Западной Сибири и рыболовныя артели, но въ нихъ, главнымъ образомъ, участвуютъ только русскіе рабочіе.

Не красную жизнь ведутъ наемные рабочіе. За цѣлое лѣто они получаютъ двадцать два, двадцать три рубля, рѣдко двадцать пять. Хозяинъ выдаетъ слѣдующее продовольствіе: хлѣбъ, чай два-три раза въ день изъ общаго котла, вареную рыбу, а, вмѣсто масла, рыбій жиръ. Промышленникъ обыкновенно имѣетъ нѣсколько песковъ, на которыхъ ставятъ свои „промыслы“: деревянные постройки и необходимыя приспособленія. Постройки поменьше и бѣднѣе называются „станками“. На „промыслахъ“ и „станкахъ“ въ тѣсныхъ, съ землянымъ поломъ, грязныхъ казармахъ, гдѣ не освѣжается воздухъ, живутъ рабочіе. Кромѣ платы и содержанія, имъ еще выдаютъ кожаныя рукавицы, портянки и кожаныя бродни, всегда пропускающія воду. Проводя сплошь цѣлые дни въ водѣ на стужѣ и на вѣтру, промачивая ноги, рабочіе наживаютъ ревматизмы, простуживаются и болѣютъ легочными болѣзнями. Отъ нечистоты помѣщеній и скудной, однообразной пищи среди нихъ свирѣпствуетъ тифъ. Въ послѣднее время въ Западной Сибири обратили вниманіе на дурное положеніе рыболовныхъ рабочихъ и стали отправлять въ „станки“ и на „промыслы“ фельдшеровъ, даже врачей, устраивая на мѣстахъ небольшія больнички. Все-таки ихъ еще мало и чѣмъ дальше къ востоку и сѣверу, т.-е. чѣмъ дальше отъ глазъ и надзора городовъ

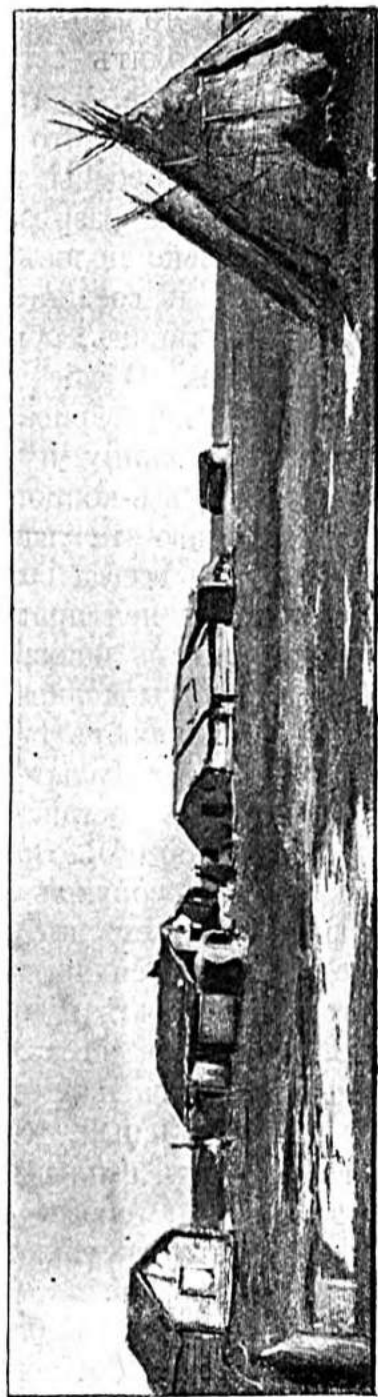
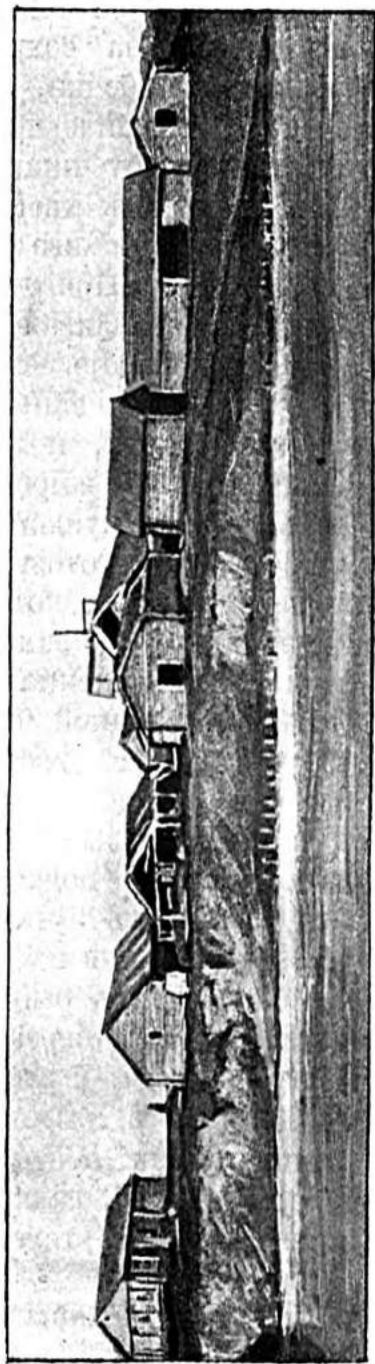

Осмотр осетровой гимги.

и образованныхъ людей, тѣмъ промышленники своихъ рабочихъ держать хуже. Земства же, которое могло бы въ уѣздахъ и въ глуши слѣдить за рыбопромышленниками и устраивать рабочихъ, въ Западной Сибири нѣтъ.

Многіе рабочіе за всѣ свои лишенія стараются всячески отплатить купцамъ. Рабочіе не исполняютъ своихъ договоровъ съ промышленниками и, забравъ задатки, совсѣмъ не являются въ станки или уходятъ съ нихъ раньше времени, не дослуживая до окончанія контрактовъ. Во многихъ мѣстахъ, въ глуши, купцы стараются совсѣмъ не нанимать русскихъ рабочихъ, замѣняя ихъ инородцами; эти бѣдные, дикіе люди хотя и работаютъ хуже русскихъ, но безропотно переносятъ всякія лишенія и притѣсненія. Большинство инородцевъ на работу къ рыбопромышленнику идутъ даже не добровольно, а по принужденію волостныхъ правленій и инородческихъ управъ, просто отдающихъ ихъ въ наемъ купцу за недоимки. Среди всѣхъ рабочихъ на промыслѣ только главные руководители при каждомъ неводѣ такъ называемые „бапшыки“ да засольщики рыбы получаютъ жалованіе побольше, и вообще ихъ положеніе лучше.

Сибирская рыба считается очень хорошей. Она жирна и крупна, но послѣ улова такъ неумѣло и неряшливо заготавливается впрокъ, что всѣ ея хорошія качества пропадаютъ даромъ. Когда просаливаютъ, то жалѣютъ соли; складываютъ рыбу плохо очищенную и совсѣмъ не промытую въ грязныя, тухлыя бочки. Поэтому сибирская рыба скверно пахнетъ, отдавая гнилью; непривычнымъ людямъ не только ѣсть ее непріятно, но даже взойти на баржу, нагруженную соленою рыбой,

Рыбные промыслы на р. Оби: Иглярский Плотникова (наверху) и Бронникова (внизу).

возможно, только зажавъ носъ. На Оби около Березова солятъ „становую“ рыбу. Она сохраняется дольше, чѣмъ упакованная въ бочки, но до того солона, что ее не всякій сможетъ проглотить. Инородцы готовятъ рыбу иначе, по-своему. Ее разрѣзаютъ отъ головы къ хвосту на нѣсколько полосъ такъ, что у хвоста онѣ не дорѣзаны и соединены между собою. Приготовленную такимъ образомъ рыбу подвяливаютъ безъ соли. Обскіе инородцы устраиваютъ еще „варку“, переваривая въ котлахъ очищенныя кишки, брюшину и жирныя части рыбы, получая, въ концѣ-концовъ, изъ нихъ густое, жирное тѣсто. Зимой эта „варка“—ихъ любимое кушаніе.

Рыбу не всегда сразу пускаютъ въ заготовку. Иногда для нея готовятъ „сады“, въ которыхъ держатъ пойманную осенью рыбу до зимы. Тогда ее вылавливаютъ и въ замороженномъ видѣ отправляютъ гужомъ на югъ Западной Сибири. Такіе „сады“ очень удобны на сѣверѣ тундры, гдѣ доставка санями—самый удобный и дешевый способъ. Вредятъ „садамъ“ бѣлые медвѣди. Они воруютъ рыбу обыкновенно подвое: одинъ залѣзаетъ въ садокъ и начинаетъ мутить воду, пугая сидящую въ ней рыбу; другой же стоитъ на землѣ и просто лапой хватается рыбъ, когда онѣ въ страхѣ подплываютъ къ берегу. Вылавливаютъ изъ садковъ рыбу и орлы, выглядывая въ ясный, солнечный день съ высоты свою добычу, всплывающую поиграть на поверхность воды; орелъ быстро падаетъ къ садку, ударомъ клюва убиваетъ намѣченную жертву и уноситъ вверхъ.

Въ Западной Сибири добыча всевозможныхъ рыбъ бываетъ огромна. По меньшей мѣрѣ съ

сѣвера Тобольской и частью Томской губерній добываютъ ежегодно до 1.500.000 пудовъ крупной и мелкой рыбы. Увозятъ рыбные товары главнымъ образомъ въ Тобольскъ и Томскъ. Соленая и сушеная доставляется на баржахъ буксирными пароходами, а мороженая—гузомъ по первому снѣгу.

Для улучшенія рыбнаго дѣла въ селѣ Самаровѣ на рѣкѣ Оби существуетъ рыбопромышленная школа, а въ Тобольскѣ выстроены первый заводъ для заготовленія рыбы въ маслѣ, въ запаянныхъ на глухо коробкахъ. Въ такомъ видѣ, (такъ называемые „консервы“) рыба бываетъ вкусна и можетъ пролежать не портясь очень долго. Отдѣленіе этой фабрики устроено и около Обдорска.

Иностранцы сами на продажу рыбу не приготавливаютъ, потому что въ ихъ хозяйствѣ соль всегда покупная у купцовъ и стоитъ очень дорого. Поэтому весь иностранческій уловъ идетъ къ тѣмъ же нѣсколькимъ рыбопромышленникамъ за невысокую цѣну и въ обмѣнъ на товары русскаго производства или водку.

Благодаря своимъ дурнымъ качествамъ сибирскій рыбный товаръ не имѣетъ большого распространенія. Онъ не только грязенъ и невкусенъ, но и быстро портится, не выдерживая долгихъ перевозокъ. Больше всего скупаютъ рыбу для содержанія невзыскательныхъ сибирскихъ рабочихъ.

Рыболовство ведется въ Западной Сибири такъ же неразумно, какъ и другіе промыслы. Рыбу массами истребляютъ по веснѣ, когда она еще идетъ полная икрой; много пропадаетъ вмѣстѣ съ взрослой рыбой и мелкой „молоди“, которую

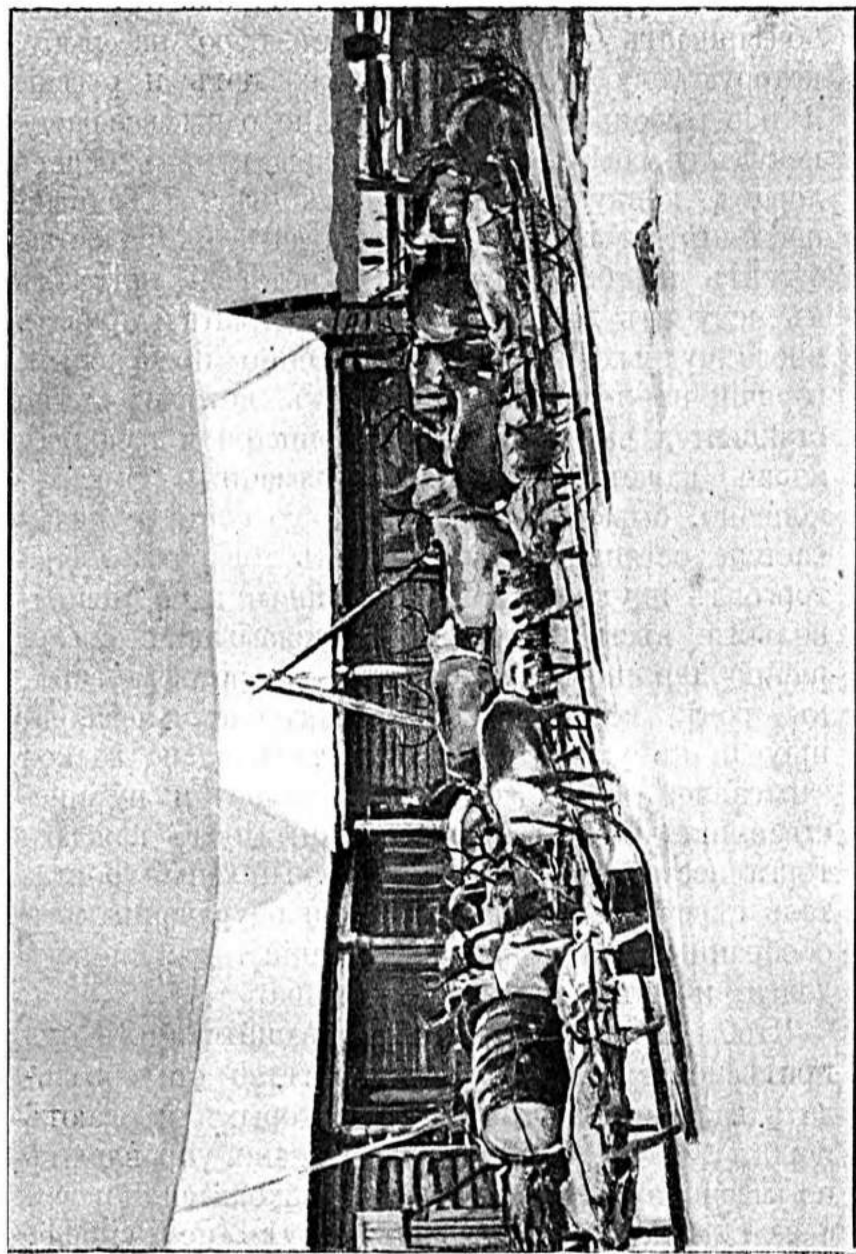
потомъ выкидываютъ. Самоловами и повсюду разставленными крючками рыба наноситъ себѣ раны и гибнетъ отъ нихъ; пароходы загрязняютъ рѣку и пугаютъ рыбъ. Отъ всѣхъ этихъ причинъ вмѣстѣ рыба скоро пропадаетъ и отступаетъ къ сѣверу, гдѣ меньше людей, меньше опасности.

Выгода отъ хищническаго истребленія рыбы и отъ тяжелыхъ трудовъ, затраченныхъ рабочими, достается такъ же, какъ и въ охотничьемъ промыслѣ, богатымъ купцамъ. Ихъ власть надъ населеніемъ тундры, особенно надъ инородцами, еще сильнѣе, чѣмъ въ лѣсахъ.

Тундра отъ желѣзной дороги и человѣческаго жилья лежитъ еще дальше глухихъ урмановъ. Пробраться въ нее еще труднѣе. Лѣтомъ нѣтъ никакихъ дорогъ, кромѣ рѣкъ; а зимой пурга такъ заноситъ всѣ пути, что правильнаго направленія держаться очень трудно; людямъ приходится полагаться на чутье упряжныхъ собакъ, которыя и мчатъ сани отъ одного инородческаго стана къ другому. Часто по нѣсколько дней не встрѣчается даже такихъ инородческихъ поселковъ, и ночуютъ люди въ одинокихъ, занесенныхъ снѣгомъ, покинутыхъ срубахъ, въ которомъ можно развести огонь и съ грѣхомъ пополамъ защитить себя отъ стужи.

Въ отрѣзанности сѣвернаго края отъ населенной земледѣльческой полосы, соединяющей Сибирь съ Россіей, и заключается причина тяжелаго положенія мѣстнаго населенія, которое всецѣло попало въ руки крупныхъ промышленниковъ.

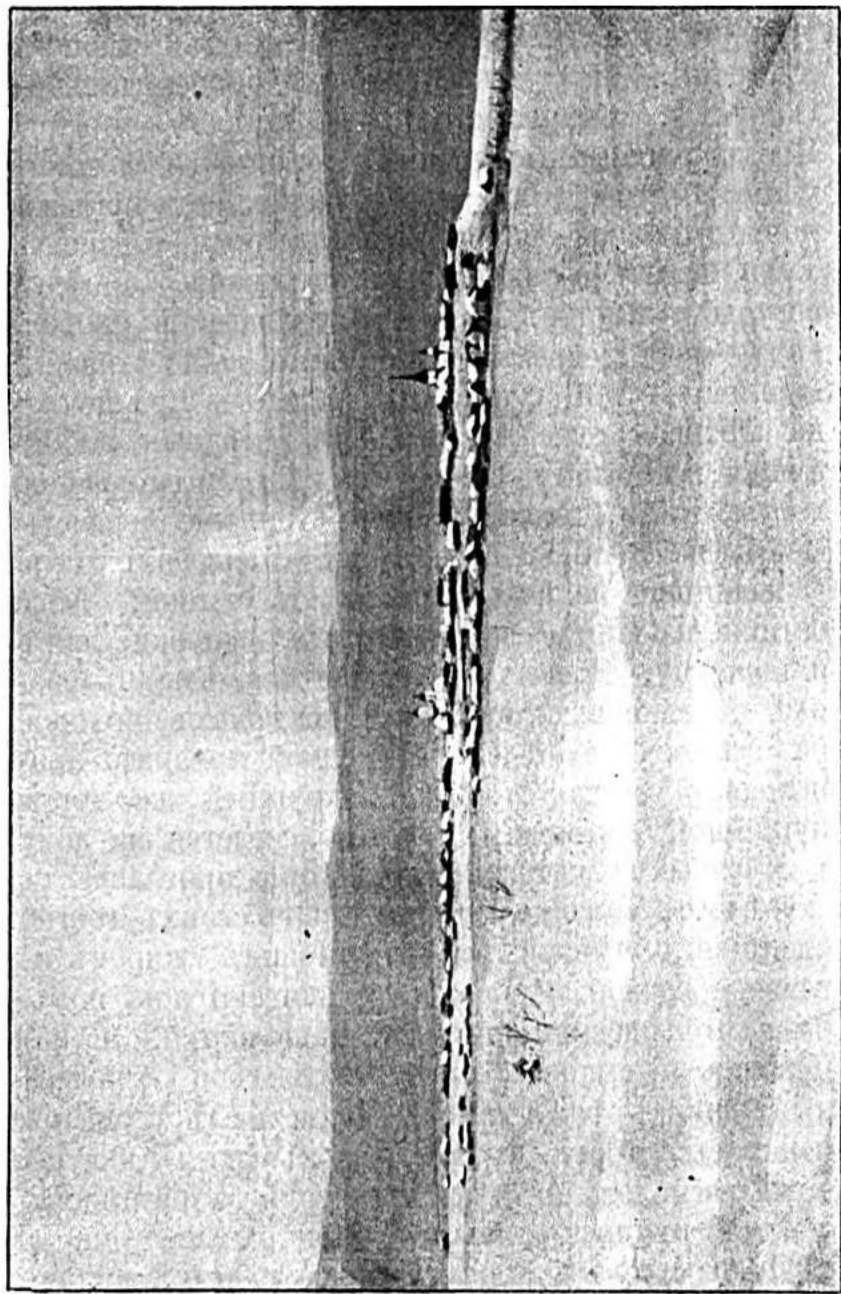
Торговля на сѣверѣ ведется на ярмаркахъ, и главнымъ образомъ обмѣномъ, а не съ помощью

Отправка самоѣдскаго обоза изъ г. Сургута на р. Пуръ.

денегъ. Купецъ нагружаетъ барку всевозможными товарами и везетъ ихъ весною на сѣверь. Тамъ обмѣниваетъ онъ привезенное добро на рыбу, которую ему волей-неволей продаютъ и русскіе мелкіе рыбопромышленники и инородцы: все равно некуда ее сбыть. За свои товары купецъ беретъ дорого, конкурентовъ кругомъ нѣтъ. Темный, постоянно нуждающійся инородецъ съ радостью бѣжитъ къ богатому купцу, который пріѣхалъ къ нему изъ далекихъ южныхъ странъ и привезъ много чудныхъ вещей и особенно прекрасный, горячій напитокъ — водку, отъ котораго легко становится на душѣ бѣднаго дикаря и голодная жизнь кажется краше. Привезенный товаръ, конечно, бываетъ самага низкаго сорта и называется „остяцкимъ, самоѣдскимъ товаромъ“. При торговлѣ идутъ въ ходъ фальшивыя гири, неправильные вѣсы; инородцамъ навязываютъ совершенно для нихъ ненужный, но дорогой товаръ, въ родѣ металлическихъ жетоновъ, медалей, пріучая къ украшеніямъ. Не такъ давно водкой запасались не только купцы, казаки и путешественники, но даже священники. Послѣ каждаго торгова несчастный, нищій и несмышленный обитатель сѣвера остается еще болѣе одураченнымъ и обобраннымъ, чѣмъ въ предыдущій годъ. Растутъ долги, и нѣтъ имъ впереди конца.

Чтобы помочь инородцамъ и защитить ихъ отъ притѣсненія купцовъ, правительство стало заводить казенные магазины, въ которыхъ продаютъ порохъ, дробь, соль. Но магазинами управляютъ по-казенному; содержаніе ихъ обходится дорого, а за товары съ инородцевъ берутъ не меньше, чѣмъ купцы. Кромѣ того, приказчики въ этихъ магазинахъ мошенничаютъ. Но самая большая

Общий видъ Обдорска.

торговля ведется на ярмаркахъ. Такія ярмарки устраиваются въ каждомъ населенномъ сѣверномъ мѣстечкѣ. Одна изъ крупныхъ происходитъ въ Обдорскѣ. Открывается она второго января. Предъ амбарами обдорянъ, стоящими въ концѣ улицы, идущей въ тундру, выставляютъ прїѣзжіе инородцы свои нарты, нагруженныя товаромъ. Тутъ, кромѣ остяковъ, присутствуютъ самоѣды, вогулы и зыряне. Торговцы предлагаютъ инородцамъ свой „остяцкій“ и „самоѣдскій“ товаръ: кирпичный чай, сукно для цвѣтныхъ прошивокъ на мѣховой одеждѣ самоѣдовъ, мѣдныя побрякушки, которыми увѣшиваются инородческія жены, котлы, ножи, топоры, ящики и прочіе предметы самоѣдскаго обихода. Зыряне привозятъ свои деревянныя издѣлія, ложки и чашки; даже остяки продаютъ свои травяныя цыновки, жиръ и морошку. Повсюду толкутся самоѣды въ своихъ неуклюжихъ, мѣховыхъ костюмахъ, похожіе на бѣлыхъ медвѣдей. На самой ярмаркѣ происходитъ мелкая торговля, крупный же торгъ пушниной, главнымъ образомъ, ведется на дому у мѣстныхъ жителей, куда они приглашаютъ самоѣдовъ. Тамъ хозяева угощаютъ своихъ гостей олениной, мерзлой рыбой, рыбимъ жиромъ и, главное, водкой. Инородцы усаживаются на полу, наѣдаются досыта, потомъ напиваются, а напившись начинаютъ выкрикивать свои безконечныя, дикія, рѣзкія пѣсни. Когда послѣ угощенія начинается торгъ, то самоѣды въ своемъ радушномъ расположеніи духа сбываютъ за безцѣнокъ дорогіе пушные товары, хотя раньше они и рѣшили выгодно продать свою добычу, доставшуюся послѣ трудной и опасной охоты. Выйдя на улицу, инородцы веселы и довольны; обняв-

шись со своими женами, приплясывая и распѣвая, возвращаются обманутые дикари къ своимъ пустымъ нартамъ.

Такимъ образомъ, изъ года въ годъ торговля остается все въ однѣхъ рукахъ богатыхъ скупщиковъ.

Оспаривая другъ у друга барыши, получаемые отъ торговли съ инородцами, купцы прибѣгаютъ къ самымъ разнообразнымъ хитростямъ. Они, напримѣръ, съ ярмарки выѣзжаютъ навстрѣчу къ остякамъ и самоѣдамъ, устраивая на нихъ настоящую облаву; тамъ скупщики увѣряютъ, что на ярмаркѣ совсѣмъ нѣтъ спроса, что цѣны стоятъ на все низкія и такъ далѣе... Затѣмъ начинаютъ соблазнять инородцевъ водкой. Самоѣды и остяки, долго не видавшіе этого любимого ими напитка, набрасываются на него тутъ же, будучи не въ силахъ удержаться отъ соблазна; напиваются и, напившись, продаютъ всѣ свои товары, еще не доѣзжая до ярмарки, еще не зная ни настоящаго спроса, ни цѣнъ... Нѣкоторые купцы, какъ мы уже рассказывали раньше, заѣзжаютъ въ инородческіе поселки и еще до начала ярмарки скупаютъ товаръ на мѣстахъ.

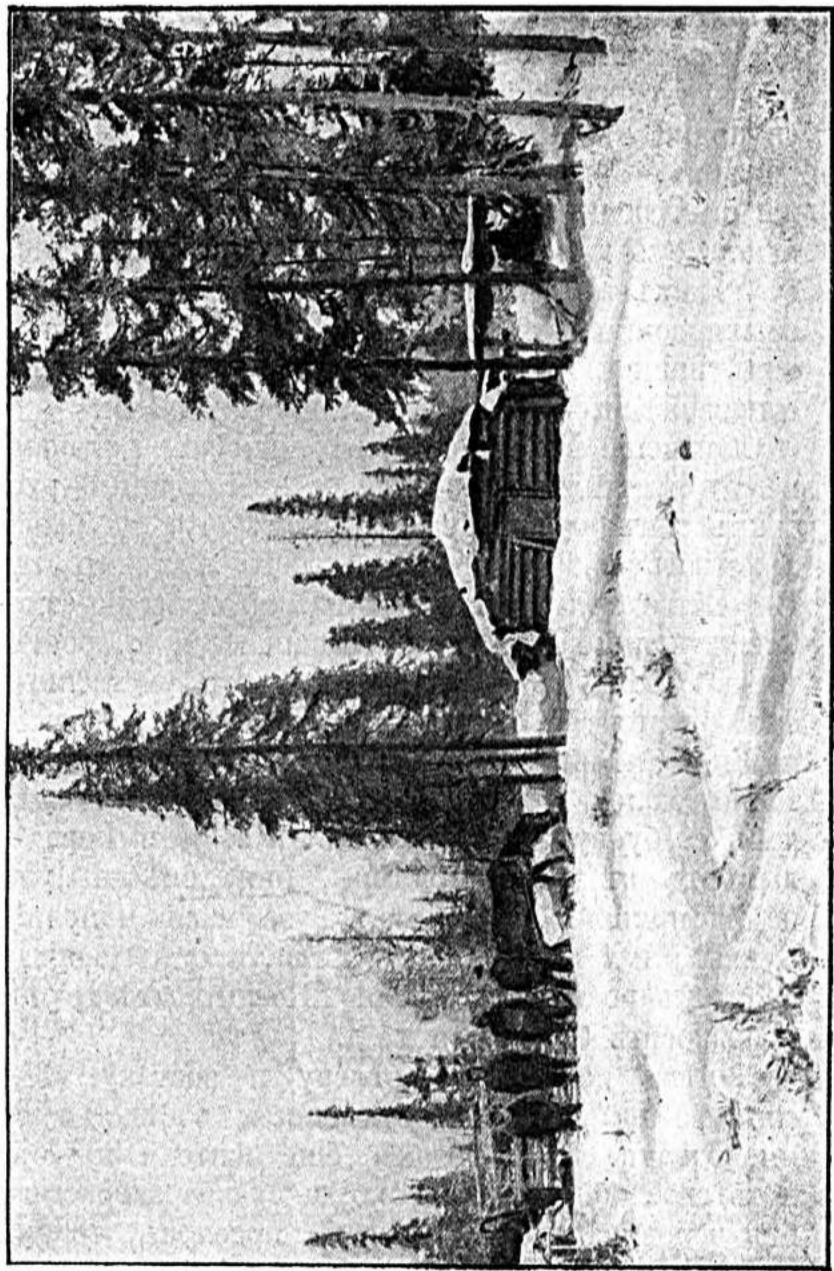
Но если бы инородцы сумѣли побороть свою страсть къ водкѣ и захотѣли попридержать товаръ до конца ярмарки, чтобы поднять на него цѣну, то и это было бы невозможно. Дѣло въ томъ, что русское начальство, сейчасъ же, по пріѣздѣ инородцевъ на ярмарку, требуетъ съ нихъ уплаты казенныхъ сборовъ и налоговъ, а для того, чтобы исполнить это требованіе, инородцамъ опять-таки необходимо какъ можно ско-

рѣе продать привезенное добро за что дадутъ, потому что другихъ средствъ у бѣдныхъ дикарей не припасено.

3) Положеніе русскихъ, ихъ хищничество; самоѣды, зыряне; разореніе и вымираніе инородцевъ.

Въ полосѣ тундры русское населеніе до крайности рѣдко. На каждые сто человѣкъ населенія русскихъ приходится не болѣе пяти. Живутъ они охотой и особенно рыбной ловлей, скупая, кромѣ того, такъ же какъ и въ лѣсной области, рыбу и пушнину у остяковъ и самоѣдовъ. Торговлей съ инородцами заняты иногда цѣлыя деревни. Мелкіе промышленники и рыболовы сами въ полномъ распоряженіи крупныхъ. Несмотря на свою малочисленность, русскіе тутъ еще болѣе хозяева и хищники, чѣмъ въ остальной Западной Сибири. Землю и рыболовныя угодья они часто отбираютъ у инородцевъ хитростью и даже силой!

Живя вдали отъ своихъ соплеменниковъ русское населеніе сѣверныхъ окраинъ сильно поддается вліянію окружающихъ дикарей. Сибиряки перенимаютъ отъ прежнихъ хозяевъ сѣвера приемы охоты и рыбной ловли, ихъ защиту отъ трескучихъ морозовъ и пронзительныхъ вьюговъ, ихъ способы передвиженія по тундрѣ и такъ далѣе... Русскіе носятъ одежду изъ звѣриныхъ шкуръ по инородческому покрою; даже привыкаютъ къ инородческой пищѣ; многіе изъ нашихъ соотечественниковъ, проведя нѣсколько лѣтъ на дальнемъ сѣверѣ, съ восторгомъ рассказываютъ о мерзлой, сырой рыбѣ, которую ѣдятъ въ такомъ видѣ, строгая ножомъ на мелкія стружки; въ

Избушка дроворубовъ на р. Полуѣ близъ Обдорска.

Обдорскѣ жители питаются сырой замороженной олениной, сырыми почками, осетровымъ жиромъ и тому подобное...

Заброшенные на дальній сѣверъ, отрѣзанные отъ культурной жизни, въ сосѣдствѣ съ дикарями, сибиряки тундровой полосы сами опускаются и дичаютъ. Водка и пьянство играютъ въ ихъ жизни огромную роль; прїѣзжіе изъ Россіи отвыкаютъ отъ книгъ, отъ религіи и превращаются въ какихъ-то грубыхъ и темныхъ людей. Пьютъ обыкновенно всѣ, вплоть до священника, причемъ пьянство бываетъ особенно разнузданно и сопровождается безобразіями и скандалами.

Сближеніе въ обычаяхъ увеличивается браками между русскими и инородцами. Женщинъ - русскихъ тамъ очень немного, такъ что на браки христіанъ съ язычницами строго не смотрятъ. Потомство получается смуглое, съ остяцко-самоѣдскимъ лицомъ. Русскіе уменьшаются въ ростѣ, теряютъ силу и плодовитость; ихъ умственные способности становятся хуже и сильно портится языкъ. Сибиряки стали шепелявить, сюсюкать, точно маленькія дѣти. Букву ш произносятъ какъ с, букву ж коверкаютъ въ з, а з передѣлываютъ въ ж. Напримѣръ, они, вмѣсто „уже наши пришли“, говорятъ: „узе наси плисли!“ Буквы р и л имъ плохо удаются, и они говорятъ въ этомъ родѣ: „тли любля“. Нѣкоторымъ трудно произносить букву г и т. д.

И чѣмъ дальше къ сѣверу и востоку, тѣмъ сильнѣе на русскихъ отзывается сосѣдство съ инородцами. Въ городахъ еще жители имѣютъ хоть свое общество, но когда судьба забрасываетъ человѣка въ инородческой поселокъ, то онъ всецѣло предоставляется вліянію мѣстныхъ дика-

рей. Особенно часто въ такомъ положеніи приходится быть политическимъ ссыльнымъ. Правительство ссылаетъ ихъ въ полномъ одиночествѣ куда-нибудь въ остяцкое или самоѣдское поселеніе, гдѣ ни одинъ человѣкъ не знаетъ русскаго слова. Уйти некуда. Кругомъ глухая тундра или урманъ, гдѣ безъ инородца шагу ступить нельзя; да и инородцы приглядываютъ,

Низовые самоѣды.

чтобы ссыльный отъ нихъ не ушелъ. Поживетъ такой несчастный годъ, другой, и или умретъ отъ непривычки къ суровому климату, грязи и дурному питанію, или, еще хуже, съ ума сойдетъ, покончить самоубійствомъ. Нѣкоторые женятся на дикаркахъ.

Главные жители тундры — самоѣды. Всего самоѣдовъ въ Западной Сибири около 10.000,

большинство изъ нихъ кочуетъ въ тундрѣ. Они по своей привычкѣ къ тундрѣ и сѣверу такъ же отличаются отъ остальныхъ людей, какъ олень и полярная собака — среди другихъ животныхъ.

Самоѣды очень похожи на остяковъ, но выглядятъ здоровѣе ихъ. Какъ и всѣ сѣверные инородцы, самоѣды низки и широкоплечи. Ихъ лицо круглое, желтоватое, съ выдающимися скулами и косыми глазами. Голова небольшая. Низкій лобъ, черные жесткіе волосы. Многіе путешественники смѣшиваютъ самоѣдовъ и остяковъ другъ съ другомъ и часто не могутъ разобраться, гдѣ предъ ними одно племя и гдѣ другое. Такая ошибка очень возможна еще потому, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ остяки и самоѣды, дѣйствительно, сильно перемѣшались и даже слились между собой, образуя смѣшанное племя остяковъ-самоѣдовъ. Языкъ остяковъ и самоѣдовъ различенъ. Остяки сюсюкаютъ, а самоѣды слова произносятъ грубо, съ гортанными звуками и рѣзко выговариваютъ р. Между языкомъ самоѣдовъ и остяковъ нѣтъ ничего общаго, такъ что они не понимаютъ другъ друга.

Происхожденіе у нихъ совершенно разное. Самоѣды попали сюда съ юга, откуда ихъ вытѣснили сначала татары, а потомъ и русскіе. Теперь самоѣды лѣто проводятъ среди тундры, а на зиму кочуютъ въ лѣсную полосу, гдѣ они находятъ себѣ защиту отъ вѣтровъ и дерево для топлива. Самоѣды, главнымъ образомъ,—кочевники, они самые отсталые изъ всѣхъ инородцевъ Западной Сибири.

Характеръ самоѣдовъ—суровый и малообщительный, не такой открытый, какъ у остяковъ.

Самоѣды не носятъ пижней одежды. Свой костюмъ, такъ называемую „малицу“, они надѣваютъ прямо на тѣло. Только въ послѣднее время начинаютъ привыкать къ холщевымъ рубашкамъ. „Малица“ состоитъ изъ рубашки съ рукавицами

Женская рубаха; вышитая шерстью салымской остячкой.

изъ оленьяго мѣха, шитаго шерстью внутрь. Подъ „малицей“ носятъ кожаные штаны, сверху для тепла надѣвается другая шуба—„гусь“, мѣхомъ уже наружу. „Гусь“ весь разукрашенъ бѣлой и черной собакой, вперемежку съ разноцвѣтными суконными прошивками. Особенно любятъ принарядиться женщины; ихъ „гусь“—его покрой и у мужчинъ и у женщинъ одинаковъ—

такъ и пестрить, такъ и бьетъ въ глаза; на головѣ у самоѣдокъ огромныя шапки въ родѣ капоровъ; капоры вокругъ лица обшиты широкими отворотами изъ пушистаго собачьяго мѣха. Сзади на шапкахъ у женщинъ подвѣшено нѣсколько фунтовъ колокольчиковъ, мѣдныхъ кружковъ и всякихъ побрякушекъ, такъ что когда они двигаются, кругомъ далеко разносится звонъ и трескъ. На ногахъ самоѣды носятъ мѣховые чулки—„чижи“, шерстью внутрь на босую ногу; изъ болѣе грубаго мѣха шьются сапоги — „пимы“.

Самоѣды гораздо чистоплотнѣе остальныхъ инородцевъ. Изъ деревянныхъ кольевъ, обыкновенно 28 штукъ, они ставятъ себѣ палатки— „чумы“, похожіе на широкую сахарную голову. Чумъ въ два часа можно совершенно разобрать или разставить; перевозятъ свои жилища самоѣды на нартахъ, а сборомъ и разстановкой обыкновенно завѣдуютъ женщины. Внутри по бокамъ раскладываютъ доски, покрытыя оленьими шкурами; шкурами же завѣшивается входъ и на зиму обтягивается весь чумъ; лѣтомъ жилище покрывается вываренной въ кипяткѣ берестой. На серединѣ чума кладется желѣзный листъ для очага, а наверху оставлено отверстіе для выхода дыма.

Самоѣды ѣдятъ, главнымъ образомъ, сырую мороженую рыбу и оленину. Оленье мясо съѣдаютъ даже еще теплымъ, сейчасъ же послѣ того, какъ заколютъ животное, при этомъ куски мяса макаютъ въ кровь. Отъ жирной и сырой пищи самоѣды болѣютъ желудочными и кишечными заболѣваніями. Въ кишкахъ, напр., часто бываютъ мучительныя язвы.

Самоѣды совершенно предоставлены самимъ себѣ. Во всѣхъ своихъ невзгодахъ имъ неоткуда ждать помощи. Въ годы голода или повальныхъ болѣзней инородцы, какъ и всегда, должны помогать себѣ собственными средствами. Ни врачей ни какой-нибудь общественной или правительственной продовольственной организаціи для инородцевъ нѣтъ и помину.

Русскій языкъ почти никому изъ самоѣдовъ не извѣстенъ. Школь, конечно, не существуетъ. По своей вѣрѣ самоѣды—такіе же язычники, какъ вогулы и остяки. Христіанъ среди нихъ совершенно нѣтъ. Представленіе о загробной жизни у самоѣдовъ еще болѣе смутное, чѣмъ у другихъ инородцевъ. Первое время послѣ смерти душа, какъ полагаютъ они, еще продолжаетъ существовать; поэтому трупъ снабжаютъ всякими предметами, бывшими необходимыми человѣку еще при жизни. Но, какъ только тѣло окончательно истлѣваетъ, прекращается и загробная жизнь души. Исключеніе составляютъ шаманы, называемые у самоѣдовъ тадибеями, души которыхъ обладаютъ полнымъ безсмертіемъ.

Жертвоприношенія, молитвы, врачеванія и другіе обряды, совершаемые тадибеями, мало чѣмъ отличаются отъ такихъ же дѣйствій другихъ инородческихъ шамановъ.

Вотъ, напр., заклинанія тадибея: „Придите, придите, духи волшебства, если вы не придете, то я самъ къ вамъ отправлюсь. Проснитесь, проснитесь, духи волшебства, я пришелъ къ вамъ, проснитесь отъ сна!“

На это духи отвѣчаютъ словами тадибея: „Скажи, по какому дѣлу ты прибѣгаешь, зачѣмъ приходишь ты нарушать нашъ покой?“ и такъ далѣе.

При этомъ тадибей напѣваетъ простыя заунывные мелодіи, настраивающія простодушныхъ самоѣдовъ на мистическій ладъ.

Сибирскіе инородцы, окруженные хмурой, суровой природой, выработали у себя хмурую и бѣдную религію. Они боязливы и беспомощны; всякія темныя силы преслѣдуютъ ихъ и посылаютъ на ихъ голову всевозможныя несчастія; поэтому всѣ свои молитвы и помыслы инородецъ направляетъ къ этимъ безжалостнымъ темнымъ духамъ, молить ихъ о милости, о снисхожденіи.

Какъ и въ борьбѣ съ природой, инородецъ и въ религіи только защищается.

Самоѣды занимаются разведеніемъ оленей, охотой и рыбной ловлей; на побережьѣ Ледовитаго океана бьютъ тюленей, продавая товары скупщикамъ, тратя все на водку, которую они такъ же любятъ, какъ и всѣ сибирскіе инородцы. Часть самоѣдовъ поселилась въ лѣсной полосѣ; тамъ они перемѣшались съ остяками, частью бросили кочевья и осѣли по рѣчнымъ берегамъ. Всѣхъ самоѣдовъ насчитываютъ тысячъ десять. Самые богатые среди нихъ кочуютъ на сѣверо-востокаѣ западно-сибирской тундры, заходя иногда даже въ предѣлы сосѣдней Енисейской губерніи, добывая тамъ голубого песка.

Самоѣды и остяки дѣлятся на роды, т.-е. на группы людей, которыя происходятъ отъ одного родоначальника. Между родами и русскими властями посредничаютъ старосты или старшины, которыхъ для этого избираетъ сходъ. Инородцы обложены податями—„ясакомъ“ по рублю пятидесяти копеекъ съ души каждаго кочевника. Кромѣ того, они обязаны исполнять почтовую

гоньбу: лѣтомъ въ лодкахъ, а зимой на оленяхъ и собакахъ.

Кромѣ самоѣдовъ и остяковъ, на сѣверѣ Западной Сибири поселились еще зыряне. Они пришли изъ сѣверныхъ частей Архангельской и Вологодской губерній.

Зыряне—народъ смѣтливый, предприимчивый и работающій; они выносливы, здоровы и по наружности походятъ на великоруссовъ. Эти пришельцы принадлежатъ къ самымъ способнымъ „ижемскимъ“ зырянамъ изъ села Ижмы, Архангельской губерніи. Отъ другой зырянской группы—вологодскихъ зырянъ они отличаются, главнымъ образомъ, своимъ языкомъ, сильно отразившимъ на себѣ русское вліяніе.

Появились они въ Западной Сибири сравнительно недавно, но быстро начали устраиваться и находить себѣ заработокъ. Часть ихъ занялась торговлей и стала спорить съ русскими купцами, которые до тѣхъ поръ всю торговлю въ краѣ держали въ своихъ рукахъ; зыряне стали покупать у инородцевъ товары дороже, а свои продавать имъ дешевле; это, конечно, поубавило доходы русскихъ кулаковъ и пришлось имъ не по вкусу. Русскіе купцы, чтобы попрежнему развязать себѣ руки, стали жаловаться начальству и просить выселить зырянъ обратно въ Россію; эти просьбы имъ иногда удавались.

Другая часть зырянъ стала держать оленей, прогоняя свои стада мимо Обдорска и продавая обдорянамъ оленье мясо и шкуры. Въ оленоводствѣ зыряне еще не такъ опыты, какъ самоѣды; допуская своихъ оленей сѣдять весь подножный мохъ, зыряне этимъ самымъ истощаютъ тундру, превращая ее въ пустыню; самоѣды же перепо-

няютъ стада съ мѣста на мѣсто раньше, чѣмъ животныя оциплютъ весь мохъ, сохраняя этимъ тундру отъ истощенія.

Есть между зырянами и мастера-кустари. Вообще же они на всѣ руки хороши. Зыряне, живущіе въ Обдорскѣ, своихъ дѣтей непременно посылаютъ въ мѣстную школу. Они такъ успѣшно борются за свое существованіе, что единственные среди всѣхъ инородцевъ Западной Сибири не вымираютъ, и даже увеличиваются въ числѣ. Съ сѣвера зыряне проникли къ югу и встрѣчаются въ Западной Сибири повсюду. Ихъ насчитываютъ въ настоящее время около 10.000 человекъ.

Но благосостояніе зырянъ — исключеніе среди сибирскихъ инородцевъ.

Русскіе, проникнувъ въ чужіе сѣверные края, ничего новаго и полезнаго имъ не принесли съ собою. Какъ говорилось выше, они сами скорѣе одичали отъ сосѣдства съ некультурными племенами.

Отъ столкновенія съ русскими пришельцами остяки и самоѣды утеряли даже то скудное благосостояніе, которое они сумѣли себѣ добыть до появленія колонизаторовъ.

Бѣдные дикари пріобрѣтаютъ отъ русскихъ такія болѣзни, какъ сифилисъ, которыя имъ раньше не были извѣстны. Въмѣсто того, чтобы облагораживаться отъ сосѣдства съ европейцами-христіанами, инородцы видятъ съ ихъ стороны такъ много дурныхъ примѣровъ, что сами начинаютъ хитрить, лгать, обманывать и воровать.

Русскіе пріучили самоѣдовъ и остяковъ пить. Спаиваніе инородцевъ широко идетъ по всей Сибири, окончательно убивая населеніе.

И все-таки обиженные и обманутые инородцы сумѣли, хотя съ грѣхомъ пополамъ, выжить въ этихъ суровыхъ урманахъ, тайгѣ и тундрахъ, въ тѣхъ далекихъ и дикихъ краяхъ, куда русскому человѣку еле открыть доступъ и гдѣ онъ — русскій почти не можетъ существовать.

Борясь съ окружающими неблагоприятными условіями, инородцы, конечно, не могутъ избѣжать губительныхъ послѣдствій этой неравной борьбы.

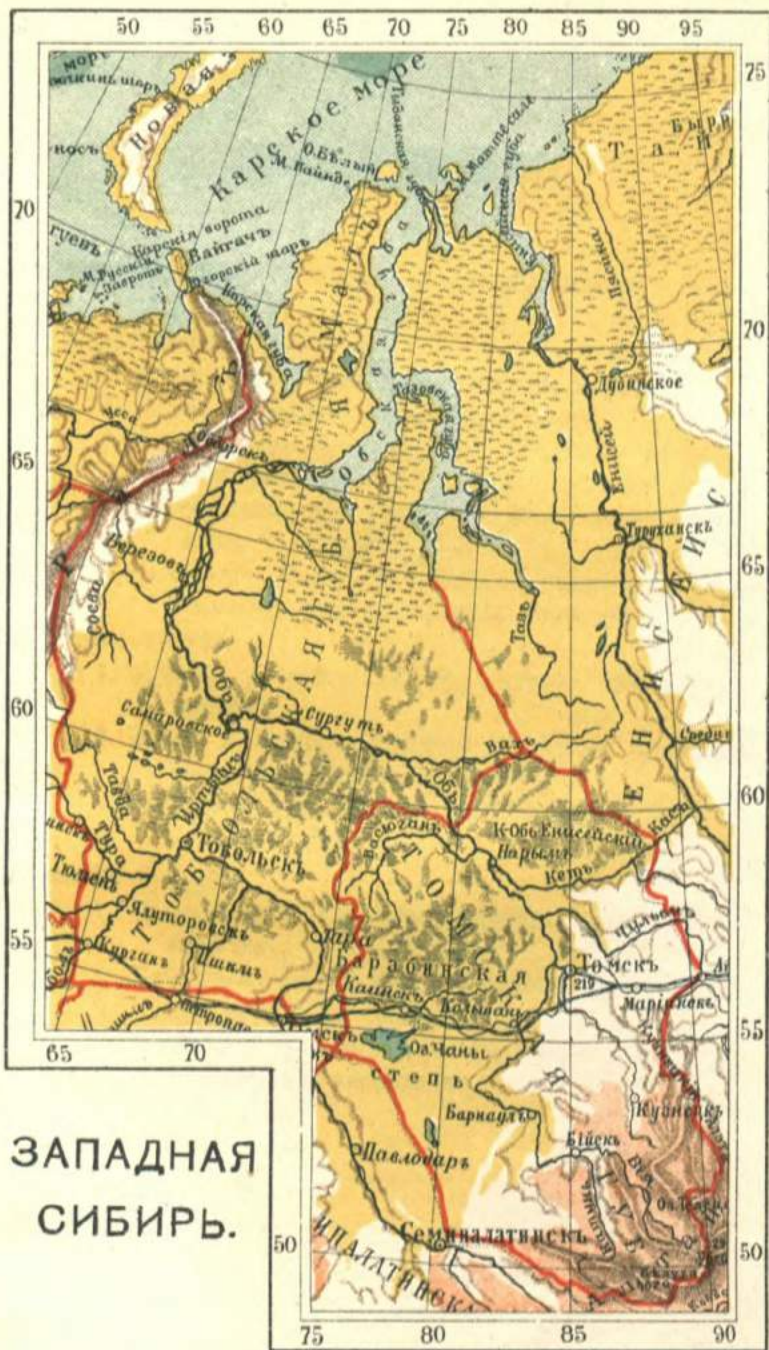
Инородческое населеніе повсюду въ Западной Сибири разоряется. Разореніе идетъ гдѣ быстро, а гдѣ и медленно, но вездѣ непрерывно. Особенно отъ него страдаютъ остяки по Иртышу и Оби. Разоряются инородцы и отъ эксплуататорской торговли съ русскими купцами, разоряются и отъ конкуренціи русскихъ промышленниковъ, занявшихъ лучшія мѣста вдоль рѣкъ и въ лѣсахъ.

Разоряясь, инородцы голодаютъ, болѣютъ и мрутъ. Губятъ инородцевъ заразные болѣзни, пьянство. Инородческое населеніе становится все малочисленнѣе и малочисленнѣе.

Вымираніе инородцевъ грозитъ сибирскому сѣверу полнымъ опустошеніемъ и безлюдьемъ.

Въ остякахъ и самоѣдахъ урманы и тайга теряютъ своихъ главныхъ и привычныхъ обитателей.

**ЗАПАДНАЯ
СИБИРЬ.**

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
О присоединеніи Сибири и ея прошломъ	3
Общій обзоръ	13
Земледѣльческая полоса	28
1. Поверхность, климатъ, растенія и животныя	—
2. Почва, переселеніе, сельское хозяйство	40
3. Скотоводство и маслодѣліе, фабричная и кустар- ная промышленность, вліяніе желѣзной дороги, торговля, пути сообщенія, второстепенные про- мыслы и наемный трудъ	58
4. Населеніе городъ и деревня, старожилы пере- селенцы, ссыльные: татары, евреи, иностранцы	74
Лѣсная полоса	96
1. Урманы и тайга, болота, климатъ, почва и зе- мледѣліе	—
2. Звѣри и птицы, охотничьи и лѣсные промыслы, скупщики, паденіе промысловъ	113
3. Населеніе: русскіе, инородцы, вогулы, остяки; по- ложеніе инородцевъ	130
Полоса тундры	157
1. Тундра зимой и лѣтомъ, растительность, почва и климатъ	—
2. Животныя тундры, олень и собака, рыбы и рыб- ные промыслы, скупщики и торговля	165
3. Положеніе русскихъ, самоѣды, зыряне, разореніе и вымираніе инородцевъ	194
